

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ХРОНИКИ АМБЕРА

Престол таинственного Янтарного королевства — приз победителю в жесткой игре отражений. Сталь и огонь, предательство и коварство, жизни и судьбы людей — все это ничто перед грандиозностью великой цели. Ведь из девяти претендентов — Девяти принцев Амбера — лишь одному суждено занять место на троне.

Содержание:

- 1. Девять принцев Амбера (роман), стр. 6-129
- 2. Ружья Авалона (роман), стр. 130-263
- 3. Знак Единорога (роман), стр. 264-377
- 4. Рука Оберона (роман), стр. 378-503
- 5. Двор Хаоса (роман), стр. 504-607

- [Содержание](#)
 - [Идущие в Тени](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [ОТ ПЕРЕВОДЧИКА](#)
 - [КОММЕНТАРИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Содержание

Роджер Желязны
Девять принцев Амбера

Всю жизнь мы провели в одном из теневых миров. Наши мечты были смутны, желания — убоги. То тени скрывали нас, то вдруг впереди янтарной блесткой вспыхивал огонек надежды. И мы, жадно вытянув лапы, кидались на свет с криком «Дай!». Нас не интересовало, кто даст нам счастье: боги, правители, герои, любимые люди... даже облик счастьедающего был неважен для нас. Главное, чтобы побольше, получше, почаше и — поровну. Поровну! Не приведи случай, если виночерпий счастья минует твой стаканчик и лишит тебя законного. Мы живем в тени и большего нам не надо. Мы будем «ездить по всяму миру», жрать «кентуковые ящцеркины окорочка», но делать это не мимоходом, меж подвигов и приключений, а целенаправленно, сладострастно, все мысли, чувства и движения посвящая самому процессу. В лучших традициях «русской тоски» светлая печаль будет посещать нас лишь в песнях и пьяных снах. А мы будем старательно зарываться в грязь и делать все возможное, лишь бы ничего не менялось. Лишь бы ничто не потревожило нас в нашей зловонной луже, теплой и до боли своей.

Апокалипсис бытовухи тоже самодостаточен. Мысли, равно как и их хозяин, также легко и радостно тонут в унынии. «И ничего-то не выйдет...», «это обречено на провал...» — сопливые песни для горестного катарсиса, когда приходит удивительное знание о том, что ты — ничтожество...

Я — махровый материалист. Но именно поэтому и знаю: мир творит мысль. Ваши собственные мысли, господа, вырубают во Вселенском урагане информации маленький островок — Ваш мир. Каков он — чисто Ваши проблемы. Но именно Ваш мир первичен и способен лихо менять всю Вселенную. Уберите усилием Вашей мысли, Вашей воли то, что Вам не нравится, добавьте то, что так не хватает и так необходимо этому миру — и Вы уже на шаг ближе к Вашему Янтарному городу. Еще шаг. Еще. И вот показались шпили Вашего замка. Вот колокольня блистательного города, где хозяин — Вы. Вы, дьявол Вам в ладони! И если Вы не ошиблись ни на одном из шагов, вы достигли своего первого Авалона. Вы стали Магом: Ваше слово может воздействовать на материю.

Мы, на тени Россия не привыкли к этому. Мы не помним заветной формулы: «Время — деньги». Нам более приятно «каждому по потребностям», чем «каждому по труду». Состояние тусовки для нас естественнее, чем состояние работы. Но слово «Дай!» незыблемо. И иногда кажется, что среди нас никогда не найдется ни одного принца Янтара.

В конце концов, каждый сам решит, что лучше — стабильная служба или жутковатый путь, и какая война больше по душе — с половой щеткой против паркетного пола, либо с двуручным мечом против сверкающего дракона.

Что ж, для принцев янтарной крови Янтарь — цель неизбежная, как сама жизнь. Их Путь — путь к своему Янтарию. Рискните, господин читатель, и хотя бы проследите Путь Кэвина, принца удачи и очень решительных действий. Не всем быть такими. Но вдруг удивительная идея книги, принцип жизни и действия героя что-то изменит в Вас, заставят изменить Ваш собственный Мир и подтвердят звание Мага, по праву принадлежащее Роджеру Желязны.

Это было началом конца того, что мне казалось целой вечностью. Я попытался пошевелить пальцами ног — успешно. Я лежал, распластавшись в постели, обе ноги были в гипсе, но это были мои, настоящие, живые ноги.

Я крепко сжал веки, затем открыл — и так трижды.

Комната пришла в равновесие.

Где я, черт побери?

Постепенно туман рассеялся, и то, что зовется памятью, вернулось ко мне. Я вспомнил ночи, санитарок и иглы. Каждый раз, лишь только предметы вокруг обретали четкость, кто-то входил и колот меня какой-то дрянью. Так и было. Да. Но теперь я чувствовал себя вполне прилично. По крайней мере, наполовину. И им придется прекратить.

Придется ли?

Может, и нет, — всплыла внезапная мысль.

Естественный скепсис по поводу чистоты человеческих намерений прочно укоренился в моей голове. Да меня же просто перекололи наркотиками, — вдруг сообразил я. Вероятно, особой причины и необходимости в этом не было — да и быть не могло, — но раз уж им заплатили, то зачем останавливаться? Значит, действуй хладнокровно и делай вид, что ты еще в дурмане, подсказал внутренний голос — моя вторая половина, самая худшая, но и более мудрая.

Я последовал совету.

Минут через десять в приоткрывшуюся дверь палаты пролезла голова санитарки, а я, конечно, всю трубил: «хр-р». Голова исчезла.

И я восстановил кусочек того, что произошло.

Я смутно припоминал, что попал в какую-то неприятность. Что случилось потом — было расплывчато, ну а о том, что было до этого, я и вовсе не имел ни малейшего представления. Сначала меня отвезли в обычную больницу, а потом перевели сюда, это я помнил. Зачем? Я не знал.

Ноги мои были в порядке. По крайней мере, ходить я мог. Я не помнил, сколько времени прошло с тех пор, когда я их сломал, но то, что у меня было два перелома — знал точно. Я сел в постели. Это потребовало настоящего усилия, и мускулы сразу занемели. Снаружи было темно, лишь за окном голо сияли пригоршни звезд. Я подмигнул звездам и перебросил ноги через край кровати.

Немного кружилась голова, но скоро головокружение прошло, я поднялся, держась за железный прут в изголовье, и сделал первый шаг.

Порядок. Ноги меня держат. Итак, теоретически, уйти отсюда я смогу.

Я и ушел — обратно в кровать; улегся поудобнее и стал думать. Меня зазнобило, на лбу выступил пот. Во рту потек вкус сладких сахарных слив... Неладно что-то в Датском королевстве.

Да. Я попал в автомобильную катастрофу.

Открылась дверь, впустив в комнату струю сильного света из коридора, и сквозь щели век я увидел сестру со шприцем наизготовку. Она подошла к постели — широкобедрая баба, темноволосая, с пухлыми руками.

Как только она приблизилась, я сел.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Почему — добрый вечер? — ответила она.

— Когда я отсюда выхожу?

— Надо спросить у доктора.
— Спросите, — сказал я.
— Пожалуйста, закатайте рукав.
— Нет, благодарю вас.
— Но мне надо сделать вам укол.
— Спасибо, не надо. Мне он не нужен.
— Боюсь, но доктор говорит...
— Пригласите его сюда, и пусть он скажет мне об этом. А я не желаю никаких уколов.
— Боюсь, но я выполняю приказ...
— И Айхманн выполнял [Ц](#). Вы помните, как он кончил? — и я медленно покачал головой.
— Ах, вы... Мне придется доложить об этом... этом...
— Сколько угодно, — сказал я, — и во время доклада не забудьте упомянуть, что утром я выписываюсь.

— Это невозможно. Вы не можете даже встать на ноги, что же касается внутренних разрывов и кровоизлияний...

— Посмотрим, — сказал я. — Спокойной ночи.

Она исчезла, не ответив.

Я улегся поудобнее и задумался. Похоже, я нахожусь в частной клинике, а это значит, что счета кто-то должен оплачивать. Кто-то известный мне? Я не мог вспомнить ни одного родственника или друга. Так кто же? Недруги? Я подумал немного.

Ничего.

И никого, кто мог бы так меня облагодетельствовать.

Я и автомобиль свалились с утеса прямо в озеро, вдруг вспомнил я. На этом воспоминание оканчивалось.

Я...

Я весь напрягся, и меня вновь прошиб пот.

Я не знал, КТО я такой.

Чтобы чем-то занять себя, я сел в постели и принялся разбинтовывать повязки. Под ними вроде все было в порядке, к тому же мне казалось, что я все делаю правильно. Я сломал гипс на правой ноге, используя в качестве рычага железный прут, выломанный в изголовье кровати. И вдруг — накатило. Я понял, что надо убираться отсюда как можно скорее, и что обязательно надо сделать нечто очень важное. Наваждение прошло.

Я опробовал правую ногу. Полный порядок.

Расколов гипс на левой ноге, я поднялся и подошел к стенному шкафу.

Одежды не было.

Послышались шаги. Я вернулся в постель и как можно более тщательно укрыл себя бинтами и разломанным гипсом.

Дверь снова отошла.

Затем комната ярко осветилась, и у самого входа, рядом с выключателем, я увидел мясистого детину в белом халате.

— Я слышал, ты устроил медсестре веселую жизнь, — сказал он, и я понял, что притворяться больше не имеет смысла.

— Не знаю, — ответил я. — А что?

Это на секунду-другую сбilo его с толку, затем, нахмурившись, он продолжил:

— Время инъекции.

— Вы что, профессор? — спросил я

— Нет, но мне приказано сделать тебе укол.

— Я отказываюсь от укола и имею на это полное право. В конце концов, какое вам дело?

— Свой укол ты сейчас получишь, — он приблизился ко мне слева. В руке его появился шприц, который до этого он тщательно скрывал.

Это был очень грязный удар, если я, конечно, не промазал, — дюйма на четыре ниже пояса. Он очнулся на коленях перед кроватью.

—, — сказал он чуть погодя.

— Еще раз подойдешь, хоть на плевок, — сказал я, — и — увидишь, что будет.

— Ничего, мы обламывали и не таких пациентов, — с трудом выдавил он.

Тогда я решил, что пришло время действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

—, — сказал он.

— В таком случае, дайте ее сюда.

Его непрерывная ругань начала утомлять. Я накинул на него простыню и оглушил железным прутом.

Минуты через две я был одет во все белое — цвет Моби Дика и ванильного мороженого. Какая гнусь!

Я запихнул санитаря в туалет и выглянул через зарешеченное окно. Я увидел темную старую луну над верхушками тополей, качающую на руках молодой месяц. Трава серебрилась и блестела в удивительном свете. Ночь вяло торговалась с солнцем. И не было никаких намеков на то, в каких краях я очутился. Комната моя находилась на третьем этаже, и освещенный квадрат окна слева внизу говорил о том, что на первом этаже тоже кому-то не спится.

Я вышел из комнаты и осмотрелся. Слева коридор заканчивался глухой стеной с зарешеченным окном, а по обе стороны располагались четыре двери — по две на каждой. Вероятно, эти двери вели в такие же, как моя, палаты. Я подошел к окну, но не увидел ничего нового: те же деревья, та же земля, та же ночь — ничего нового.

Двери, двери, двери — без единой полоски света под ними, и единственный звук — шарканье моих ног, да и то лишь потому, что позаимствованная обувь оказалась слишком велика.

Часы весельчака показывали пять часов сорок четыре минуты. Металлический прут я заткнул под халат за пояс, и прут очень неудобно бил меня во время ходьбы. Примерно через каждые двадцать футов на потолке располагалась конструкция, исторгающая ваттов сорок света. Я дошел до лестницы, ведущей вниз направо, и начал спускаться. Лестница была покрыта ковром и бесшумна.

Второй этаж выглядел точно так же, как и мой: ряд комнат. Я миновал его.

Добравшись до первого этажа, я свернул направо и пошел вдоль стены, высматривая дверь с полоской света над порогом.

Я нашел ее в самом конце коридора, и не обеспокоил себя стуком.

За большим полированным столом, склонившись над grossбухом, сидел парень в роскошном купальном халате. Комната совсем была не похожа на палату. Он взглянул на меня широко раскрытыми глазами, губы на секунду разомкнулись, словно он хотел закричать, — но удержался, увидев выражение моего лица. Он быстро встал.

Я закрыл за собой дверь, подошел ближе и сказал:

— Доброе утро. У вас неприятности.

Людей, по-видимому, ничем не исцелить от желания узнать о грядущих неприятностях, потому что, подождав три секунды, пока я пересекал комнату, он спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, — сказал я, — что вы уже почти имеете судебное разбирательство за то,

что держали меня взаперти, и еще одно — за неправильное лечение и бессистемное применение наркотиков. А сейчас у меня кризис: смертельно необходим укол морфия. Я за себя не отвечаю и сейчас начну бросаться на людей...

Он встал.

— Убирайтесь отсюда, — сказал он.

Я увидел на столе пачку сигарет. Я сделал себе маленький подарок, вдохнул дым и сказал:

— Присядьте и заткнитесь. Нам надо кое-что обсудить.

Сесть он сел, но не заткнулся.

— Вы нарушили сразу несколько законов.

— Вот пусть суд и разберется, кто что нарушил. А мне нужна одежда и личные вещи. Я выписываюсь.

— Вы еще не в том состоянии.

— Вас никто не спрашивает. Верните вещи, или я действительно обращусь в суд.

Он потянулся к кнопке звонка на столе, но я отшвырнул его руку.

— Мои вещи, — повторил я. — А это вам следовало сделать чуть раньше: когда я вошел. Теперь это немного поздновато.

— Мистер Кори, вы были очень тяжелым па...

Кори?

— Сам я сюда не ложился, и, черт меня побери, имею право выписать себя отсюда, и сейчас самое подходящее время. Так что позаботьтесь об этом.

— Совершенно ясно — вы еще не в том состоянии, чтобы покинуть стены клиники, — ответил он. — Я не могу допустить этого. Сейчас я позову санитаря, чтобы он помог вам добраться до палаты и уложил в постель.

— Не стоит. А не то вам суждено испытать, в каком я состоянии. А теперь у меня есть несколько вопросов. Во-первых, кто поместил меня сюда и кто платит?

— Ну, хорошо, — он вздохнул, и его маленькие песочные усики печально обвисли.

Он открыл ящик стола, сунул туда руку, и я насторожился.

Мне удалось выбить пистолет еще до того, как он спустил предохранитель — очень изящный автоматический кольт калибра 0.32. Подхватив пистолет со столешницы, я щелкнул предохранителем и направил ствол в сторону доктора.

— Отвечайте. Вероятно, вы считаете, что я опасен. Вы можете оказаться правы.

Он слабо улыбнулся и тоже закурил — явный просчет, если он желал выглядеть уверенным. Руки у него здорово тряслись.

— Ну ладно, Кори. Если вас это осчастливит, — сказал он, — то сюда вас поместила ваша сестра.

"???" — подумал я.

— Какая сестра? — спросил я.

— Эвелин, — сказал он.

Никаких зацепок. Тогда...

— Забавно, — сказал я, — я не видел Эвелин много лет. Она даже не знала, что я живу в этих краях.

— И тем не менее... — он пожал плечами.

— И где она сейчас живет? Я хотел бы навестить ее, — сказал я.

— У меня нет ее адреса.

— Узнайте.

Он поднялся, подошел к полке с картотекой, вынул карточку.

Я изучил ее. Миссис Эвелин Флаумель... Адрес в Нью-Йорке тоже был незнаком, и я его

запомнил. Судя по карточке, меня звали Карл. Прекрасно. Еще клочок информации.

Вернув предохранитель на место, я засунул пистолет за пояс, рядом с прутом.

— Ну, ладно. Где одежда, и сколько вы мне заплатите?

— Вся ваша одежда погибла при катастрофе, и я должен вас предупредить, что у вас были переломы обеих ног, причем на левой ноге было два перелома. Честно говоря, я просто не понимаю, как вы можете держаться на ногах. Прошло всего две недели...

— Я всегда поправляюсь быстро. А теперь о деньгах.

— Каких деньгах?

— Которые вы заплатите мне без суда за злоупотребление наркотиками и так далее.

— Не смешите меня.

— А кто смешит? Я согласен на тысячу долларов наличными, но только сразу, сейчас.

— Я не намерен даже обсуждать это.

— Скорей соображайте — выигрывать или проигрывать: подумайте о том, как назовут эту контору, если я организую вам рекламу перед судом. А я непременно обращусь в медицинское общество, в газеты...

— Это шантаж, и я ...

— Заплатите сейчас или после решения суда — мне все равно. Но сейчас обойдется значительно дешевле.

Если он согласится, я буду твердо знать, что догадки мои были верны, а вся история — достаточно грязна.

Он долго смотрел на меня.

— У меня нет при себе тысячи, — сказал он наконец.

— Назовите цифру, удовлетворяющую всех, — предложил я.

После еще одной паузы он выдавил:

— Это вымогательство.

— Нет, это "гони монету, дурашка". Валяйте. Сколько?

— В моем сейфе есть долларов пятьсот.

— Доставайте.

Перекопав маленький стенной сейф, он сообщил, что есть всего четыреста тридцать долларов, а поскольку мне не хотелось оставлять отпечатки пальцев, пришлось поверить ему на слово. Я забрал купюры и сунул их в боковой карман.

— Где тут ближайшая транспортная компания?

Он назвал место, и я проверил по телефонному справочнику, который сообщил, что я нахожусь на севере штата.

Я заставил его набрать номер и вызвать такси, поскольку не знал названия клиники и не хотел показывать, в каком состоянии моя память. Все-таки одна из повязок, которые я так тщательно удалил, была вокруг моей головы.

Когда он вызывал мне машину, я услышал название клиники:

— Частная больница в Гринвуде.

Я затушил сигарету, вытащил из пачки следующую и снял со своих ног примерно двести фунтов груза, сев в удобное коричневое кресло рядом с книжным шкафом.

— Подождем здесь, а затем вы проводите меня к выходу, — сказал я.

Больше я не услышал от него ни слова.

Было часов восемь утра, когда шофер такси высадил меня в ближайшем городе на каком-то углу. Я расплатился и минут двадцать прогуливался. Затем зашел в закусочную, устроился за столиком и заказал сок, пару яиц, тост, бекон и три чашки кофе. Бекон был жирноват.

Примерно с час пронаслаждавшись завтраком, я еще погулял, нашел магазин одежды и подождал до девяти тридцати — времени открытия.

Я купил себе пару брюк, три рубашки спортивного покроя, пояс, нижнее белье и подходящие ботинки. Я также выбрал себе носовой платок, бумажник и расческу.

Затем я разыскал Грейнхаундскую автобусную станцию и сел в автобус до Нью-Йорка. Никто не пытался меня остановить. Похоже, никто меня и не разыскивал.

Сидя у окна, глядя на деревенский пейзаж в осенних тонах, освеженный живыми ветерками с яркого, холодного неба, я попытался упорядочить все, что знал о себе и о том, что со мной произошло.

Я, Карл Кори, был помещен в Гринвуд моей сестрой Эвелин Флаумель. Это произошло примерно две недели назад после автомобильной катастрофы, в результате которой я получил переломы ног — хотя этого я и не чувствовал. Я не помнил никакой сестры Эвелин. Вероятно, персонал Гринвуда получил указание держать меня в постели беспомощным, но когда я освободился и пригрозил, испугался последствий. Ну, что ж. Значит, кто-то меня боится. А значит, я буду вести себя соответственно.

Я попытался вспомнить, как произошла авария, и додумался до того, что у меня разболелась голова. Но все-таки авария не могла быть несчастным случаем.

Я был в этом убежден, хотя и не знал, почему. Я выясню и это, и тогда кое-кто заплатит. Очень, очень много заплатит. Ненависть, могучая ненависть горячей волной ударила меня в грудь. Кто бы ни пытался сломать или использовать меня, сделал это себе на беду, и теперь, кто бы он ни был, он не будет обижен моим вниманием. Я ощутил сильное желание убить, уничтожить этого мерзавца, и вдруг понял, что эти ощущения не новы и что в прошлой жизни именно так я и поступал. И не раз.

Я уставился в окно, глядя, как падают мертвые листья.

Добравшись до Большого Города, я, во-первых, зашел в парикмахерскую побриться и подстричься, а во-вторых, отправился в туалетную комнату и надел свежую рубашку — терпеть не могу, когда срезанные волосы щекочут шею. Автоматический пистолет калибра 0.32, принадлежавший неизвестному типу из Гринвуда, лежал в правом кармане куртки. Предполагаю, что если Гринвуд или моя сестра захотели бы вдруг разыскать меня, то незаконное ношение оружия вряд ли пошло бы мне на пользу. Но я решил, что так спокойнее. Сначала меня надо найти, а потом... Главное, я хотел понять причину всех событий. Я быстро перекусил в ближайшем кафе, потом целый час ездил в метро и на автобусах, соскакивая на самых неожиданных станциях, затем взял такси и назвал адрес Эвелин в Уэстчестере — адрес моей сестры и желанного источника воспоминаний. Прежде, чем мы приехали, я обдумал тактику дальнейших действий.

И когда в ответ на мой стук, после получасового ожидания, старинная большая калитка отворилась, я уже знал, что буду говорить. Я все тщательно обдумал, пока шел к дому по длинной извилистой аллее, выложенной белым гравием, мимо дубов и ярких кленов — ветер охлаждал мою подстриженную шею под поднятым воротником куртки, под ногами хрустели листья. Запах тоника от моих волос смешивался с густым запахом плюща, обвивавшего стены старого каменного здания. Все было незнакомо, и вряд ли я когда-либо был здесь раньше.

Я постучал, и мне ответило эхо.

Затем я засунул руки в карманы и стал ждать.

Когда дверь отворилась, я улыбнулся и кивнул плоскогрудой служанке с россыпью родинок на лице.

— Да? — сказала она с пуэрториканским акцентом.

— Я хочу видеть миссис Эвелин Флаумель.

— Как прикажете доложить?

— Ее брат Карл.

— О, входите, пожалуйста, — сказала она мне.

Я вошел в прихожую. Пол был выложен мозаикой из крохотных бирюзовых и лососевых кафельных плиток. Стены красного дерева, заросли больших зеленых лопухов, оккупировавших кадки на левой половине комнаты. Сверху проливал желтый свет куб из стекла и эмали.

Девушка удалилась, и я стал осматриваться, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь знакомое. Ничего.

Тогда я стал просто ждать.

Наконец служанка вернулась, улыбнулась, кивнула и молвила:

— Пожалуйста, идите за мной. Она примет вас в библиотеке.

Я пошел следом: три лестничных пролета вверх, затем по коридору мимо двух закрытых дверей. Третья дверь слева была открыта, и служанка жестом пригласила войти. Я вошел и остановился на пороге.

Как и в любой библиотеке, здесь были бесконечные этажи книг. Еще здесь были три картины — два лесных пейзажа и один морской. Пол был застлан тяжелым зеленым ковром. Рядом с громадным столом стоял такой же громадный глобус, с лица которого на меня смотрела Африка. Позади стола и глобуса во всю стену распростерлось окно со стеклом толщиной не меньше восьми сантиметров. Но не это стало причиной моего замешательства.

На женщине, сидевшей за столом, было платье цвета морской волны с глубоким вырезом спереди и широким воротником, у нее были длинные волосы в локонах, по цвету напоминавшие нечто среднее между закатными облаками и пламенем свечи в темной комнате, — не крашенные, я откуда-то знал это, — а ее глаза за большими очками, в которых она, по-моему, не нуждалась, — я это тоже знал, — светились такой же голубизной, как озеро Эри в три часа пополудни ясным летним днем, а цвет ее сжатых губ гармонировал с волосами. Но и это не стало причиной моего замешательства.

Я знал ее, откуда-то знал, хотя и не мог сказать, откуда.

Я двинулся вперед, надев на себя улыбку.

— Привет, — сказал я.

— Садись, — она указала на кресло с высокой спинкой и большими подлокотниками, оно было оранжевым и удобным — как раз для меня.

Я сел, и она пристально взглянула на меня.

— Я рада видеть тебя снова на ногах.

— Я тоже. Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо. Должна признаться, что я не ожидала увидеть тебя здесь.

— Знаю, — приврал я, — но я здесь, чтобы поблагодарить тебя за заботу и ласку.

Я позволил прозвучать легкой ноте иронии, чтобы посмотреть на ее реакцию.

В это время в комнату вошла гигантская собака — ирландский волкодав — и свернулась в клубок возле стола. Вторая пришла следом, но перед тем как лечь, дважды обошла глобус.

— Вот именно, — ответила она, возвращая иронию, — это самое малое, что я могла для тебя сделать. В следующий раз будь осторожнее за рулем.

— Обещаю тебе, что буду принимать все меры предосторожности.

Я не знал, в какие игры мы играем, но так как и она не знала, что я этого не знаю, я решил выудить из нее все, что удастся.

— Я подумал, что тебе будет небезынтересно, в каком я сейчас состоянии, вот я и пришел.

— Я была... я... — ответила она. — Ты что-нибудь ел?

— Завтракал часа два тому назад.

Она позвонила служанке и приказала накрыть на стол. Затем:

— Я так и думала, что ты сам выберешься из Гринвуда, когда придешь в себя. Правда, я не ожидала, что это будет так скоро и что ты явишься сюда.

— Знаю, — ответил я. — Потому-то я и пришел.

Она предложила мне сигарету, я взял, дал прикурить ей, затем закурил сам.

— Ты всегда вел себя неожиданно, — сказала она после несколько затянувшейся паузы. — Правда, в прошлом тебе это помогало, но не думаю, что ты что-нибудь отыграешь сейчас.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Ставка слишком высока для блефа, а мне кажется, что ты именно блефуешь, явившись ко мне вот так, запросто. Я всегда восхищалась твоей смелостью, Кэвин, но не будь дураком. Ты знаешь счет в игре.

Кэвин? Запишем это после "Кори".

— А может, не знаю, — ответил я. — Ведь какое-то время я спал, разве не помнишь?

— Ты хочешь сказать, что ни с кем не связывался?

— Как проснулся, не представилось случая.

Она наклонила голову на сторону, и ее удивительные глаза сузились.

— Опрометчиво, — сказала она, — но возможно. Просто возможно. Ты мог попробовать. Ты мог. Я притворюсь, что ты так и сделал. В таком случае, ты поступил остроумно и неопасно. Дай мне подумать об этом.

Я затянулся сигаретой, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Но она молчала, и я решил ухватить то, что показалось выгодным в этой игре, которую я не понимал, с игроками, которых я не знал, и ради ставок, о которых я не имел никакого понятия.

— Одно то, что я пришел сюда, уже говорит кое о чем, — сказал я.

— Да, знаю. Но ты слишком хитроумен, поэтому говорить это может слишком о многом. Подождем и увидим.

Подождем чего? Увидим что? Галлюцинацию?

К этому времени нам принесли бифштексы и кувшин пива, так что на некоторое время я был избавлен от необходимости делать загадочные замечания и тонко намекать на то, о чем не имел ни малейшего понятия. Бифштекс был прекрасен — розовый внутри, сочный, и я аппетитно хрустел поджаренным хлебом, запивая всю эту роскошь большим количеством пива. Она засмеялась, глядя, с какой жадностью я поглощаю пищу, нарезая свой бифштекс маленькими ломтиками.

— Я люблю рвение, с которым ты набрасываешься на жизнь, Кэвин. И это одна из причин, почему мне не нравится смотреть, как ты рвешь с ней знакомство.

— Мне тоже, — пробормотал я.

И пока я ел, я увидел ее. Я увидел ее в одеянии с большим вырезом на груди, в платье с пышной юбкой, зеленом — как может зеленеть только море. Звенела музыка, все танцевали, позади нас слышались голоса. Я носил черное с серебряным, и... Видение исчезло, оно было настоящей частью моих воспоминаний, и я искренне выругался: как мне не хватает их. Что говорила она, в своем зеленом, мне, в моем черном и серебряном, той ночью среди музыки, танцев и голосов?

Я налил из кувшина еще пива и решил попробовать свое видение на Эвелин.

— Я вспомнил ночь, — сказал я, — ты была в зеленом, а я одет в свои цвета. Как тогда все казалось прекрасным, и музыка...

На лице ее возникло мечтательное выражение, щеки порозовели.

— Да, — сказала она, — прекрасные были времена... Скажи, ты действительно еще ни с кем не связался?

— Слово чести, — сказал я, что бы это ни значило.

— Стало еще хуже, — сказала она, — сейчас в Тени больше ужасов, чем можно себе представить...

— И?.. — спросил я.

— Он в прежних заботах, — закончила она.

— О.

— Да, — продолжала она, — и он захочет знать, где ты остановился.

— Вот здесь, — сказал я.

— Ты хочешь сказать?..

— Пока, — сказал я, наверное, слишком поспешно, поскольку ее глаза слишком широко распахнулись. — Пока не буду знать, в каком положении дела, — что бы это ни значило.

— О.

И мы доели наши бифштексы и допили пиво, а кости отдали собакам.

Потом мы пили кофе маленькими плоточками, и я почувствовал к ней самые настоящие братские чувства, но быстренько подавил их.

Я спросил:

— Что у других? — Это могло означать что угодно, а звучало безопасно.

На минуту я испугался, что сейчас она спросит, что я имею в виду. Но она просто откинулась на спинку стула, подняла глаза к потолку и сказала:

— Как всегда, ничего нового не слышно. Возможно, ты был мудрее всех. Мне здесь так хорошо. Но как можно забыть все... величие?

Я опустил глаза долу, поскольку не был уверен в своем взгляде, и сказал:

— Нельзя. Просто невозможно.

Последовало долгое и неуютное для меня молчание, которое все же нарушила она.

— Ты ненавидишь меня?

— Что за чушь, — сказал я. — Как я могу — если принять во внимание все?

Это, казалось, порадовало ее, и она продемонстрировала свои зубки, оказавшиеся весьма белыми.

— Хорошо. И спасибо тебе. Кем бы ты ни был, но ты — джентльмен.

Я поклонился и расшаркался.

— Ты вскружишь мне голову.

— Вряд ли, — сказала она. — Если принять во внимание все.

И я почувствовал себя неуютно.

Моя ненависть вновь пробудилась, и я подумал, знает ли она, против кого она может быть направлена. Я понял, что знает. Я с трудом удержался от желания спросить об этом в лоб.

— Что же ты думаешь делать? — спросила она в конце концов, и у меня не оставалось другого выхода, как туманно ответить:

— Ну, конечно же, ты мне не веришь...

— Да как мы можем тебе верить?

Я решил запомнить это "мы".

— Вот видишь. Так что сейчас я просто воспользуюсь твоим покровительством. Я буду рад

остаться здесь, где тебе совсем не трудно следить за мной.

— А дальше?

— Дальше? Посмотрим.

В нашей беседе наступила довольно-таки долгая пауза. Эвелин не выдержала ее первой.

— Умно, — сказала она. — Очень умно, и ты ставишь меня в неловкое положение.

(Честно говоря, мне просто некуда было деться, а на деньги, которые я удержал с доктора, долго не протянуть).

— Да, конечно, ты можешь остаться, но разреши предупредить тебя, — тут она поиграла каким-то брелком, свисавшим с цепочки на шее, — это — ультразвуковой свисток, специально для собак. У Доннера и Блитцена четыре брата, и все они обучены позаботиться о гадких людях, и все они сбегаются на мой свисток. Так что поостерегись появляться там, где твое присутствие нежелательно. Свисток-другой — и даже ты не выстоишь против их атаки. В Ирландии не осталось волков после того, как там вывели эту породу собак.

— Знаю, — механически ответил я, и тут же понял, что действительно это знаю.

— Да, — продолжала она. — Эрик будет доволен, что ты — мой гость. Это вынудит его оставить тебя в покое, а ведь ты именно этого и хочешь, "нессе-па"?

— "Уи", — ответил я.

Эрик! Это что-то значило! Я знал Эрика, и почему-то было очень важно, что я знал его. Не недавно. Давно. Но Эрик, которого я знал, был словно тень вокруг меня, и это было важно.

Почему?

Я ненавидел его, и это была одна из причин. Ненавидел так, что размышления о том, как бы его убить, были для меня не в диковинку. Возможно, я даже пытался их осуществить.

К тому же, между нами была какая-то связь, что я тоже знал. Родственная?

Да. Именно так. Причем ни я, ни он не были в восторге от того, что мы... братья. Я помнил... помнил...

Большой, сильный Эрик — с его влажной, кудрявой бородой и глазами — такими же, как у Эвелин!

На меня нахлынула новая волна воспоминаний, в висках отчаянно запульсировало, шея взмокла.

Я ничему не позволил отразиться на моем лице, но заставил себя сделать еще одну затяжку и еще один глоток пива, потому что сообразил, что Эвелин — действительно моя сестра! Только звали ее не Эвелин. Я никак не мог вспомнить ее настоящего имени. Придется быть осторожней, — решил я. — Я вообще не буду называть ее по имени, пока не вспомню.

А что же со мной? И что за страсти вокруг меня?

Эрик, внезапно понял я, был как-то связан с тем несчастным случаем. Он должен был закончиться для меня фатально, да только я выпутался. Не ОН ли и организовал все? Да, откликнулась моя интуиция. Это обязан быть Эрик. А Эвелин помогала ему, выплачивая Гринвуду, чтобы меня держали в бессознательном состоянии. Лучше, чем быть мертвым, но...

Внезапно я понял, что, придя к Эвелин, я бросился Эрику прямо в руки, стал его пленником, и если я останусь — я открыт для новой атаки.

Но она сказала, что раз я — гость, то Эрику придется оставить меня в покое. Я задумался. Я не имел права верить всему, что мне говорили. Придется все время быть начеку. Может, будет лучше, если я исчезну, пока память полностью не вернется.

Но это дикое ощущение смертельной необходимости. Я был обязан раскусить эту задачу, и как можно скорее, — и действовать, как только узнаю все. Это лежало на мне как проклятие. Если опасность была ценою памяти, а риск — платой за удобный случай, то быть по сему. Я остаюсь.

— И я помню... — сказала Эвелин.

Тут я понял, что она говорит со мной уже несколько минут, а я даже не слушаю. Возможно, это было эхом ее слов, не требующих ответа, ну и неотвязность моих собственных мыслей.

— Я помню тот день, когда ты победил Джулиэна в его любимых состязаниях, а он швырнул в тебя стакан с вином и проклял тебя. Но приз все-таки выиграл ты. И он внезапно испугался, что зашел слишком далеко. Но ты просто рассмеялся и выпил с ним другой стакан вина. Я думаю, он раскаивается до сих пор, что не сдержался — ведь он такой хладнокровный, и мне кажется, что он очень завидовал тебе в тот день. Ты помнишь?! Мне кажется, что с тех пор почти во всем он старается подражать тебе. Но я ненавижу его по-прежнему и надеюсь, что когда-нибудь он все же споткнется, я чувствую, он споткнется.

Джулиэн, Джулиэн, Джулиэн. Да и нет. Что-то насчет состязания и искушения человека, и разрушения его почти легендарного самообладания. Да, здесь было ощущение знакомого; нет, я не мог в действительности сказать, с чем все это связано.

— А Кэйн, как здорово ты одурачил его! Знаешь, он все еще ненавидит тебя...

Я сделал вывод, что меня не слишком-то любили. Так или иначе, это чувство меня порадовало. И Кэйн тоже звучало знакомо. Очень. Эрик, Джулиэн, Кэйн, Кэвин. Имена эти плыли в моей голове, переполняли меня.

— Это было так давно... — сказал я почти произвольно, и, кажется, это было правдой.

— Кэвин, — сказала она, — хватит фехтовать. Ты хочешь большего, чем безопасность, я это знаю. И ты достаточно силен, и кое-чего достигнешь, если сыграешь правильно. Я не могу даже догадаться, что у тебя на уме, но, может быть, мы еще сможем сторговаться с Эриком.

Это "мы" явно прозвучало фальшиво. Она пришла к некоему заключению по поводу моей ценности, как бы все ни пошло. Она увидела шанс урвать для себя, я бы сказал, кусочек.

Я улыбнулся, совсем чуть-чуть.

— Ведь ты потому и пришел ко мне? — продолжала она. — У тебя есть какие-то предложения Эрику и ты хочешь, чтобы переговоры вел посредник?

— Может быть, — сказал я. — Только надо все хорошенько обдумать. Я так недавно поправился, что хорошо бы все взвесить в укромном уголке — на случай, если я вдруг решу, что с Эриком лучше всего вести переговоры и придется действовать быстро.

— Будь осторожен, — сказала она. — Ты же знаешь, я доложу о каждом твоём слове.

— Ну, конечно, — сказал я, не зная об этом вовсе, и вслепую нащупывая пути быстрого отступления, — если только твои заветные желания не совпадают с моими.

Ее брови сдвинулись и между ними пролегли короткие морщинки.

— Я не совсем понимаю, что ты мне предлагаешь.

— Я ничего не предлагаю, — сказал я. — Пока. Просто я открыт и честен с тобой и говорю, что ничего толком не знаю. Я не уверен, что хочу договариваться с Эриком. Ведь в конце концов... — я нарочно дал словам повиснуть, потому что мне нечем было их продолжить, хотя и чуял, что следовало это сделать.

— А что ты предлагаешь взамен? — она резко вскочила, схватившись за свисток. — Блейс! Ну конечно!

— Сядь и не смей меня, — ответил я. — Неужели я пришел бы к тебе вот так, запросто, отдался на твою милость, просто на корм собакам, потому что ты случайно подумала о Блейсе?

Она расслабилась, может даже размякла и снова села.

— Вероятно, нет, — сказала она наконец, — но я знаю: ты — игрок, и я знаю — ты можешь предать. Если ты пришел сюда, чтобы отделаться от противника, не мучай себя попыткой. Я не столь важная птица. Кроме того, я всегда думала, что все же нравлюсь тебе.

— Так было и есть, — ответил я, — тебе не о чем беспокоиться — и не беспокойся. Но

интересно, что ты упомянула Блейса.

Приманка, приманка, приманка! Мне так много надо было знать.

— Почему? Он все-таки связался с тобой?

— Я предпочитаю молчать, — ответил я в надежде, что это даст хоть какие-то преимущества, тем более, что по разговору можно было предположить, какую позицию занимает Блейс. — Если б он и связался, я ответил бы ему то же, что и Эрику: "Я подумаю".

— Блейс, — повторила она.

"Блейс, — сказал я сам себе. — Блейс, ты мне нравишься. Я забыл, почему. И я знаю, есть повод, чтобы ты мне не нравился, но ты мне нравишься. Это я тоже знаю".

Некоторое время мы сидели молча, и я почувствовал, что сильно устал, но не хотелось показывать этого. Я должен быть сильным. Я знал, что должен быть сильным.

Я сидел там и улыбался, и говорил:

— Хорошая у тебя здесь библиотека.

— Спасибо, — ответила она. — Блейс, — повторила она после очередной паузы. — Скажи, ты действительно думаешь, что у него есть хотя бы один шанс?

— Кто знает, — пожал я плечами. — По крайней мере, не я. Может быть, он знает, может быть, нет.

Она уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Даже рот у нее чуть приоткрылся.

— Не ты? — сказала она. — Слушай, а ты не собираешься попробовать сам?

Тогда я рассмеялся, чтобы как-то сгладить ее догадку. Отсмеявшись, я сказал:

— Не болтай глупостей. Я?

Но когда она произнесла это, я осознал, что она коснулась какой-то струны, какой-то глубоко закопанной мысли, мощно откликнувшейся: "А почему бы и нет?"

Внезапно я почувствовал страх.

Кажется, она поверила. Что ж, каким бы ни был мой отказ, я отказался. Она улыбнулась в ответ и махнула рукой в сторону встроенного в стену бара.

— Я бы с удовольствием выпила ирландского.

— Да и я не откажусь, — я поднялся и налил нам два стакана.

— Знаешь, — сказал я, вновь усевшись, — все-таки приятно сидеть с тобой вот так, даже если это и ненадолго. Это навевает воспоминания.

И она улыбнулась, засияла.

— Ты прав, — она отхлебнула виски. — С тобой я чувствую себя совсем как в Янтаре^[2].

Я чуть было не пролил выпивку.

Янтарь! Слово молнией прошило мой позвоночник!

Затем она заплакала, и я поднялся, полуобнял ее за плечи, чтобы успокоить.

— Не плачь, малышка. Пожалуйста, не надо. От этого мне тоже невесело.

Янтарь! Что-то было в этом слове, что-то мощное и электризирующее.

— Хорошие дни еще вернутся, — мягко сказал я.

— Ты действительно веришь в это?

— Да, — громко ответил я. — Да, верю!

— Ты сумасшедший! Может быть, потому ты всегда был моим самым любимым братом. Я могу поверить во все, что бы ты ни говорил, хоть я и знаю, что ты сумасшедший! — затем она еще немного поплакала, потом успокоилась. — Кэвин, если ты сделаешь это, если каким-то диким и причудливым путем в Тени ты сделаешь это, вспомнишь ли ты о своей маленькой сестричке Флоримель?

— Да, — ответил я, зная, что это ее имя, — да, я тебя не забуду.

— Спасибо. Я расскажу Эрику только самое главное, а о Блейсе и своих догадках вообще не

скажу ничего.

— Спасибо, Флори.

— И все же я ни чуточки тебе не доверяю, — добавила она. — Помни это тоже.

— Ясно и без слов.

Потом она снова позвонила служанке, которая проводила меня в спальню, где я еле смог раздеться, после чего замертво свалился в постель и проспал одиннадцать часов кряду.

Утром ее в доме не оказалось, и какой-нибудь записки тоже. Служанка накрыла стол к завтраку на кухне и ушла по своим делам. Я отверг попытку выудить у прислуги что-нибудь полезное, поскольку либо она ничего не знала, либо не сказала бы того, о чем хотелось знать, а о моей попытке обязательно донесла бы Флори. И раз так случилось, что я остался хозяином дома, я решил вернуться в библиотеку и глянуть, что там можно разузнать. Кроме того, я люблю библиотеки. Мне в них очень уютно, я всегда чувствую себя в безопасности за стеной слов, красивых и мудрых. Я всегда чувствую себя лучше, когда сознаю, что осталось еще что-то, сдерживающее тени в этом мире.

Доннер или Блицен, или один из их родственников, появился неизвестно откуда и пошел за мной на жестких лапах, нюхая носом воздух. Я попытался подружиться, но это было все равно, что кокетничать с регулировщиком движения, который тормознул тебя у обочины. Я заглянул в другие помещения, мимо которых проходил, но это были просто комнаты, выглядевшие достаточно невинно.

Потом я вошел в библиотеку, Африка по-прежнему была передо мной. Я закрыл за собой дверь, чтобы собаки не мешали, и прошелся по комнате, читая названия книг на стеллажах.

Тут было множество книг по истории. По-моему, они составляли основу коллекции. Были тут и книги по искусству — большие дорогие издания — я пролистал несколько. Лучше всего соображается, когда думаешь о чем-нибудь постороннем.

Хотел бы я знать источники явного Флориного благополучия. Если мы — родственники, значит ли это, что я тоже купался в таком изобилии? Я стал думать о своем доходе, социальном положении, профессии, занятии. У меня было ощущение, что денежный вопрос меня беспокоил мало и что всегда было достаточно средств или способов их добычи. Был ли у меня такой же дом? Я не мог вспомнить.

Чем я занимался?

Я уселся за стол и проэкзаменовал память на предмет специальных знаний. Это очень трудно — исследовать самого себя со стороны, как человека незнакомого. Наверное, поэтому у меня ничего и не получилось. Что-то твое является частью тебя, и отделить это невозможно.

Врач? Эта мысль появилась, когда я рассматривал некоторые анатомические рисунки да Винчи. Почти рефлекторно я припомнил некоторые стадии хирургической операции и понял, что в прошлом оперировал людей.

Но это было не то. Хотя я и вспомнил, что у меня было медицинское образование, оно было всего лишь составной частью чего-то другого. Я знал, неведомо откуда, что не был практикующим хирургом. Кем тогда? Кем еще?

Что-то привлекло мое внимание.

Сидя за столом, я мог видеть всю комнату до дальней стены, где, кроме всего прочего, висела антикварная кавалерийская сабля, которую я как-то проглядел в прошлый вечер. Я поднялся, подошел к стене и взял саблю в руки.

Про себя я даже поцокал, увидев, в каком состоянии было оружие. Мне захотелось взять масляную тряпку и абразив, чтобы привести саблю в достойный вид. Значит, я разбирался в антикварном оружии, по крайней мере, в рубящем.

Сабля лежала в руке удобно и легко, и я чувствовал ее зов. Я занял оборонительную позицию. Провел пару приемов атаки и защиты. Да, этой штукой я пользоваться умел.

Так какова же подоплека всего этого, а? Я оглянулся, пытаюсь найти еще какой-нибудь освежитель памяти.

Но больше ничего не нашлось, так что я повесил саблю на место и вернулся к столу. Усевшись удобнее, я решил покопаться в его потрохах.

Я начал с середины, потом тщательно обследовал ящики с правой и левой стороны, один за другим.

Чековые книжки, конверты, почтовые марки, листы бумаги, огрызки карандашей, резинки — все, чего и следовало ожидать.

Каждый ящик я вытаскивал целиком и держал на коленях, раскапывая содержимое. Делал я так не специально. Это было, очевидно, частью того опыта, который я имел в прошлом, и этот опыт нашептывал мне, что у ящика всегда следует осматривать днище и боковые стенки.

Я чуть было не упустил одну деталь, она привлекла мое внимание в последнюю минуту: задняя стенка правого нижнего ящика была ниже, чем у всех остальных.

Это было неспроста, и когда я, встав на колени, заглянул в проем для ящика, я увидел нечто вроде небольшой коробочки, укрепленной на задней стенке.

Коробка, оказавшаяся небольшим потайным ящичком, была заперта.

Примерно минута ушла на дурацкую возню со скрепками, булавками и, наконец, с металлическим рожком для обуви, который я приметил в другом ящике. Именно рожок оказался тем, что требовалось.

В ящичке лежала колода карт.

На колоде была картинка, заставившая меня замереть, стоя на коленях, лоб мой покрылся испариной, а дыхание участилось.

На зеленом поле — рисунок белого единорога, вставшего на дыбы^[3] и чуть повернувшегося вправо.

И я знал этот рисунок, и мне стало больно от того, что я не могу вспомнить то, что с ним связано.

Я открыл коробку и вытащил карты. Это была колода карт, похожих на карты Таро^[4] с их жезлами, пентаклями, чашами и мечами, но Главные Козыри были совсем иные.

Я вставил на место оба ящика, но сделал это достаточно осторожно, чтобы случайно не закрыть потайного, пока я не исследую колоду до конца.

Они были совсем как живые, Главные Козыри, готовые сойти со своих сверкающих поверхностей. На ощупь карты казались холодными, и было приятно держать их в руках. Внезапно я понял, что и у меня когда-то была точно такая же колода.

Я начал раскладывать карты по порядку.

На одной был нарисован коварный маленький человек с острым носом, смеющимся ртом и копной соломенных волос. Он был одет в нечто, напоминавшее костюм эпохи Ренессанса оранжевых, красных и коричневых тонов. На нем были длинные чулки и плотно подогнанный расшитый камзол. Я знал его. Его звали Рэндом.

Со следующей карты на меня смотрело бесстрастное лицо Джулиэна. Его темные волосы свисали ниже плеч, в голубых глазах не отражалось ничего. Он был заперт в белые чешуйчатые доспехи, не серебристые или металлические, а выглядевшие так, как будто он с ног до головы был покрыт эмалью. Я знал, что несмотря на кажущуюся легкость, даже декоративность, доспехи эти пробить было почти невозможно, и почти любой удар смягчался ими. Это был тот самый человек, которого я победил в его излюбленной игре, за что он и метнул в меня стакан с вином. Я знал его, и я его ненавидел.

Затем следовал смуглый, темноглазый Кэйн, одетый в черный и зеленый сатин, с треуголкой, небрежно сдвинутой набекрень, от которой по спине стекал плюмаж из зеленых перьев. Он стоял ко мне в профиль, подбоченясь, и носки его сапог загибались вверх, и на поясе висел кинжал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд. Смутно было у меня на душе.

Затем шел Эрик. Красив по любым стандартам, с волосами настолько темными, что они отливали синевой. Его борода курчавилась у всегда улыбающегося рта, и одет он был в простой кожаный камзол, кожаные чулки, широкий плащ и высокие черные сапоги, и на красном поясе висела серебряная сабля и застежка с рубином, и высокий стоячий воротник, и манжеты тоже были окантованы красным^[5]. Руки его, с большими пальцами, заткнутыми за пояс, были спокойными и чудовищно сильными. Пара черных перчаток свисала с пояса у правого бедра. Это он — я был уверен — пытался убить меня в тот день, и это едва ему не удалось. Я изучал его, и я немного боялся.

Затем был Бенедикт, высок и суров, худощав телом и тонок лицом, и могуч разумом. Его цвета были желтый, оранжевый и коричневый, и это напоминало мне стога сена, и тыквы, и пугало, и "Легенду о Глубоко Спящем". У него была вытянутая крепкая челюсть, ореховые глаза и каштановые волосы, которые никогда не завивались. Он стоял рядом с гнедым конем, опираясь на копье, увенчанное гирляндой цветов. Он редко смеялся. Я любил его.

Я замер, когда перевернул следующую карту, сердце мое рванулось вперед, ударилось о ребра, норовя вырваться.

Это был я.

Я видел себя, когда брился, и это был парень с той стороны зеркала. Зеленые глаза, черные волосы, весь в черном и серебряном. М-да. На мне был плащ, и он был слегка приподнят, как бывает от порыва ветра. Я был в черных сапогах, таких же, как у Эрика, и я тоже носил клинок, только мой был тяжелее, хоть и не так длинен, как у него. На руках моих были перчатки, и были они серебряны и чешуйчаты. Застежка на шее — в виде серебряной розы.

Я — Кэвин.

Большой, могучий человек смотрел на меня со следующей карты. Он был похож на меня, лишь челюсть его была тяжелее, и я знал, что он больше меня, хотя и медленнее. О его силе ходили легенды. Он был одет в серый с голубым костюм, перетянутый широким черным поясом, и он стоял и смеялся. На шее у него висела серебряная цепь с тяжелым охотничьим рогом. Он носил коротко стриженую бороду и короткие усики. В правой руке он держал кубок с вином. Я почувствовал к нему внезапное расположение. Тогда я вспомнил его имя. Это был Джерард.

Затем следовал человек с большой светлой бородой, увенчанный пламенем, облаченный в красные и желтые шелка. В правой руке он держал меч, в левой — кубок с вином, и сам дьявол плясал у него в глазах, таких же голубых, как у Флори и Эрика. У него был узкий подбородок, но этот недостаток скрывала борода. Меч его был инкрустирован чудесной золотой филигранью. Он носил два кольца на правой руке и одно — на левой: изумруд, рубин и сапфир соответственно. Я знал — это был Блейс.

Затем была фигура, похожая на Блейса и на меня. Мои черты лица, хотя и более мелкие, мои глаза, волосы Блейса. Он носил охотничий зеленый костюм и сидел на белом коне лицом к правой стороне карты. В нем одновременно чувствовались и сила, и слабость, воля и нерешительность. Я и одобрял, и не одобрял, любил и испытывал отвращение к нему. Звали его Брэнд. Я знал это. Знал, как только бросил взгляд на карту.

Да, я знаю их всех, знаю хорошо, — неожиданно понял я, — помню всех, со всеми достоинствами и слабостями, победами и поражениями.

Потому что они были моими братьями.

Я закурил сигарету из пачки, лежавшей на столе, откинулся на спинку стула и попытался осознать все, что вспомнил.

Они были моими братьями, эти восемь странных людей в странных одеждах. И я знал, что это их право — одеваться так, как они пожелают, и в этом нет ничего необычного, так же как я имел полное право одеваться в черное с серебром. Затем я ухмыльнулся, вспомнив, что я купил в

той маленькой гринвудской лавчонке.

На мне были черные брюки, и все три рубашки, которые я выбрал, были серовато-серебристого оттенка. Куртка моя тоже была черной.

Я вернулся к картам и увидел Флори в зеленом наряде цвета моря, совсем такой, как я вспомнил ее предыдущим вечером; затем черноволосую девушку с такими же голубыми глазами, волосы у нее были густые и длинные, а одета она была во все черное, с серебряным поясом вокруг талии. Глаза мои наполнились слезами, сам не знаю почему. Ее звали Дейдре. Следующей была Фиона, с волосами такими же, как у Блейса или Брэнда, моими глазами и перламутровой кожей жемчужной раковины. Я почувствовал ненависть к ней в ту же секунду, как только открыл карту. Затем была Льюилл, с волосами цвета ее нефритовых глаз, в переливающимся бледно-зеленом платье с бледно-лиловым поясом, и выглядевшая грустной и печальной. Откуда-то я знал, что она была непохожа на всех нас. Но и она была моей сестрой.

Я почувствовал, что ужасно одинок, разлучен со всеми. Но все же — я почти физически ощутил их присутствие.

Карты были по-прежнему холодны на ощупь, я снова сложил их вместе, хотя с явной и непонятной мне неохотой.

Других картинок не было. Все остальные были младшими картами. И я откуда-то — О! Опять это "откуда-то"! — знал, что нескольких карт не хватает.

Возможно, я и до конца жизни не узнаю, что изображали отсутствующие карты...

Мне было до странности печально. Я взял в руки сигарету и задумался.

Почему память прояснялась, когда я держал карты в руках — практически сразу же? Теперь я знал больше, чем раньше, но только о лицах и именах. Это было все.

Я не мог понять, зачем мы были изображены на картах, но желание иметь у себя такую колоду было неодолимо велико. Колоду Флори взять не удастся: она сразу заметит пропажу, и у меня будут неприятности. Так что я положил карты в потайной ящик и вновь запер его. А затем, господи, как я напрягал свой ум! Но все напрасно.

Пока не вспомнил магическое слово.

ЯНТАРЬ!

Прошлым вечером это слово страшно взволновало меня. Даже слишком страшно, потому что я, хоть и невольно, но избегал думать о нем. Но сейчас я мысленно стал повторять это слово вновь и вновь, ожидая ассоциаций.

Слово было обременено могучей страстью и тяжелой ностальгией. Оно было обернуто в чувства покинутой красоты, великого достижения и чувства могущества, ужасного, почти высшего.

Это слово было из моего словаря. Я был частью его, а оно — частью меня. Я понял, что это название места, которое я когда-то знал. Никаких воспоминаний, одни лишь чувства.

Как долго я сидел так — не помню. Время перестало существовать.

Потом, из своей памяти, я услышал слабый стук в дверь. Ручка медленно повернулась, и служанка, которую звали Камиллой, зашла в библиотеку и спросила, не желаю ли я, чтобы подали ленч.

По мне — так отличная идея, и я последовал на кухню, где и умял половину холодного цыпленка и кварту молока.

Кофейник с черным кофе я забрал с собой в библиотеку, по пути тщательно обходя собак. Я допивал вторую чашку, когда зазвонил телефон.

Я потянулся поднять трубку, но подумал, что в доме наверняка полно параллельных аппаратов, и Камилла подойдет сама.

Я ошибся. Телефон продолжал звонить.

В конце концов я не выдержал.

— Алло, — сказал я, — резиденция Флаумель.

— Будьте любезны, попросите, пожалуйста, к телефону миссис Флаумель.

Голос был мужской, быстрый и немного нервный. Он чуть задышался, и слова его глохли и тонули в слабых звонках и призрачных голосках, указывавших на большое расстояние.

— Мне очень жаль, — ответил я, — но в настоящий момент ее нет дома. Что-нибудь передать, или вы позвоните еще раз?

— С кем я говорю? — требовательно спросил голос в трубке.

После некоторого колебания я ответил:

— Это Кэвин.

— О, боже, — сказал голос.

Последовало довольно продолжительное молчание. Я решил, что он повесил трубку, но на всякий случай снова сказал:

— Алло.

И одновременно со мной заговорил он:

— Она еще жива?

— Конечно, жива! Какого черта! С кем я говорю?

— Неужели ты не узнал моего голоса, Кэвин? Это Рэндом. Слушай. Я в Калифорнии, и я попал в беду. Я собирался просить у Флори приюта. Ты с ней?

— Временно.

— Понятно. Слушай, Кэвин, ты окажешь мне покровительство? — Он помолчал. — Пожалуйста.

— Настолько, насколько смогу. Но я не могу отвечать за Флори, пока не поговорю с ней.

— Но ты защитишь меня от нее?

— Да.

— Мне вполне достаточно тебя, старик. Сейчас я попытаюсь пробраться в Нью-Йорк. Придется идти в обход, так что не могу сказать, сколько времени это займет, но если смогу избежать неверных теней, то скоро увидимся. Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал я.

Раздался щелчок повешенной трубки, и я снова услышал отдаленные голоса и тихие гудки.

Значит, пронирующий маленький Рэндом попал в беду. У меня было такое чувство, что меня это не должно особо беспокоить. Но сейчас он был одним из ключей к моему прошлому, а вполне вероятно — и к будущему. Значит, я попытаюсь помочь ему, — конечно, чем смогу, — пока не узнаю все, что мне нужно. Я знал, что между нами не было особой братской любви, но я также знал, что Рэндом отнюдь не был дураком; с другой стороны слово его не стоило и плевка: не моргнув глазом он продаст мой труп в любую анатомичку — по его же собственному выбору — лишь бы хорошо заплатили. Я хорошо помнил этого маленького стукача, к которому все же испытывал некоторую слабость, вероятно, из-за тех немногих приятных минут, которые мы провели вместе. Но доверять ему? Никогда. Я решил, что ничего не скажу Флори. Пусть это будет моим тузом... ну, по крайней мере, валетом.

Я добавил горячего кофе к остаткам в моей чашке и принялся медленно прихлебывать.

От кого он скрывался?

Явно не от Эрика, иначе он никогда бы не позвонил сюда. Затем я вспомнил о его вопросе по поводу того, жива Флори или нет после того, как мне случилось оказаться здесь. Неужели она была такой преданной сторонницей моего ненавистного брата, что все мои родственники уверены — я прикончу ее при первой возможности? Это казалось мне странным, но он все-таки задал этот вопрос. И в чем они были союзниками? Что было источником этого напряжения,

этого противостояния? И почему это Рэндом скрывается?

Янтарь.

Вот ответ.

Янтарь. Каким-то образом ключ ко всему лежит в Янтаре — я знал. Тайна всех бед скрыта в Янтаре, в каком-то событии, которое произошло там, и могу предположить, совсем недавно. Мне придется ходить на цыпочках. Мне придется делать вид, что я обладаю знаниями, которых у меня нет, кусок за кусочком выуживая сведения из тех, у кого они есть. Я был уверен — мне удастся это сделать. Тут каждый достаточно окружен недоверием, чтобы всегда держать уши настороже. Я сыграю на этом. Я узнаю все, что мне нужно, получу, чего желаю, и не забуду тех, кто поможет мне, а остальных — растопчу. Потому что я знал — это был закон, по которому жила наша семья, а я был истинным сыном своего отца...

Внезапно у меня опять заболела голова, запульсировала до треска в черепе.

Что-то о моем отце, — подумал я, догадался, почувствовал, — вот что вызвало боль. Но я не знал: почему и как.

Потом боль стихла, и я уснул в кресле. Еще позже дверь отворилась, и вошла Флори. Был поздний вечер.

На ней была зеленая шелковая блузка и длинная шерстяная юбка серого цвета. Она была обута в уличные туфли, на ногах — толстые чулки. Волосы ее были уложены пучком на затылке и выглядела она бледной. На шее все еще висел собачий свисток.

— Добрый вечер, — я встал.

Но она не ответила. Подойдя к стенному бару, она налила себе солидную порцию "Джека Дэниэльса" и опрокинула рюмку как мужчина. Вновь наполнила ее, забрала с собой в большое кресло.

Я раскурил сигарету и протянул ей.

Она кивнула головой, потом сообщила:

— По Пути в Янтарь — почти невозможно пройти.

— Почему?

Она посмотрела на меня достаточно удивленно.

— Ты когда в последний раз им пользовался?

Я пожал плечами.

— Не помню.

— Ну что ж, пусть будет так. Мне просто интересно, какую лепту во все это внес ты.

Я промолчал, потому что не понял, о чем она говорит. Но вдруг я вспомнил, что кроме Пути попасть в Янтарь можно было куда более легким способом. Было абсолютно ясно, что она не смогла им воспользоваться.

— У тебя не хватает нескольких Козырей, — внезапно сказал я, почти что своим настоящим голосом.

Она подскочила на стуле и пролила виски.

— Отдай! — вскричала она, хватаясь за свисток.

Я шагнул вперед и схватил Флори за плечи.

— Я их не взял. Просто посмотрел что к чему.

Она успокоилась, потом заплакала, и я мягко подтолкнул ее обратно к креслу.

— По мне так лучше бы ты взял оставшиеся, — сказала она, — чем делать мерзкие многозначительные намеки.

Я не стал извиняться. Мне казалось, что это совсем не обязательно.

— И далеко ты ушла?

— В общем, недалеко, — потом она рассмеялась и уважительно посмотрела на меня вновь

посветлевшими глазами.

— Вижу, все-таки это сделал ты, Кэвин, — сказала Флори, и я зажег себе сигарету, чтобы укрыться от необходимости отвечать.

— Кое-что из этих шгучек дело твоих рук? Ты закрыл мне дорогу в Янтарь еще до того, как явиться сюда? Ты ведь знал, что я пойду к Эрику. Теперь я не могу. Мне надо ждать, пока он придет сюда сам. Умно. Ты хотел заманить его сюда, верно? Но ведь он кого-нибудь пришлет. Сам он сюда не явится.

Странная нотка восхищения проскальзывала в голосе этой женщины, которая спокойно призналась, что собиралась предать меня врагу, и, более того, обязательно предаст, как только представится возможность, когда она говорила что-то о том, что думает, будто я сделал нечто такое, прыжком лососся сломавшее ее планы. Как можно быть таким преданно лживым в присутствии предполагаемой жертвы? Ответ тут же прозвенел из глубин моей памяти: такова была вся наша семья. Нам незачем было хитрить друг перед другом. Хотя мне почему-то казалось, что у нее не хватает утонченности, настоящего профессионализма.

— Неужели ты думаешь, что я так глуп, Флори? Неужели ты думаешь, что я явился сюда и буду просто сидеть и ждать, пока ты не преподнесешь меня Эрику? Что бы тебе не помешало, так и надо.

— Ну хорошо, я не играю с тобой в союзе! Но и ты тоже в изгнании! Так что не такой уж ты ловкач!

Что-то в ее словах нестерпимо жгло, но я знал, что она ошибается.

— Черта с два, — сказал я.

Флори вновь рассмеялась.

— Я так и знала: ты разозлишься и признаешься, — сказала она. — Значит, ты блуждаешь в Тенях с какой-то целью. Ты — сумасшедший.

Я пожал плечами.

— Чего ты хочешь? Почему ты пришел ко мне?

— Мне стало любопытно, что с тобой случилось, — ответил я. — Вот и все. Ты не можешь удержать меня здесь, если я не захочу. Даже Эрику никогда не удавалось этого. А может быть, к старости я становлюсь сентиментальным. Как бы там ни было, я еще немного у тебя поживу, а потом, наверное, уйду навсегда. Если бы ты не так торопилась выдать меня, леди, то, может, выгадала бы несколько больше. Однажды ты просила не забыть тебя, если произойдет некое событие...

Несколько секунд ушли на то, чтобы сообразить: что же я имею в виду.

Затем она сказала:

— Ты собираешься сделать это! Ты действительно собираешься?

— Ты, черт возьми, права, собираюсь, — сказал я, зная: о чем бы мы ни говорили, я действительно собирался ЭТО сделать. — Ты можешь поведать об этом Эрику, если так хочется. Но только помни, что я могу это сделать. И помни — если это произойдет, лучше быть мне другом, а не врагом.

Мне чертовски хотелось хоть приблизительно знать, о чем же я говорю, но я уже нахватался всяких словечек, чуя их удивительную силу, так что я спокойно жонглировал ими, не понимая значения. Но чувствовал я их правильно, даже очень правильно...

Внезапно она бросилась меня целовать.

— Я ему не скажу. Нет, правда, Кэвин! Я знаю, у тебя все получится. С Блейсом тебе, правда, будет трудно, но Джерард, наверное, захочет помочь, а может, даже и Бенедикт. А когда Кэйн увидит, что происходит, он тоже переметнется к вам...

— Я могу сам выстроить свои планы.

Флори опять подошла к бару и налила нам два бокала вина.

— За будущее, — сказала она.

— Я всегда пью только за него.

И мы выпили. Затем она вновь наполнила мой бокал и пристально взглянула на меня.

— Это должны быть или Эрик, или Блейс или ты, — сказала она. — Только вы. Но ты вышел из игры так давно, что я решила: ты — сошел с дистанции.

— Что ж, лишний раз покажем: не надо зарекаться.

Я хлебнул вина, надеясь, что она замолчит хоть на минуту. Уж слишком явно Флори пыталась вести двойную игру. Что-то меня беспокоило, и мне хотелось подумать об этом.

Сколько мне было лет? Этот вопрос — я знал — был частью ответа на то мое чувство отдаления и отчужденности от людей, которое я испытывал, глядя на игральные карты. Я был старше, чем выглядел (лет 30, если верить зеркалу — но теперь я знал, Тени лгут мне). Я был куда старше, и прошло много лет с тех пор, как я видел братьев и сестер вместе, дружными, живущими бок о бок, какими они были на картах, без напряжения, без трений и недомолвок.

Мы услышали звонок и шаги Камиллы, которая пошла к двери.

— А это — брат Рэндом, — сказал я, чувствуя, что не ошибся. — Он под моей защитой.

Ее глаза расширились, затем Флори улыбнулась, как бы оценивая по заслугам хороший ход, который я совершил.

Я не совершал победных ходов, но был рад, что она так думает.

Так я чувствовал себя безопаснее.

Безопаснее я чувствовал себя целых три минуты.

Я успел к входным дверям раньше Камиллы, распахнул их.

Он ввалился в комнату, немедленно захлопнул за собой дверь и задвинул засов. Вокруг его светлых глаз собрались морщинки, не было на нем роскошного камзола и длинных чулок. Он был небрит и одет в обычный коричневый шерстяной костюм. Через руку было переброшено легкое габардиновое полупальто, на ногах — замшевые туфли. Но это все же был Рэндом — Рэндом, которого я видел на карте, только смеющийся рот выглядел усталым, а под ногтями была грязь.

— Кэвин, — сказал он и обнял меня.

Я сжал его плечо и сказал:

— Ты выглядишь так, что рюмка-другая тебе не повредит.

— Да. Да, да... — согласился он, и я подтолкнул его к библиотеке.

Минуты три спустя, когда Рэндом уселся с рюмкой виски в одной руке и зажженной сигаретой в другой, он сказал:

— Они гонятся за мной. Скоро будут здесь.

Флори издала короткий вопль.

— Кто? — спросил я.

— Люди из Теней, — сказал он. — Не знаю, кто они и кто их послал. Их четверо или пятеро, а может быть — шестеро. Они шли со мной по равнине. Потом я взял реактивный самолет. Но они настигли меня недалеко от Денвера. Я несколько раз менял направление полета, чтобы сбить их с курса, но это не подействовало, а мне не слишком хотелось уклоняться в сторону. Я избавился от них в Манхэттене, но это — вопрос времени. Думаю, что скоро они будут здесь.

— И ты не знаешь, кто их послал?

Он коротко ухмыльнулся.

— Ну, думаю, можно ограничиться нашей семьей. Может быть, Блейс, может быть, Джулиэн, а может быть, Кэйн. Может быть, даже ты, чтобы пригнать меня сюда. Хоть я и надеюсь, что это не так. Это был не ты?

— Боюсь, что нет. И насколько это серьезно?

Он пожал плечами.

— Если б их было двое-трое, я устроил бы засаду. Но не на всю же свору.

Он был небольшого роста, примерно пять футов шесть дюймов, и весил не более ста тридцати пяти фунтов. Но он всерьез утверждал, что убьет их. Я чувствовал твердую уверенность, когда Рэндом вещал, что одной рукой справится с двумя-тремя громилами. Внезапно меня посетила мысль, насколько силен я сам, раз уж я был его братом. Я чувствовал себя достаточно уверенно. Я знал, что могу, не особенно беспокоясь за себя, встретиться с любым человеком в честном бою. Так какая же мощь была во мне?

Тут я сообразил, что сейчас представится возможность это выяснить.

Во входную дверь громко постучали.

— Что будем делать? — спросила Флори.

Рэндом рассмеялся, развязал галстук, кинул его на стол поверх своего полупальто. Затем он снял пиджак и оглядел комнату. Взгляд его остановился на сабле, в то же мгновение он бросился к стене и схватился за рукоять. Я почувствовал в своем кармане тяжесть пистолета и щелкнул предохранителем.

— Делать? — спросил Рэндом. — Существует вероятность того, что они найдут вход, — сказал он. — Следовательно, они войдут. Когда ты в последний раз дралась, сестричка?

— Слишком давно.

— Тогда постарайся вспомнить, как это делается, и поскорей, — сказал он, — времени осталось совсем мало. Кто-то их направляет, это я могу сказать точно. Нас здесь трое, а их всего шестеро. Стоит ли беспокоиться?

— Мы не знаем, что они такое, — сказала она.

— Какая разница?

— Никакой, — вставил я. — Мне пойти и открыть дверь?

Оба они едва заметно вздрогнули.

— Лучше подождем здесь.

— Я могу позвать полицию, — предложил я.

Они почти истерически рассмеялись.

— Или Эрика, — внезапно сказал я, глядя на Флори.

Но она отрицательно качнула головой.

— У нас нет времени. Конечно, можно взять его Козырь, но когда он ответит — если захочет — будет поздно.

— А, может, он и сам приложил к этому руку, — сказал Рэндом.

— Сомневаюсь, — ответила Флори. — Очень сомневаюсь. Это не в его стиле.

— Это верно, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать и заодно подтвердить, что я разбираюсь в ситуации.

В дверь еще раз постучали, на этот раз значительно сильнее.

— Послушай, а Камилла не откроет? — спросил я.

— Это практически невероятно. На стук она двери не откроет.

— Но ты же не знаешь, с чем мы столкнулись, — крикнул Рэндом и внезапно выбежал из комнаты.

Я последовал за ним по коридору, и мы влетели в прихожую как раз вовремя, чтобы остановить Камиллу, которая собиралась открыть дверь. Мы отослали ее обратно в комнату, приказав запереться.

Рэндом заметил:

— Это кое-что говорит о силах противника. Где мы, Кэвин?

Я пожал плечами.

— Если б я знал, я сказал бы тебе. Но сейчас мы с тобой вместе. Отойди-ка.

И я открыл дверь.

Первый громила попытался отпихнуть меня в сторону, но жесткий удар откинул его назад.

Их было шестеро. Теперь это было ясно.

— Что вам угодно? — спросил я.

Ни слова в ответ. Я увидел пистолеты.

Я отскочил, захлопнул дверь и задвинул засов.

— Ладно, это действительно они, — сказал я. — Но как мне знать, что это не какой-нибудь твой фортель, Рэндом?

— Никак, — сказал он, — но я дорого бы дал, чтобы это был мой фортель. Выглядят они дико.

С этим я не мог не согласиться. Ребята на крыльце были явно тяжеловесами, шляпы до самых глаз были надвинуты на лоб, так что лица оставались в тени.

— Хотел бы я знать, на каком свете мы находимся, — сказал Рэндом.

Где-то в районе барабанных перепонок я почувствовал слабую дрожь и понял, что Флори

подула в собачий свисток.

Так что, когда звон разбитого стекла откуда-то справа смешался с воем и рычанием, это меня не удивило.

— Она свистнула собакам, — сказал я. — Шестерке подлых и злых тварей: при других обстоятельствах они перегрызли бы нам с тобой горло.

Рэндом кивнул, и мы бросились на звон высаживаемых окон. Когда мы влетели в гостиную, двое громил уже были в комнате, и у обоих были пистолеты.

Я убил первого и попал в пол, стреляя во второго. Рэндом выскочил вперед, размахивая саблей, и я увидел, как голова громилы отделилась от туловища.

Через окно в комнату ввалились еще двое. Я расстрелял по ним все патроны и услышал рычание волкодавов вперемешку со стрельбой, но уже не из моего пистолета.

Оглянувшись, я увидел на полу трех человек и такое же количество псов. Мне стало приятно от того, что мы разделались с половиной нападающих, и когда оставшиеся влезли в окно, одного из них я убил способом, который меня же и поверг в изумление.

Я, не задумываясь, схватил тяжелое обитое кресло и швырнул его через всю комнату — футов на тридцать. Кресло сломало позвоночник одному из громил.

Я рванул к оставшимся, но прежде чем я подоспел, Рэндом проткнул саблей одного и, оставив добивать его собакам, повернулся ко второму.

Этот последний был сбит с ног еще до того, как вступил в бой, и все же убил одну из собак прежде, чем мы смогли его остановить. После этого он уже никого не тронул. Рэндом просто задушил его.

На поверку вышло, что две собаки были убиты, а одна тяжело ранена. Рэндом избавил ее от мучений быстрым ударом сабли, и мы стали рассматривать громил.

В них было что-то необычное.

Вошла Флори и помогла нам разобраться, что именно.

Во-первых, у всей шестерки были одинаковые налитые кровью глаза. Очень сильно налитые кровью. Но для них это казалось вполне естественным.

Во-вторых, на каждом пальце было по лишнему суставу, а на тыльной стороне ладони торчали острые, загибающиеся вперед шпоры.

Челюсти громил сильно выдавались вперед, и когда я открыл рот одному из них, то насчитал сорок пять зубов, каждый из которых был значительно больше человеческого, да к тому же и острее. Кожа на лицах была толстой, серого цвета и твердой на ощупь.

Несомненно, были и другие отличия, но и этих было вполне достаточно.

Мы собрали оружие, и я отложил себе три маленьких плоских пистолета.

— Они вышли из Теней, это вне сомнения, — сказал Рэндом, и я кивнул головой. — Мне повезло. Они, должно быть, не ожидали, что у меня окажется такая армия — воинственный брат, да с полтонны собак.

Он подошел к выбитому окну и выглянул на улицу. Я не стал вмешиваться, пусть смотрит сам.

— Никого, — сказал он через некоторое время. — Уверен, что мы уложили всех.

Он закрыл тяжелые оранжевые шторы и придвинул к окну тяжелый высокий шкаф. Пока он возился, я обыскал карманы трупов.

Я не был удивлен, что не обнаружил никаких личных документов.

— Пойдем в библиотеку, — сказал он, — я так и не допил.

Прежде чем усесть за стол, он тщательно вытер клинок сабли и повесил ее на место. Тем временем я налил виски Флори.

— Будем считать, что я временно в безопасности, — сказал Рэндом. — К тому же, мы

втроем участвуем теперь в одной игре.

— Похоже на то, — согласилась Флори.

— Господи, у меня крошки не было во рту со вчерашнего дня, — объявил Рэндом.

После чего Флори пошла сказать Камилле, что она может спокойно выйти и ничего не бояться. Но от гостинной лучше держаться подальше. А в библиотеку следует принести кучу еды.

Как только за Флори закрылась дверь, Рэндом повернулся ко мне и спросил:

— Так. Что между вами?

— Не поворачивайся к ней спиной.

— Она все еще служит Эрику?

— Насколько я знаю, да.

— Тогда что здесь делаешь ты?

— Пытаюсь выманить Эрика сюда. Он знает, что единственный способ добраться до меня — явиться сюда, и я хочу знать, насколько велико его желание.

Рэндом покачал головой.

— Не думаю, что он пойдет на это. Ни процента. Пока ты здесь, а он там, для чего рисковать собственной головой? Его позиция сильнее. И если ты хочешь его зацепить, придется тебе двигать к нему.

— Я это уже понял.

Глаза его сверкнули, а на губах заиграла знакомая усмешка. Он провел рукой по соломенным волосам, не отпуская моего взгляда.

— Ты собираешься это сделать?

— Может быть, — ответил я.

— Не корми меня "может быть", детка. У тебя все написано на лице. Знаешь, я уже почти хочу присоединиться к тебе. Из всех моих интересов мне больше всего нравится секс, и меньше всего — Эрик.

Я закурил сигарету, решая.

— Ты думаешь так, — сказал он, пока я соображал, — "Можно ли верить Рэндому? Он стукач и подлец, и он — такой же, как его имя, — без сомнения, предаст меня, как только предложат более выгодную сделку". Верно?

Я кивнул.

— Но вспомни, брат Кэвин, хоть я и не делал тебе ничего особенно хорошего, но никогда не причинял и особенно вреда. О, несколько шалостей, это я признаю. Но ты же помнишь, что в нашей семье мы лучше всех понимали друг друга, по крайней мере, не путали друг другу карты. Подумай. Кажется, я слышу шаги. Это или Флори, или служанка, так что давай говорить о чем-нибудь другом. Хотя нет... Быстро! Надеюсь, у тебя есть колода наших любимых фамильных карт?

Я покачал головой.

В эту минуту в комнату вошла Флори и сказала:

— Сейчас Камилла накроет на стол.

Мы выпили за это, и он подмигнул мне за ее спиной.

К утру тела громил исчезли из гостинной, на ковре не осталось ни одного пятна, окно казалось новым, а Рэндом объявил, что он "принял надлежащие меры". Я не чувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы расспрашивать подробнее.

Мы одолжили у Флори ее "мерседес" и поехали прокатиться. Окружающие окраины казались до странности измененными. Я не мог бы ткнуть пальцем в то, чего в них не хватало или что было нового, но чувствовал — что-то не так. Когда я попытался сообразить, что к чему, это вновь вызвало приступ головной боли, и я решил пока принимать вещи такими, какими они

были.

Я сидел за рулем, Рэндом — рядом. Я небрежно заметил, что хотел бы опять вернуться в Янтарь — сказал просто так, чтобы посмотреть, как Рэндом отреагирует.

— Мне всегда было интересно, — ответил он, — хочешь ты мести честной и простой или чего-то еще, — он вернул шар обратно

— отвечай-не отвечай, если есть настроение. Настроение было. Я бросил коронную фразу:

— Я много думал, — сказал я, — и взвешивал свои шансы. Знаешь, может быть, я и "попробую".

Тут он повернулся ко мне (до этого он смотрел в боковое стекло машины).

— Наверное, у каждого из нас были такие амбиции или хотя бы — мысли. По крайней мере, у меня — были, хоть я и вышел из игры почти сразу. Честно говоря, игра стоит свеч. Я знаю, ты сейчас спрашиваешь, помогу я тебе или нет. Ответ: да. Я сделаю это хотя бы для того, чтобы подложить поросенка всем остальным, — и чуть помолчав — Что ты думаешь о Флори? Хоть как-то она нам поможет?

— Очень сомневаюсь, — ответил я. — Если все будет предрешиено, она, конечно же, присоединится к нам. Но что в таком деле может быть предрешиено?

— Или в любом другом, — вставил он.

— Или в любом другом, — согласился я, потому что ему казалось, будто я знал, чего добиваюсь.

Я боялся признаться, в каком состоянии моя память. Я боялся доверять ему, и поэтому не доверял. Мне так много надо было знать, и не к кому было обратиться с вопросами. Я немного поразмышлял об этом, пока мы ехали.

— Когда ты хотел бы начать? — спросил я.

— Как только ты будешь готов.

Вот я и дождался, и прямо в лоб, и непонятно, что с этим делать.

— Как насчет сейчас? — сказал я.

Он помолчал. Потом закурил сигарету, по-моему, чтобы выиграть время. Я сделал то же самое.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Когда ты возвращался в последний раз?

— Чертовски давно, — сказал я, — даже не уверен, помню ли дорогу.

— Хорошо, — сказал он. — Скорее всего, придется нам смываться с дороги раньше, чем мы вернемся в Янтарь. Сколько у тебя бензина?

— Три четверти бака.

— Тогда поверни налево у следующего угла, и посмотрим, что будет.

Я свернул налево, и тротуары, вдоль которых мы ехали, внезапно брызнули искрами.

— Черт! — сказал он. — Лет двадцать прошло с тех пор, как я шел здесь. Что-то слишком быстро я вспомнил то, что нужно.

Мы продолжали двигаться вперед, и я не переставал удивляться: что за черт! Небо блеснуло зеленым, потом розовым.

Я закусил губу, чтобы не ляпнуть лишнего.

Мы проехали под мостом, и, когда выехали с другой стороны, небо вновь обрело нормальный оттенок, но теперь со всех сторон нас окружали мельницы, большие и желтые.

— Не беспокойся, — быстро сказал Рэндом. — Могло быть и хуже.

Я заметил, что люди, мимо которых мы проезжали, были одеты довольно странно, а дорога была из кирпича.

— Сверни направо.

Я свернул.

Пурпурные облака закрыли солнце, начался дождь. Молния прошествовала по небесам, и небеса заворчали. Щетки дворника работали на полную мощность, но помогали мало. Я включил фары и еще больше сбросил скорость.

Я мог бы поклясться, что мы проехали мимо скачущего навстречу всадника, одетого в серое, с поднятым воротником и низко опущенной под дождем головой.

Затем облака распались, и мы выехали на морской берег. Высоко вскидывались волны, и огромные чайки низко проносились над ними. Дождь прошел, и я выключил дворники и фары. На этот раз дорога была из щебенки, но этих мест я не узнавал вовсе. В боковом зеркальце я не видел позади города, который мы проехали. Я крепче сжал руль, когда мы неожиданно промчались мимо виселицы, на которой болтался подвешенный за шею скелет, время от времени покачиваемый порывами ветра.

Рэндом по-прежнему продолжал курить и смотреть в окно, а дорога сошла с берега, заворачивая на невысокий холм. Травянистая равнина без единого деревца уносилась направо, а слева пробежал ряд холмов. Небо потемнело, заполнилось мерцающей голубизной, словно прозрачный бассейн, укрытый и затененный. Я не мог припомнить, что когда-нибудь видел такое небо.

Рэндом открыл окно, чтобы выбросить окурок, и ледяной ветерок пахнул мне в лицо. У ветерка был морской привкус, соленый и острый.

— Все дороги ведут в Янтарь, — сказал Рэндом, словно это было аксиомой.

Я вспомнил, что днем раньше говорила Флори. Мне не хотелось выглядеть тупицей, утаивающим важную информацию, все равно я должен был сказать Рэндому то, что знал, ради безопасности, не столько его, сколько моей.

— Знаешь, — начал я, — когда вчера ты позвонил, а я ответил, потому что Флори не было дома, я понял, что она пытается проникнуть в Янтарь, но что-то преградило ей путь.

Тут он засмеялся.

— У этой женщины почти нет воображения, — ответил Рэндом. — В такое время путь, конечно, будет закрыт. В конце концов, нам придется идти пешком; я уверен: чтобы попасть в Янтарь, нам потребуются все наши силы и хитрость. Если только мы вообще туда попадем. Она решила, что сможет пройти как принцесса, и путь ее будет устлан цветами? Она просто тупая сука. Она не заслуживает жизни, но не мне это решать — пока... Сверни-ка здесь направо, — вдруг спохватился он.

Что происходило? Я понимал, что в экзотических переменах, которые происходили вокруг, отчасти виноват он, но никак не мог понять, как он это делает и куда он нас заведет. Я знал, что должен понять его секрет, но я не мог просто спросить, так как он сразу сообразит, что я ни черта не помню. И тогда я буду в его власти. Казалось, он ничего не делал, только курил и смотрел в окно, но свернув направо, мы оказались в голубой пустыне с розовым солнцем, сияющим на переливающемся небе над нашими головами. В боковом зеркальце, позади, тоже простиралась пустыня. Насколько хватало глаз, на много миль тянулась она перед нами. Да, ловкий фокус.

Затем мотор закашлял, чихнул, но вновь заработал плавно. Потом еще раз. Рулевое колесо в моих руках сменило форму.

Оно приняло вид полумесяца, а сиденье, казалось, уползло назад, автомобиль вроде как приобрел более низкую посадку, а ветровое стекло чуть наклонилось.

Однако я ничего не сказал, даже когда на нас обрушилась фиолетовая песчаная буря.

Но когда буря пронеслась мимо, я чуть не вскрикнул от удивления.

Примерно в полумиле от нас множество машин сбилось на дороге в дикую бесконечную шеренгу. Они стояли неподвижно, и я слышал, как они сигналили.

— Сбрось скорость, — сказал Рэндом. — Вот и первое препятствие.

Я сбавил газ, и нас обдало новым порывом песчаного ветра.

Только я собрался включить фары, как буря кончилась, и я несколько раз сморгнул.

Машин не было, гудки умолкли. Теперь дорога искрила, совсем как раньше тротуары, и я слышал, как Рэндом невнятно ругает кого-то или что-то.

— Убежден, что поменял направление именно так, как хотел этого тот, кто поставил блок, просто злость берет: пришлось сделать то, что ему хотелось.

— Эрик? — сказал я.

— Может быть. Как ты думаешь, что лучше сделать? Тормознем и двинем по сложному пути, или поедем дальше и поглядим, есть ли еще блоки?

— Давай еще проедем. В конце концов, это всего лишь первый.

— Хорошо, — сказал он, но добавил. — Кто знает, каким будет второй?

Второй блок был тварью — я не знаю, как еще описать ее. Тварь — похожая на доменную печь, с руками, шарящими по дороге

— подбирающая автомобили, пожирающая их.

Я ударил по тормозам.

— В чем дело? — спросил Рэндом. — Не останавливайся. А то как мы проедем дальше?

— Я немного растерялся, — сказал я, и он искоса бросил на меня странный взгляд, обжегший, словно еще одна пылевая буря.

Я понял, что сказал что-то не то.

Когда пыль осела, мы опять катились по пустой дороге. В отдалении показались башни.

— Думаю, что я надул его, — сказал Рэндом. — Закрутил несколько в одно, а этого, по моему, он не предвидел. В конце концов, никто не может закрыть все дороги в Янтарь.

— Верно, — сказал я, надеясь хоть несколько сгладить эффект неловких слов, после которых он так искоса глянул на меня.

Я задумался о Рэндоме. Маленький, хлипкий человечек, который мог легко умереть прошлым вечером, равно как и я. В чем была его сила? И о каких Тенях все время идет речь? Что-то говорило мне, что, чем бы ни были эти Тени, сейчас мы двигались среди них. Как? Это была работа Рэндома, но поскольку он сидит спокойно, и руки держит на виду, я решил, что Тенями он управляет мысленно. Опять-таки как?

Я слышал, как он говорил, что вот тут надо "прибавить", а тут "отнять", как будто вся вселенная была одним большим уравнением.

Я решил — с внезапной уверенностью — что он каким-то образом прибавляет и вычитает что-то в окружающем мире, чтобы подвести нас все ближе и ближе к этому странному месту — Янтарю, для чего он и искал свое решение.

И я тоже когда-то умел это делать. И ключ к этому умению, — внезапно понял я, — вспомнить Янтарь.

Но вспомнить я не мог.

Дорога резко свернула, пустыня кончилась, окрест расстилались луга с высокой голубой травой. Немного погодя земля пошла небольшими холмами, возле третьего по счету мостовая кончилась, и мы въехали на узкую грязную дорогу. Она была ухабистой и кружила среди холмов, на которых появились небольшие кустарники и заросли похожего на штыки чертополоха.

Примерно через полчаса холмы кончились, и мы въехали в лес толстых коренастых деревьев с многочисленными дуплами, с причудливо изрезанными листьями осенне-желтого и пурпурного цветов.

Начал накрапывать мелкий дождик, сгустились тени. От подстилки из мокрых листьев поднимался бледный туман. Откуда-то справа донесся вой.

Рулевое колесо сменило форму еще трижды, окончательно превратившись в деревянный восьмиугольник. Автомобиль наш вырос и на капоте неведомо откуда возникло украшение в виде птицы фламинго. Я воздерживался от комментариев, молча пытаюсь утвердиться на сиденье — которое тоже все время меняло форму — и привыкнуть к управлению непривычным автомобилем. Рэндом посмотрел на рулевое колесо, покачал головой, и внезапно деревья стали выше, оплетенные гирляндами виноградных лоз и чем-то вроде голубой вуали из испанского мха, а машина приобрела почти прежний вид. Я глянул на стрелку указателя бензина: оставалось еще пол бака.

— Пока мы движемся вперед, — заметил мой брат, и я согласно кивнул головой.

Дорога расширилась, стала асфальтовой. По обеим сторонам протянулись каналы, полные грязной воды. Листья, мелкие ветки и разноцветные перышки плыли по поверхности.

Внезапно я ощутил легкость во всем теле, у меня закружилась голова.

— Дыши медленно и глубоко, — сказал Рэндом, прежде чем я смог вякнуть об этом. — Попробуем немного срезать, и воздух, и сила тяжести немножко изменятся. По-моему, до сих пор нам чертовски везло, и я постараюсь выжать из удачи все — подъехать так близко, как сможем, и так быстро, как сможем.

— Неплохо бы, — сказал я.

— Может — да, а может — нет, — ответил он, — но, по крайней мере, игра свеч стоит... Осторожно!

Мы как раз въехали на холм, на вершине которого показался грузовик и бочкой покати́л прямо на нас. Ехал он не по той стороне дороги. Я резко свернул в сторону, чтобы объехать его, но и грузовик повернул туда же. В самый последний момент мне пришлось слететь с дороги и вырुлить на мягкую грязь обочины, носом почти в канал.

Справа от меня завизжали тормоза. Я попытался дать задний ход и снова выбрат́ся на дорогу, но машина прочно засела в мягкой грязи.

Затем я услышал, как хлопнула дверь, и увидел водителя, выбирающегося через правую дверцу машины, а значит — не по той стороне дороги ехали мы, а не он. Я был уверен, что нигде в Соединенных Штатах нет движения на английский манер, но я уже давно не сомневался, что мы покинули Землю, которую я знал.

Грузовик был здоровенным бензовозом. На борту его большими кроваво-красными буквами было начертано ZUNOCO^[6], а внизу, помельче, девиз: "Мы едем по всяму мюру!". Когда я вышел из машины и попробовал извиниться, водитель покрыл меня матом. Это был внушительный гражданин ростом с меня, но сложенный, как пивная бочка. В руке у него был зажат большой гаечный ключ.

— Слушай, я же извинился, — сказал я ему. — Чего ты хочешь? Никто не пострадал, и машины целы.

— Таких кретинов и близко нельзя подпускать к рулю! — взвыл он. — Вы — угрыза!

Тут из машины вышел Рэндом, в руке его был пистолет.

— Мистер, валите-ка отсюда! — сказал он.

— Убери пистолет, — сказал я, но он спустил предохранитель, и прицелился в шофера.

Лицо последнего отчетливо передернуло от страха, у него отвисла нижняя челюсть, парень повернулся и бросился бежать.

Рэндом поднял пистолет и тщательно прицелился в мчащуюся спину, но мне удалось толкнуть его руку вбок как раз в тот момент, когда он спустил курок.

Пуля удари́лась в мостовую и отлетела рикошетом в сторону.

Рэндом повернулся ко мне, и лицо его было почти белым.

— Кретин! — сказал он. — Пуля могла угодить в бензобак!

— Она также могла попасть в парня, в которого ты целился.

— Кого это, черт возьми, беспокоит? Мы не воспользуемся этой дорогой целое их поколение. Этот ублюдок осмелился оскорбить Принца Янтаря! Я думал о ТВОЕЙ чести.

— Я сам в состоянии защитить свою честь, — и чувство холода и силы охватило меня и заставило сказать — Потому что он был мой — мне и выбирать, — и меня переполнило чувство ярости.

Тогда он склонил передо мной голову, и как раз в тот момент, когда дверца грузовика хлопнула и послышался шум удаляющегося мотора.

— Прости меня, брат, — сказал он. — Прости, что я осмелился. Но я был взбешен, когда слышал, как он говорил с тобой. Я понимаю, мне следовало ждать, пока ты не распорядишься по-своему или, по крайней мере, спросить тебя.

— Ладно, что было, то было, — сказал я ему. — Давай попробуем выбраться на дорогу, если сможем.

Задние колеса увязли примерно до оси, и пока я рассматривал их, пытаюсь придумать выход получше, Рэндом окликнул меня:

— Порядок, я ухвачусь за передний бампер. Возьмись за задний, и давай вынесем ее на дорогу, только уж сразу на левую сторону.

Он не шутил.

Он говорил что-то о меньшей гравитации, но я не чувствовал легкости. Я знал, что я — человек сильный, но у меня были сомнения насчет способности поднять "мерседес" за задний бампер.

Но, с другой стороны, придется рискнуть: он ожидал от меня именно этого, а я не мог допустить, чтобы он знал о провалах в моей памяти.

Так что я присел, ухватил поудобнее и напярк ноги. С чавкающим звуком задние колеса вылезли из влажной грязи. Я держал свой конец машины примерно в двух футах над землей! Это было тяжело, — черт побери! — но я смог это сделать!

С каждым шагом я увязал в землю дюймов на шесть. Но я нес машину! И Рэндом с той стороны делал то же самое.

Мы поставили автомобиль на дорогу, и он слегка качнулся на амортизаторах. Затем я снял ботинки, вылил из них грязь, вычистил пучком травы, выжал носки, отряхнул манжеты брюк и закатал их, бросил ботинки с носками на заднее сидение, вытер ноги и сел за руль босиком.

Рэндом запрыгнул в пассажирское кресло и сказал:

— Слушай, еще раз я хочу сказать, что виноват...

— Забудь, — сказал я. — Кончено и пережито.

— Да, но хочется, чтоб ты не сердился на меня.

— Я не сержусь, — сказал я. — Просто на будущее — обуздай свои порывы, когда соберешься убивать в моем присутствии.

— Обуздаю, — пообещал он.

— Тогда поехали.

Мы двинулись по скалистому каньону, затем пересекли город, который, казалось, был сделан полностью из стекла или вещества, похожего на стекло, с высокими зданиями, хрупкими и непрочными на вид, и с людьми, сквозь которых просвечивало розовое солнце, высвечивая их внутренние органы и остатки недавних обедов. Когда мы проезжали мимо, они останавливались и глазели на нас. Они собирались толпами на углах улиц, но ни один не попытался задержать нас или перейти дорогу перед нашей машиной.

— Несомненно, простачи этого города будут рассказывать о происшествии долгие годы, — сказал мой брат.

Я кивнул.

Затем дороги не стало вообще, и мы поехали по чему-то напоминающему нескончаемый лист силикона. Затем это "что-то" сузилось и стало нашей дорогой, а потом справа и слева от нас появились болота: низко лежащие, коричневые и вонючие. В одном из них я увидел — в этом я мог бы поклясться — диплодока, поднявшего голову и довольно неодобрительно на нас поглядевшего.

Над нашими головами пронеслась тварь, похожая на летучую мышь. Небо стало по-королевски голубым, а солнце затуманилось золотом.

— У нас осталось меньше четверти бака, — сообщил я.

— Хорошо, — сказал Рэндом. — Останови машину.

Я сделал это.

Прошло довольно много времени — минут шесть — он молчал, потом:

— Поехали, — сказал он.

Миля через три мы подъехали к форту из обтесанных бревен, и я поехал вдоль. С одной из сторон оказались ворота, и Рэндом предложил:

— Остановись и посигналь.

Я так и сделал, и чуть погодя деревянные ворота с огромными железными петлями закрипели и распахнулись.

— Въезжай смело, — сказал он. — Опасности нет.

Я въехал, и слева от себя увидел три колонки с эмблемой "ESSO", за ними маленькое здание: такие я тысячами видел раньше при более ординарных обстоятельствах. Я подъехал к одной из колонок и остановился.

Парень, вышедший из домика, был около пяти футов ростом, громаден в талии, с носом, похожим на клубничину, и плечами шириной, как минимум, в ярд.

— Угодное что? — спросил он. — Подзаполниться?

Я кивнул.

— Только нормальным, — сказал я.

— Подвиньте немного машину, — он указал как.

Я пододвинул машину и спросил Рэндома:

— Наши деньги здесь сгодятся?

— А ты взгляни на них, — сказал он, и я взглянул.

Бумажник был туго набит оранжевыми и желтыми купюрами с римскими цифрами на углах и инициалами "Д. К."

Он ухмыльнулся, глядя, как я разглядываю купюру.

— Как видишь, я позаботился, — сказал он.

— Здорово. Между прочим, я проголодался.

Мы огляделись вокруг и увидели взирающее на нас с большой вывески изображение человека, который совсем рядом продавал "кентукковые жженые ящерицы окорочка".

Клубничный Нос пошаркал ногой по какому-то бугорку на земле, растирая, повесил брезентовый шланг, подошел к нам и сказал:

— Восемь Драхум Кроликов.

Я нашел оранжевую бумажку с V Д.К. и еще три с I Д.К. и протянул ему.

— Спасибо, — он сунул деньги в карман. — Проверить масло и воду?

— Валяйте.

Он долил немного воды, сказал, что уровень масла в норме и пару раз потер ветровое стекло грязной тряпкой. Затем помахал нам и пошел обратно в хибару.

Мы доехали до местечка под названием Кинни Рой и купили ведро кентукковых

жжерженных ящщержкиных окорочков и ведерко солоноватого на вкус слабого пива.

Затем мы помылись на улице, побибикали у ворот и подождали, пока человек с алебардой на плече открывал их.

Затем мы снова выехали на дорогу.

Прямо перед нами выполз динозавр. Застеснялся на мгновение, потом отвалил налево. Над головой пролетели три птеродактиля.

— Не хочется отказываться от неба Янтаря, — сказал Рэндом, и что бы это ни значило, я утвердительно хмыкнул в ответ.

— Я боюсь делать все сразу, — продолжал он, — нас может разодрать на куски.

— Согласен, — сказал я.

— С другой стороны, это место мне не нравится.

Я кивнул, и мы продолжали ехать вперед, пока силиконовая равнина не кончилась, и голый камень не лег перед нами.

— Что ты делаешь сейчас? — отважился я.

— Теперь у нас есть небо, так что я попытаюсь сделать что-нибудь с равниной, — сказал он.

И каменистая поверхность превратилась в булыжники. Под булыжниками проглядывала голая черная земля. Еще немного погода земли стало больше, камней — меньше. В конце концов, я увидел клочки зелени. Сначала немного, но трава была очень и очень зеленой, такой я никогда не видел на той Земле, которую знал.

Скоро травы стало много.

Через некоторое время на нашем пути стали попадаться отдельные деревья.

Затем лес.

И что за лес!

Я никогда еще не видел таких деревьев, могучих и величественных

— глубокого сочного зеленого цвета с каплями золота. Они возвышались, они парили. Они были огромны. Сосны, дубы, клены и множество других деревьев, названий которых я не мог распознать. Меж ними шелестел ветерок с фантастическим, нежным запахом. Я приспустил стекло и лишь только вдохнул пару раз, как решил открыть стекло совсем.

— Лес Ардена^[7], — сказал человек, который был моим братом, и я знал, что он прав, и я и любил его, и завидовал одновременно его мудрости и знанию.

— Брат, — сказал я. — Ты делаешь все правильно. Лучше, чем я этого ожидал. Спасибо тебе.

Мои слова привели его в некоторое смущение. Словно до сих пор он никогда не слышал от родни ни одного хорошего слова...

— Я делаю все, что в моих силах, — ответил он. — И обещаю тебе, что так будет всегда. Взгляни только! Теперь у нас есть и небо, и лес! Это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Мы прошли больше половины пути, и ничто не остановило нас по-настоящему. Я думаю, нам здорово везет. Ты дашь мне Регентство?

— Да, — сказал я, не понимая, что это могло значить, но согласный пожаловать его, если это в моей власти.

Он кивнул и сказал:

— С тобой полный порядок.

Он был маленьким стукачом и убийцей, который, как я вспомнил, вечно против чего-то бунтовал. Наши родители пытались приструнить его в прошлом, но как помнится, без особого успеха. И, вместе с тем, я вдруг осознал, что у нас с ним — одни предки, такого чувства не было между мной и Эриком, мной и Флори, мной и Кэйном, Блейсом и Фионой. И с другими,

вероятно — тоже. Да, я помнил, я знал наверняка: такого не было.

Мы двигались по грязной утрамбованной дороге под соборными сводами гигантских деревьев. Казалось, она тянулась так всегда и везде. Я чувствовал себя в безопасности. Испуганный олень или удивленная лиса пересекали дорогу или останавливались на обочине. Кое-где путь был помечен отпечатками копыт. Солнечный свет изредка проникал сквозь листья золотыми струнами какого-то музыкального инструмента. Влажный ветерок тек разговором живых существ. Я понял, что знаю это место, что в прошлом не раз ездил верхом по этой дороге. Я проезжал верхом через Лес Ардена, гулял по нему, охотился здесь, валялся на спине под крышей его толстых ветвей, закинув руки за голову и глядя в небо. Я взбирался по веткам гигантов и смотрел на зеленый мир, бурлящий, постоянно меняющийся.

— Люблю я эти места, — сказал я, не сообразив, что говорю вслух, и Рэндом откликнулся:

— Ты всегда любил, — в голосе его проскользнула нотка удивления.

Но, может, мне показалось.

Затем вдалеке я услышал звук и понял, что прогремел охотничий рог.

— Прибавь скорость, — внезапно сказал Рэндом. — Похоже, это рог Джулиэна.

Я повиновался.

Звук рога прозвучал еще раз, ближе.

— Его проклятые гончие растерзают автомобиль на кусочки, а его птицы выключают нам глаза! — сказал Рэндом. — Надо же было так влипнуть. За чем бы он сейчас ни охотился, я знаю — он с радостью бросит любую дичь ради такой добычи, как два его брата.

— Живи сам и дай жить другим — вот моя философия на сегодня, — заметил я.

Рэндом хихикнул.

— Что за странное настроение! Держу пари, оно продлится целых пять минут!

Затем звук рога послышался еще ближе, и он бросил:

— Проклятье!

Спидометр причудливыми руническими цифрами показывал семьдесят пять, но мчать быстрее по такой дороге я боялся.

А рог звучал снова, теперь намного ближе — три долгих протяжных звука, и слева невдалеке я услышал лай гончих.

— Сейчас мы почти на настоящей Земле, хотя все еще далеко от Янтара, — сказал мой брат. — Тщетно бежать через примыкающие Тени, ибо, если он действительно преследует нас, то настигнет. Он или его тень.

— Что будем делать?

— Прибавь газу и будем надеяться, что он гонится не за нами.

И звук рога послышался еще раз, теперь — практически рядом.

— Какого черта, на чем он скачет? — спросил я. — На локомотиве?

— По-моему, на Моргенштерне, самом быстром коне^[8], которого он когда-либо создавал.

Я поймал последние слова, вспоминая и удивляясь. Да, подсказал мне внутренний голос. Он действительно создал Моргенштерна из Теней, сплавив в этом звере силу и скорость урагана и копера. Я вспомнил, что всегда побаивался этой твари — и я увидел его.

Моргенштерн почти на шесть ладоней был выше любого коня, какого мне доводилось видеть, и глаза его блестели мертвым цветом глаз веймарской охотничьей собаки^[9], грива была седа, копыта сверкали, как полированная сталь. Он мчался за нашей машиной, а в седле, пригнувшись, сидел Джулиэн — Джулиэн с игровой карты, с длинными черными волосами, ослепительно синими глазами, одетый в белые чешуйчатые доспехи.

Джулиэн улыбнулся нам и махнул рукой, а Моргенштерн вскинул голову вверх, и космы его великолепной гривы растеклись по ветру, как флаг. Движение его ног было размыто бешеным

галопом. Я вспомнил, как однажды Джулиэн заставил подручного обрядиться в мою ношеную одежду и мучить коня. Вот почему Моргенштерн чуть не растоптал меня в тот день охоты, когда я спешился, чтобы освежевать оленя.

Я снова поднял оконное стекло, чтобы зверь не учуял моего запаха. Но Джулиэн заметил меня, и, кажется, я понял, что это может для меня означать. Рядом с ним бежали штурм-гончие: крепкие, жесткие тела и зубы, твердые, как сталь. Они тоже были взяты из Тени, да ни один обычный пес не смог бы выдержать такой гонки. Но я твердо знал, что слово "обычный" здесь не применимо ни к чему.

Джулиэн сделал нам знак остановиться, я посмотрел на Рэндома, который утвердительно кивнул в ответ.

— Если мы не остановимся сами, то остановит нас он, — заметил Рэндом.

Так что я нажал тормоз, сбросил скорость и остановился.

Моргенштерн вскинулся на дыбы, взбил воздух, ударил по земле всеми четырьмя копытами и пошел легким галопом. Собаки кружили неподалеку, свесив языки, их бока резко вздымались. Конь был покрыт блестящей пленкой, и я знал, что это пот. Я опустил стекло.

— Какой сюрприз, — сказал Джулиэн медленно, почти вяло, и большой ястреб с темно-зеленым оперением опустился ему на левое плечо.

— Да, действительно, — ответил я. — Как поживаешь?

— О, превосходно, — уверил он. — Как всегда. А как дела у тебя с братом Рэндомом?

— В полном здравии, — ответил я, а Рэндом кивнул и добавил:

— Я думал, что в такие времена ты увлекся другими забавами.

Джулиэн чуть наклонил голову и небрежно поприветствовал его сквозь боковое стекло.

— Загонять зверей доставляет мне удовольствие, — сказал он. — Думаю, что и своих родственников — тоже.

По моей спине побежал холодок.

— Отвлек меня от охоты шум машины, — сказал Джулиэн. — Я и представить не мог, что в ней окажется вы. Как я понял, вы путешествуете не ради удовольствия, а куда-то едете. Скажем, в Янтарь. Верно?

— Верно, — согласился я. — Могу я поинтересоваться, почему ты сейчас здесь, а не там?

— Эрик послал меня следить за этой дорогой, — сказал он, и моя рука невольно легла на рукоятку одного из пистолетов за поясом.

У меня возникло такое чувство, что пуля не пробьет его доспехов. Я решил стрелять в Моргенштерна.

— Ну что ж, братья, — сказал он, улыбаясь. — Я рад, что вы вернулись и желаю вам доброго пути. Скоро увидимся в Янтаре. До свидания, — и с этими словами он развернулся и поскакал в лес.

— Сваливаем отсюда к чертям, — сказал Рэндом. — Наверное, он устроит засаду, а может, снова начнет гонку, — он вытащил из-за пояса пистолет и положил на колено.

Я рванул вперед, с нехилым ускорением.

Минут через пять, когда я начал дышать спокойнее, я снова слышал звук рога. Я нажал на газ, зная, что он все равно догонит, но пытаюсь выиграть побольше времени и уехать как можно дальше. Нас заносило на виражах, мы пролетали холмы и равнины. Один раз я чуть было не сбил оленя, но все-таки вырулил, не ударившись и не сбавляя скорости.

Звук рога послышался ближе, и Рэндом начал вполголоса перечислять неприличности.

Было такое чувство, что ехать по лесу нам предстояло еще долго, и это отнюдь не успокаивало.

Мы выехали на ровный участок дороги, и около минуты я смог вести машину с

максимальной скоростью. Рог Джулиэна чуть отстал. Но затем мы въехали в лес, где дорога крутила и петляла, и мне пришлось сбросить газ. Джулиэн вновь начал настигать нас.

Минут через шесть он появился в зеркале заднего обзора, летя вдоль дороги со всей своей сворой, лающей и слюнявой.

Рэндом опустил стекло, высунулся из него и начал палить.

— Черт бы побрал эти доспехи, — сказал он. — Я уверен, что попал дважды, и ничего не случилось!

— Мне не нравится убивать животных, — заметил я, — но все же попробуй попасть в коня.

— Уже пробовал несколько раз, — он с отвращением швырнул разряженный пистолет на пол кабины и вынул другой. — Но либо я более плохой стрелок, чем предполагал, либо правда, когда говорят, что Моргенштерна можно убить только серебряной пулей.

Из оставшейся обоймы он убил шестерых псов, но их оставалось еще не менее двух дюжин. Я протянул ему один из своих пистолетов, и он уложил еще пятерых тварей.

— Последнюю обойму, — сказал он, — я оставлю для головы Джулиэна, если он подъедет поближе!

Сейчас они находились всего в пятидесяти футах от нас, и по-прежнему нагоняли. Я изо всех сил ударил по тормозам. Несколько собак не успели отскочить вовремя, но Джулиэн внезапно исчез, и над машиной пронеслась черная тень.

Моргенштерн перепрыгнул через машину! Он заржал, и в то мгновение, когда всадник развернул лошадь, я дал газ, и машина рванулась вперед.

Великолепным скачком Моргенштерн отпрыгнул в сторону. В зеркале я увидел как две собаки вцепились в задний бампер, оторвали его и вновь кинулись в погоню. Несколько собак валялись на дороге мертвыми, но штук шестнадцать-семнадцать все еще оставалось.

— Великолепно, — сказал Рэндом. — Но тебе повезло, что они не бросились на покрышки. Наверное, им раньше не приходилось загонять такую дичь, как автомобиль.

Я отдал ему свой последний пистолет, сказав:

— Постарайся убить как можно больше собак.

Он расстрелял обойму спокойно и с безупречной точностью, уложив шестерых.

А Джулиэн скакал уже рядом с машиной, и в руке у него был меч.

Я нажал на гудок, надеясь испугнуть Моргенштерна, но не вышло. Я свернул в их сторону, но конь снова грациозно отпрыгнул. Рэндом скорчился на сиденье, положив пистолет на согнутый локоть левой руки и целясь в окно мимо меня.

— Не стреляй пока, — сказал я. — Постараюсь взять его так.

— Ты сумасшедший, — сказал он, когда я вновь ударил по тормозам.

Но пистолет опустил.

Машина остановилась, я распахнул дверцу и выскочил — все еще босиком! Проклятье!

Я нырнул под клинок, схватил братца за руку и выбросил его из седла. Он ударил меня по голове левым бронированным кулаком, и окрест вспыхнул фейерверк. Жутко больно.

Он лежал там, куда упал, в грогги, а вокруг меня прыгали собаки, пытаясь укусить, и Рэндом отпихивал их ногами. Я подобрал клинок Джулиэна, валявшийся рядом, и приставил острие к его горлу.

— Отзови их! — крикнул я. — Или прибью твою голову к земле!

Он выдохнул приказ собакам, те отошли в сторону. Рэндом ухватил Моргенштерна за уздечку и боролся с конем.

— Ну а теперь, дорогой брат, — спросил я. — что ты должен сказать в свое оправдание?

В его глазах зажегся холодный голубой огонь, но лицо оставалось бесстрастным.

— Если ты собираешься убить меня, так — валяй.

— Все в свое время, — заверил я его, невольно наслаждаясь комьями грязи, прилипшими к его белым доспехам. — А пока что скажи мне, как дорого ты ценишь свою жизнь?

— Все, что имею, конечно.

Я отступил на шаг.

— Вставай и садись в машину, на заднее сидение.

Он встал, и я отобрал у него кинжал, прежде чем он уселся. Рэндом уселся вперед, на свое место, но направил пистолет с последней обоймой в голову Джулиэна.

— Почему бы просто не убить его? — спросил он.

— Я думаю, он нам пригодится. Есть много вещей, которые я хотел бы узнать. Да к тому же нам предстоит еще долгий путь, — ответил я.

Я включил зажигание и тронулся с места.

Собаки дружно припустили рядом с машиной, а Моргенштерн скакал позади.

— Боюсь, что я как пленник стою немного, — заметил Джулиэн. — И даже если ты станешь меня пытаться, я не смогу сказать тебе больше того, что знаю, а знаю я тоже немного.

— Вот с этого и начни, — сказал я.

— Когда начался весь этот ад, — рассказал он нам, — положение Эрика было самым сильным, ведь он был в Янтаре. По крайней мере, я считал именно так, потому и предложил ему свои услуги. Если бы это был один из вас, я, вероятно, поступил бы так же. Эрик поручил мне охрану Леса Ардена, ведь это — один из основных путей в Янтарь. Джерард стал контролировать южные моря, а Кэйн

— северные воды.

— А Бенедикт? — спросил Рэндом.

— Не знаю. Я ничего не слышал о нем. Может, он с Блейсом. А может, где-нибудь в Тени. И просто ничего еще не слышал о том, что произошло. Может быть, он даже мертв. Прошло много лет с тех пор, как мы слышали о нем хоть что-то.

— Сколько людей у тебя в Ардене? — спросил Рэндом.

— Больше тысячи. За вами наблюдают даже сейчас.

— И если они хотят, чтобы ты остался жить, пусть этим и ограничатся, — сказал Рэндом.

— Ты несомненно прав, — ответил Джулиэн. — Должен признаться, Кэвин, что ты поступил очень проницательно, взяв меня в плен, а не убив на месте. Может быть, теперь тебе и удастся проехать через лес.

— Ты говоришь так потому, что хочешь жить, — сказал Рэндом.

— Конечно, я хочу жить. Могу я надеяться?

— За что?

— За ту информацию, которую я вам дал.

Рэндом засмеялся.

— Ты дал нам слишком мало, и я уверен, что вырвать из тебя можно больше. Но это мы посмотрим, когда предоставится случай остановиться, а, Кэвин?

— Посмотрим, — сказал я. — Где Фиона?

— По-моему, где-то на юге.

— А Дейдре?

— Не знаю.

— Лльюилл?

— В Ратн-Я.

— Хорошо, — сказал я. — По-моему, ты сказал все, что знаешь.

— Да.

Мы ехали в молчании, наконец лес начал редеть. Я давно потерял из виду Моргенштерна,

хотя иногда видел джулиэновского ястреба, который парил над нами. Дорога свернула, и теперь мы направлялись к седловине меж двух пурпурных гор.

Бензобак был полон чуть больше, чем на четверть. Через час мы проехали между высокими каменными гребнями.

— Удобное место, чтобы перекрыть дорогу, — заметил Рэндом.

— Звучит правдоподобно, — ответил я. — Как считаешь, Джулиэн?

Он вздохнул.

— Да, — согласился он. — Скоро появится. Вы сообразите, как проехать.

Мы сообразили. Когда подкатили к воротам, и сторож в зеленом и коричневом подошел, вынув меч, я указал большим пальцем на заднее сидение и спросил:

— Улавливаешь сюжет?

Он уловил, да и нас узнал тоже.

Он поспешил открыть ворота и салютовал, когда мы проезжали.

Прежде чем мы пересекли перевал, перед нами открылось еще двое ворот, и где-то по пути мы потеряли ястреба. Мы поднялись в гору на несколько тысяч футов, и я остановил машину у пропасти. Справа не было ничего, кроме очень долгого пути вниз.

— Выходи, — сказал я. — Ты собирався прогуляться.

Джулиэн побледнел.

— Я не стану унижаться, — сказал он. — И не буду вымаливать жизни, — он вышел из машины.

— Черт! — сказал я. — Передо мной уже с неделю никто хорошенько не унижался! Жаль... Встань на край, вон туда. Чуть ближе, пожалуйста.

А Рэндом продолжал держать пистолет, нацеленным ему в голову.

— Совсем недавно, — сказал я ему, — ты говорил, что предложил бы помощь каждому, кто оказался бы на месте Эрика.

— Правильно.

— Посмотри вниз.

Он посмотрел. Это была долгая дорога.

— Хорошо, — сказал я. — Запомни: все может измениться и совсем не так, как ты ждешь. Запомни, кто подарил тебе жизнь там, где любой другой отобрал бы. Поехали, Рэндом. Нам пора.

Мы оставили его стоять на краю пропасти. Он тяжело дышал, и брови его были сдвинуты.

Мы добрались до границы перевала, и тут бензин почти иссяк. Я поставил передачу на нейтралку, выключил мотор, и машина начала долгий спуск вниз.

— Я думаю о том, — сказал Рэндом, — что ты не растерял былой хитрости. Я, наверное, убил бы его сразу после того, как он пытался то же сделать с нами. Но думаю, ты поступил правильно. Мне кажется, он поддержит нас, если нам удастся переиграть Эрика. Но сейчас он, без сомнения, обо всем доложит Эрику.

— Конечно, — сказал я.

— И у тебя побольше причин желать его смерти, чем у любого из нас.

Я улыбнулся.

— Личные чувства портят хорошую политику, юридическую практику и деловые отношения.

Рэндом раскурил две сигареты и одну протянул мне.

Глядя вниз за окно сквозь сигаретный дым, я уловил первый отблеск моря. Цвета синего, почти ночного неба, с золотым солнцем, подвешенным над разрезом горизонта, море было таким грандиозным — густое, как краска, плотное, как ткань королевского цвета — тоже

синего, почти пурпурного, — и я разволновался, глядя на него.

Вдруг я поймал себя на том, что говорю на языке, о знании которого и не подозревал. Я читал "Балладу о Мореходах", а Рэндом слушал, пока я не умолк. И он спросил:

— Часто говорят, что балладу эту написал ты. Это правда?

— Это было так давно, — ответил я ему, — что я уж и не помню.

По мере того, как утес дальше и дальше уходил влево, а мы спускались по нему в лесную долину, море все больше и больше открывалось перед нашими глазами.

— Маяк Кабры^[10], — сказал Рэндом, указывая на громадную серую башню, возвышающуюся над водой далеко в море. — Я уже и забыл о его существовании.

— Я тоже, — сказал я. — Какое это странное чувство — возвращаться назад, — и тут я понял, что мы говорили не по-английски, а на языке, который назывался Тари.

Примерно через полчаса мы спустились. Я катился по инерции так долго, как это было возможно, потом включил мотор. При его звуке стайка черных птиц выпорхнула из-за ближайшего кустарника слева от нас. Что-то серое, похожее на волка, взметнулось из укрытия и нырнуло в чащу. Невидимый до сих пор олень, к которому оно подкрадывалось, умчался прочь. Мы ехали по лесистой долине — хоть деревьев в ней было и не так много, как в Ардене — и неуклонно приближались к далекому морю.

Нагромождения гор легли слева и справа. Чем дальше мы въезжали в долину, тем шире открывалась нашему взгляду панорама огромных вершин, по гребню одной из которых мы спустились. Горы продолжали свое шествие к морю, вырастая все выше и неся на своих плечах пятнистую мантию, окрашенную в зеленое, розовато-лиловое, пурпурное, золотое и ультрамариновое. Склоны, обращенные к морю, были невидимы из долины, но у хребта последнего, самого высокого пика кружилась легкая вуаль призрачных облаков, и время от времени золотое солнце трогало их огнем. По-моему, мы были примерно в тридцати пяти милях от цели, а бензобак был почти пуст. Я знал, что последний пик был целью нашего путешествия, и нетерпение начало расти во мне. Рэндом смотрел в том же направлении.

— Он на месте, — заметил я.

— Я почти забыл, — сказал он.

И когда я переключал передачу, то заметил, что брюки мои приобрели какой-то блеск, которым раньше не обладали. Они сузились к лодыжкам, и я заметил, что манжеты исчезли. Тогда я осмотрел рубашку.

Она больше походила на куртку, и была черной и украшенной серебром. И ремень мой стал значительно шире.

При ближайшем рассмотрении я увидел, что с наружной стороны моих брюк тоже шли строчки серебряной отделки.

— Кажется, я эффектно одет, — сказал я, чтобы посмотреть, как он отреагирует.

Он ухмыльнулся, и я увидел, что он где-то разжился коричневыми брюками в красную полоску и оранжево-коричневой рубашкой. Коричневая шляпа с желтой каймой лежала на сидении рядом.

— Я прикидывал, когда же ты заметишь, — сказал он. — Как чувствуешь себя?

— Вполне, — сказал я, — и, кстати, у нас почти не осталось бензина.

— Уже поздно что-либо делать, — сказал он. — Мы в реальном мире, и работа с Тенями потребует огромного усилия. К тому же это не останется незамеченным. Боюсь, нам придется бросить машину, когда кончится бензин.

Он кончился примерно через две с половиной мили. Я съехал на обочину и остановился. Солнце посылало нам прощальный западный поклон, и тени заметно вытянулись.

Я полез на заднее сидение, где мои ботинки обернулись черными сапогами, и что-то

зазвенело, когда моя рука нащупала их.

Я держал в руках довольно тяжелый серебряный меч в ножнах. Ножны были в размер застёжек на моем поясе. Там же, на заднем сидении, лежал черный плащ с застёжкой в виде серебряной розы.

— Ты думал, они потеряны навсегда? — спросил Рэндом.

— Да, черт побери, — ответил я.

Мы выбрались из машины и пошли пешком. Вечер был прохладен и напоен терпкими ароматами. На востоке начали появляться звезды, а солнце погрузилось в свою колыбель.

Мы тащились по дороге, и Рэндом вдруг заметил:

— Не могу сказать, чтобы это мне нравилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока что нам все слишком легко удается, — разъяснил он. — Мне это не нравится. Мы прошли через Лес Ардена с совсем небольшой задержкой. Джулиэн, правда, пытался позаботиться о нас, но я не знаю... Мы прошли так далеко, так быстро. Я почти подозреваю, что нам позволили это сделать.

— У меня тоже возникла эта мысль, — соврал я. — Как ты думаешь, что это может предвещать?

— Боюсь, — сказал он, — что мы бежим прямо в капкан.

Несколько минут мы шагали в полном молчании. Затем:

— Засада? — спросил я. — Этот лес кажется до странности спокойным.

— Не знаю.

Мы прошли мили две, а затем солнце совсем село. Ночь была черной и усыпанной алмазными звездами.

— Немного неподходящий для нас с тобой способ передвижения, — сказал Рэндом.

— Верно.

— И все же я боюсь творить лошадей.

— Я тоже.

— Вот сейчас, как ты сам оцениваешь обстановку? — спросил Рэндом.

— Дерьмо и дрянь, — сказал я. — У меня такое чувство, что скоро они дадут знать о себе.

— Как думаешь, может, нам уйти с дороги?

— Я думал об этом, — вновь соврал я, — и, вероятно, нам не повредит прогулка в сторонке. Так мы и сделали.

Мы шли среди деревьев, двигались мимо темных, причудливой формы, скал и кустов. А над нами медленно поднималась луна, большая, серебряная, разгоняющая ночь.

— Меня не покидает чувство, что нам не удастся пройти, — сказал мне Рэндом.

— А можно ли положиться на это чувство? — спросил я.

— Еще как.

— Почему?

— Слишком далеко и слишком быстро, — отозвался он. — Мне это не нравится. Сейчас мы в реальном мире, слишком поздно поворачивать назад. Мы не можем играть с Тенями, мы можем положиться только на наши клинки (на его боку висел короткий клинок с орнаментом). Я чувствую, что мы оказались здесь по желанию Эрика. Делать нечего, но раз уж мы здесь, то я предпочел бы драться за каждый дюйм пути.

Мы прошли еще милю и остановились покурить, придерживая сигареты так, чтобы ладонь прикрывала огонек.

— Славная ночь, — сказал я Рэндому и холодному ветерку.

— Полагаю... Что это?

Позади нас легко зашуршал кустарник.

— Может быть, зверь?

Клинок моментально очутился в его руке.

Мы подождали несколько минут, но ничего не услышали.

Он вложил клинок в ножны, и мы пошли дальше.

Позади нас звуков больше не было, но, немного погодя я услышал слабое шуршание впереди.

Он кивнул головой в ответ на мой взгляд, и мы стали двигаться более осторожно.

Впереди нас довольно далеко показался слабый свет, словно отблеск костра.

Звуков больше не раздавалось, и пожатием плеч он молчаливо уступил моему жесту.

— Направо, в лес.

Больше получаса прошло прежде, чем мы добрались до стоянки. Вокруг костра расселось четыре человека, и еще двое спали в стороне. У девушки, привязанной к дереву, лица было не видно, но когда я взглянул на ее фигуру, я почувствовал, как сильно забилось сердце.

— Может ли это... — прошептал я.

— Да, — ответил он, — по-моему, может.

Затем она повернула голову, и я узнал ее.

— Дейрдре!

— Хотел бы я знать, что натворила эта сука, — сказал Рэндом. — Судя по костюмам этих ребят, ее ведут в Янтарь.

Я увидел, что стражи были одеты в черное, красное и серебряное — насколько я помнил по Козырю и еще откуда-то, это были цвета Эрика.

— Раз Эрик ее хочет, значит, он ее не получит, — сказал я.

— Лично я Дейрдре никогда не любил, — сказал Рэндом, — но я знаю, что любишь ты, следовательно... — и он вынул клинок из ножен.

Я сделал то же самое.

— Приготовься, — сказал я ему, поднимаясь.

И мы кинулись на них.

Вся битва заняла у нас минуты две, не больше.

Она глядела на нас, и свет от костра превратил ее черты в кривляющуюся маску. Она плакала и смеялась, повторяла наши имена громким и испуганным голосом, и я перерезал ее путы и помог встать на ноги.

— Приветствую, сестра. Не хочешь ли присоединиться к нам на Пути в Янтарь?

— Нет, — сказала она. — Спасибо, что спасли мне жизнь, но я предпочитаю сохранить ее. Можно подумать, я не знаю, для чего вы идете в Янтарь.

— Разыгрывается трон, — ответил Рэндом, что было для меня новостью, — и мы — заинтересованные стороны.

— Если вы столь умны, то останьтесь в стороне и проживите подольше, — сказала она. О боги! До чего она была милая, хотя и выглядела немного устало и грязно.

Я обнял ее, потому что мне так этого хотелось, и прижал к себе. Рэндом нашел мех с вином, и мы выпили.

— Эрик — единственный принц в Янтаре, — сказала она, — и войска ему преданы.

— Я не боюсь Эрика, — ответил я и понял, что не уверен в этом.

— Он никогда не позволит тебе войти в Янтарь, — сказала она. — Я сама была пленницей, пока пару дней назад мне не удалось воспользоваться одним из потайных ходов. Я думала, что мне удастся уйти в Тени, пока все это не кончится, но рядом с истинным миром это сделать не так-то просто. И его вояки нашли меня сегодня утром. Они вели меня обратно. Я думаю, он мог

бы убить меня, но я не уверена. Как бы то ни было, я играла в этом городе роль марионетки. Думаю, Эрик свихнется от злости, но опять-таки я не уверена...

— А что Блейс? — поинтересовался Рэндом.

— Он насылает из Теней всяких чудовищ, и Эрика это сильно расстраивает. Но Блейс ни разу не атакował всеми силами, поэтому Эрик беспокоится, ведь кому быть хозяином Короны и Скипетра — до сих пор еще не ясно, хотя Скипетр Эрик все время держит в правой руке.

— Понятно. А о нас он говорил когда-нибудь?

— О тебе нет, Рэндом. О Кэвине — да. Он боится возвращения Кэвина. Следующие пять миль пути довольно спокойны, но потом, потом каждый шаг пути грозит внезапной опасностью. Каждый камень — ловушка, каждое дерево — засада. Из-за Блейса и из-за Кэвина. Он и хотел, чтобы вы дошли до этих мест, ведь, с одной стороны здесь не уйти в Тени, а с другой — не так легко скрыться от его власти. И ни один из вас не сможет проникнуть в Янтарь и при этом избежать ловушки.

— Но ты-то сбежала...

— Это — другое дело. Я старалась выйти, а не войти. Возможно, он не охранял меня так, как берег бы любого из вас: благодаря моему полу и слишком мелким амбициям. Но все же, как вы видите, успеха я не достигла.

— Теперь достигнешь, сестра, — сказал я, — и успех будет с тобой, пока мой клинок может подняться в защиту твоего имени.

И она поцеловала меня в лоб, сжала мне руку. Я всегда млел, когда она это делала.

— Я уверен, что нас преследуют, — сказал Рэндом, и по его жесту мы скрылись в темноту.

Мы лежали за кустом, пристально глядя назад, на путь, который только что преодолели.

После возбужденного перешептывания оказалось, что решение следовало принимать мне. На самом деле вопрос был очень прост: что дальше?

Этот вопрос был слишком важен, и я не мог больше притворяться. Я знал, что мне следует не доверять им, даже милой Дейрдре, но если уж быть честным, то лучше — Рэндом, раз он уже по горло увяз в наших делах, а Дейрдре была моей любимицей.

— Возлюбленные родственники, — сказал я им. — Я должен сделать одно признание...

Рука Рэндома уже судорожно сжала рукоять клинка. Значит, вот как мы можем доверять друг другу. Я почти слышал тиканье у него в голове: "Кэвин привел меня сюда, чтобы предать", — твердил он себе.

— Если ты привел меня сюда, чтобы предать, — сказал он, — то тебе не удастся взять меня живым.

— Ты что, шутишь? — сказал я. — Мне нужна твоя помощь, а не твоя голова. Я хотел сказать вот что: я ни черта не понимаю, что здесь происходит. Я, конечно, кое о чем догадываюсь, но действительно не знаю, где мы, черт возьми, находимся, что такое Янтарь, что делает Эрик, кто Эрик такой, и почему мы сидим на корточках в кустах, прячась от его солдат, и кто я такой на самом деле.

Последовало ужасно долгое молчание, затем Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да, — поддакнула Дейрдре.

— Я хочу сказать, — сказал я, — что я одурачил тебя, Рэндом. Разве тебе не показалось странным, что в течение всего нашего путешествия я не делал ничего, только вел машину?

— Но ведь ты же командующий, — сказал он мне. — И я считал, что ты строишь планы. Зато во время нашего пути ты вел себя достаточно прозорливо. Я знаю, что ты — Кэвин.

— Это я узнал лишь несколько дней назад, — сказал я. — Я знаю, я тот, кого вы зовете Кэвином, но я попал в катастрофу. У меня несколько дырок в черепе — я могу показать шрамы,

когда будет светлее — и я страдаю от амнезии. Я не просек этих разговоров о Тенях. Я даже почти ничего не помню о Янтаре. Я помню только своих родственников и то, что не могу им доверять. Вот и вся моя история. Что тут можно сделать?

— Боги! — сказал Рэндом. — Да, теперь я вижу! Понимаю все эти мелочи, которые ставили меня в тупик во время пути... Как тебе удалось так лихо надуть Флори?

— Удача, — сказал я, — да еще, видимо, сработало подсознание. Да нет. Не это! Она просто глупа... Но теперь я очень нуждаюсь в вас.

— Как ты думаешь, мы сможем уйти в Тени? — спросила Дейрдре, и обращалась она не ко мне.

— Да, — сказал Рэндом. — Но я против. Мне хочется видеть Кэвина в Янтаре, и мне хочется видеть голову Эрика на копье. Я готов использовать пару шансов, чтобы полюбоваться этими вещами, так что я не вернусь в Тени. Если хочешь, иди. Все вы считаете, что я слабак и обманщик. Ну, теперь вы узнаете. Я намерен увидеть все, о чем мечтаю.

— Спасибо, брат, — сказал я.

— Встретаться при лунном свете — дурная примета, — заметила Дейрдре.

— Ты по-прежнему была бы привязана к стволу, — сказал Рэндом, и она не ответила.

Мы полежали за кустом еще немного, и скоро на поляну, где горел костер, вышли три человека и огляделись вокруг. Потом двое из них нагнулись и понюхали землю.

Потом они посмотрели в нашем направлении.

— Вэйры^[11], — прошептал Рэндом, когда они двинулись к нам. — Обратни!

Все произошло в странной полутьме. Они упали на четвереньки, и лунный свет засеребрил их серые одежды. На нас смотрели шесть сверкающих глаз.

Я проткнул первого волка серебряным клинком, и в ночи раздался человеческий вопль. Рэндом одним ударом отсек голову второму, и к своему удивлению, я увидел, как Дейрдре вздернула третьего волка в воздух и со звонким хрустящим звуком переломила его позвоночник о колено.

— Быстро — своим клинком! — вскричал Рэндом, и я проткнул сначала его жертву, потом ее, и в уши ударили еще два вопля.

— Лучше убраться отсюда поскорее, — сказал Рэндом. — Сюда! — Мы последовали за ним.

— Куда это мы? — спросила Дейрдре через час после того, как мы упорно начали продираться сквозь кустарник.

— К морю, — ответил он.

— Зачем?

— Оно хранит память Кэвина.

— Где? Как?

— Конечно, в Ратн-Я.

— Они сначала убьют тебя, а потом скормят рыбам твои мозги.

— Я и не собираюсь идти с вами. На берегу я с вами расстанусь, а ты переговоришь с сестрой своей сестры.

— Ты хочешь, чтобы он вновь прошел Образ?

— Да.

— Это рискованно.

— Знаю... Слушай, Кэвин, — обратился он ко мне, — все время, что мы были вместе, ты вел себя честно. Если по какой-то случайности ты на самом деле не Кэвин — ты погиб. Хотя ты должен быть им. Ты не можешь быть никем другим. Не по тому, как ты себя вел, даже ничего не помня. Нет, я держу пари на твою жизнь. Рискни и попробуй пройти через то, что мы называем

Образом. Все шансы за то, что это восстановит твою память. Ну, играешь?

— Скорее всего, — ответил я. — Но что за Образ?

— Ратн-Я — призрачный город. Это отражение Янтара в море. Все, что есть в Янтаре, отражается в Ратн-Я, как в зеркале. Подданные Лльюилл живут там, как в Янтаре. Меня они ненавидят за кое-какие прошлые проделки, поэтому я не осмелюсь спуститься туда с тобой, но если ты поговоришь с ними честно и намекнешь на свою миссию, я думаю, они позволят тебе пройти Образ Ратн-Я, который хоть и зеркальное отражение того, что находится в Янтаре, но окажет на тебя такое же действие. То есть, он даст сыну нашего отца — власть путешествия среди Теней.

— Как эта власть может помочь мне?

— Это поможет тебе узнать, кто ты есть.

— Тогда я играю.

— Умница. В этом случае мы идем дальше на юг. Чтобы дойти до лестницы, понадобится несколько дней... Ты пойдешь с ним, Дейрдре?

— Я пойду с братом моим Кэвином.

Я знал, что она так скажет, и был рад. Я боялся, но я был рад.

Мы шли всю ночь. Мы ловко обошли три вооруженных отряда, и наутро заснули в пещере.

Два вечера мы шли к черно-розовым пескам великого моря и на утро третьего дня подошли к берегу, удачно улизнув от небольшого вражеского отряда. Но нам не хотелось выходить на открытый берег до тех пор, пока мы не достигнем цели — Фейела-бионин^[12], Лестницы в Ратн-Я.

Встающее солнце дробило пенные волны на миллиарды ярких осколков, и глаза слепли от их танца. Два дня мы питались одними фруктами, запивая их водой, и я был голоден, как волк, но забыл обо всем, увидев мощный высокий берег с резкими изгибами, коралловый, оранжевый, розовый и красный, с вкраплениями ракушек, случайных деревянных обломков и небольших отполированных камней; за берегом было море: летящее вверх и вниз, мягко плещущее, все в золоте, голубое и пурпурное, и легкий бриз пел свою песню, как благословение с фиолетовых небес.

Гора Колвир — стоящая лицом к заре, держащая Янтарь, как мать держит на руках дитя — находилась слева милях в двадцати к северу от нас, и солнце золотило ее, опустив радужную вуаль на город. Рэндом посмотрел в ту сторону и скрипнул зубами, потом отвернулся. Может быть, я сделал то же самое.

Дейдрре тронула меня за руку, кивнула и пошла вдоль берега к северу. Мы с Рэндомом двинулись следом. Вероятно, она увидела метку, извещающую, что цель близка.

Мы прошли почти четверть мили, когда показалось, что земля чуть задрожала под ногами.

— Стук копыт, — прохрипел Рэндом.

— Смотрите! — вскрикнула Дейдрре, она запрокинула голову и указывала вверх.

Я проследил за ее рукой.

Над нами парил ястреб.

— Долго еще? — спросил я.

— К этому кайрну, — сказала Дейдрре^[13], и футах в ста впереди я увидел его — футов восьми в высоту, сложенный из серых больших камней, изгрызенных ветром, песком и водой, громоздящихся в форме треугольной пирамиды.

Стук копыт нарастал, и тут же прозвучал сигнал рога, другого, не Джулиэна.

— Бежим! — крикнул Рэндом, и мы побежали.

Мы не пробежали и двадцати пяти шагов, как ястреб снизился. Он напал на Рэндома, но тот выхватил клинок и рубанул хищника. Тогда ястреб обратил внимание на Дейдрре.

Я выхватил клинок и тоже попытался ударить птицу. Полетели перья. Ястреб взвился и снова спикировал на нас, и на этот раз мой клинок наткнулся на что-то твердое — мне показалось, что птица упала, но я не был уверен и оглядываться не стал. Ровный стук копыт гремел совсем рядом, а звуки рожка раздавались за нашими спинами.

Мы добежали до каменной пирамиды, и Дейдрре, обогнув ее правый край, побежала прямо в море.

Я никогда не возражаю человеку, который хорошо знает, что делать. Я последовал за ней, и краем глаза увидел позади всадников.

Они были еще довольно далеко, но неслись по берегу во весь опор, собаки лаяли, рога трубили, а мы с Рэндомом бежали, как черти, и вскоре вслед за нашей сестрой очутились в волнах прибоя.

Мы уже были в воде по пояс, когда Рэндом сказал:

— Смерть, если останусь, и смерть, если пойду.

— Первое неизбежно, — ответил я, — о втором можно поторговаться. Пошли!

Мы пошли. Мы шагали по каменистой дороге, уходящей в море. Я не представлял, как мы будем дышать, когда вода накроет нас с головой, но Дейрдре вроде бы не волновалась, поэтому и я пытался не волноваться.

Но я волновался.

Когда вода поднялась к подбородку и стала захлестывать, я был просто чертовски взволнован. Дейрдре все так же шла вперед, спускаясь вниз, и я следовал за ней, и Рэндом.

С каждым футом поверхность уходила все ниже и ниже. Я понял, что мы спускаемся по огромной лестнице, имя которой было — Файела-бионин.

Еще один шаг, и вода скроет меня с головой, а Дейрдре уже исчезла под поверхностью.

Так что я сделал глубокий вдох и ухнул следом.

Ступеньки вели вниз, и я шел по ним. Мне казалось удивительным, что тело мое не всплывало, а сам я спокойно спускался по лестнице, как будто она стояла на земле, хотя мои движения и были чуть замедленны. Я задумался над тем, как быть, когда кончится воздух.

Над головами Рэндома и Дейрдре шуршали пузырьки воздуха. Я попытался проследить за тем, как они дышат, но ничего не вышло. Грудь у обоих вздымалась самым обычным образом.

Когда мы спустились футов на десять ниже уровня моря, Рэндом, шедший слева, обратился ко мне, и я услышал его голос. Казалось, ухо мое было прижато к ванне, и каждое слово било меня прямо в голову.

Но слышно было хорошо.

— Я думаю, что если им и удастся спуститься сюда с лошадьми, то с собаками этот номер не пройдет, — сказал он.

— Как тебе удастся дышать? — попытался сказать я, и отчетливо услышал свой собственный голос.

— Расслабься, — быстро ответил Рэндом. — Если ты задержал дыхание, то выпусти воздух и не беспокойся. Ты можешь дышать совершенно спокойно, если только не сойдешь с лестницы.

— Как это? — спросил я.

— Если мы доберемся — узнаешь, — ответил он, и голос зазвенел в холодной колеблющейся зелени.

Мы спустились уже на двадцать футов, я выдохнул из груди немного воздуха и попытался чуть вдохнуть.

Ничего страшного не произошло, так что я продолжил. Над моей головой тоже показались пузырьки, но никаких неприятных ощущений я при этом не испытал.

Не было у меня и чувства растущего давления, а лестницу, по которой мы шли, я видел как сквозь зеленоватый туман. Она вела вниз, вниз, вниз. Прямо. Не сворачивая. И впереди нас брезжил какой-то неясный свет.

— Если успеем пройти сквозь арку — мы спасены, — сказала моя сестра.

— Вы спасены, — поправил Рэндом, и я задумался, что же он такого натворил, чтобы бояться Ратн-Я.

— Если они на конях, которые раньше сюда не спускались, — продолжил Рэндом, — им придется спешиться и идти пешком. Тогда мы успеем.

— А может, они вообще бросили погоню, — ответила Дейрдре.

Мы поспешили вперед.

Мы уже спустились под воду футов на пятьдесят, вокруг нас стало темно и холодно, но свет впереди и внизу усилился, и еще шагов через десять я увидел его источник.

Справа от меня возникла колонна. На ее вершине находилось что-то круглое и сверкающее, примерно пятнадцатую ступенями ниже такая же конструкция стояла слева. Потом опять справа, и так далее.

Когда мы пошли между колонн, вода потеплела, и появилась возможность лучше разглядеть лестницу: она была белой, с розовыми и зелеными прожилками, и камень ее напоминал мрамор, хотя и не был скользким. Она была около пятидесяти футов в ширину, а по обеим сторонам тянулись широкие перила из того же камня.

Мимо нас проплывали рыбы. Когда я оглянулся назад, то погони не заметил.

Стало светлее. Мы вошли в ярко освещенное пространство — нет, на вершине колонны был не шар. Мой разум пытался придумать хоть какое-то рациональное объяснение происходящему, поэтому я и решил, что наверху колонны — шар. На самом деле это было нечто вроде пламени, танцующего на вершине колонны — фута два в высоту, как гигантский факел. Я решил спросить об этом позже и попридержаться — да простят мне эту фразу — фонтан, чтобы не мешать нашему быстрому спуску.

После того, как мы вошли в эту аллею света и прошли уже шесть факелов, Рэндом сказал: — За нами гонятся.

Я оглянулся и увидел далекие спускающиеся фигуры, и четверо из них были верхом.

Это очень странное чувство, когда смеешься под водой и слышишь себя.

— Пусть, — я дотронулся до рукояти клинка. — Раз уж мы зашли так далеко, я чувствую в себе достаточно силы!

Однако мы пошли еще быстрее, а вода и слева, и справа от нас стала черной, как чернила. Только лестница была освещена, в нашем сумасшедшем побеге вниз, да в отдалении я увидел нечто, напоминающее огромную арку.

Дейдре перепрыгнула через две ступеньки, и вокруг нас все задрожало от стука копыт.

Группа воинов, заполнявшая лестницу от перил до перил, была далеко от нас, но четыре всадника нагоняли нас. Мы бежали за Дейдре изо всех сил, и рука моя оставалась на мече.

Три, четыре, пять. Мы пробежали пять светильников, прежде чем я снова оглянулся и увидел всадников футов в пятидесяти над нами. Пеших было практически не видно. Арка вздымалась впереди, вероятно, футах в двухстах. Огромная, сверкающая, словно алебастровая, с резными Тритонами, морскими нимфами, русалками и дельфинами. А по другую сторону арки, кажется, стояли люди. Рэндом сказал:

— Должно быть, им любопытно, зачем мы сюда явились.

— Этот интерес останется чисто академическим, если мы не успеем, — ответил я, вновь оглядываясь и видя всадников, приблизившихся еще футов на десять.

Тогда я вытащил клинок, и он сверкнул в свете факелов. Рэндом последовал моему примеру.

Еще шагов через двадцать зелень воды задрожала еще сильнее в стуке близких копыт, и мы повернулись спиной к арке, чтобы не попасть под ноги всадникам.

Они приблизились к нам совсем вплотную. Арка находилась всего в ста футах за нами, но с таким же успехом она могла быть и за сто миль, если только нам не удастся справиться с этими четырьмя преследователями.

Я пригнулся, когда наездник, несшийся за мной, взмахнул клинком. Справа от него, чуть сзади, находился второй всадник, поэтому я двинулся влево, поближе к перилам. Таким образом, при нападении ему мешало свое собственное тело, ведь клинок он держал в правой руке.

Когда он ударил, я отпарировал *in quarte* и мгновенно сам сделал выпад.

Он достаточно низко склонился в седле, так что острие моего клинка как раз вонзилось ему в горло справа.

Сильный поток крови, словно алый туман, поднялся, качнулся в зеленоватом свете. Сумасшедшая мысль: если бы Ван Гог был здесь и видел это.

Лошадь пронеслась мимо меня, и я набросился на второго всадника сзади.

Он повернулся, чтобы отпарировать удар, и это ему удалось. Но скорость скачки и сила

моего удара, выбили его из седла. Когда он падал, я пнул его ногой, и его отнесло вверх. Я ударил его, пока он висел над моей головой, и он вновь парировал. Но это выбросило его за перила. Я услышал дикий крик, когда его расплющило водой. Затем он замолк.

Тогда я обратил внимание на Рэндوما, который убил и лошадь, и человека, и сейчас дуэлировал с оставшимся воином в пешем строю. Я не успел подойти, как все было кончено, он убил его и рассмеялся. Кровь взвивалась над трупами, и я внезапно вспомнил, что действительно, в самом деле, ЗНАЛ сумасшедшего, печального и нищего Ван Гога, и очень обидно, что он не мог видеть и рисовать эту пляску цвета.

Пешие солдаты топтались всего в ста футах от нас, и мы быстро повернули и бросились к арке. Дейрдре уже прошла сквозь нее.

Мы побежали и успели. Рядом с нами засверкало множество мечей, и воины повернули обратно. Затем мы сунули клинки в ножны, и Рэндом произнес:

— Теперь мне крышка.

И мы приблизились к группе людей, которые вышли, чтобы защитить нас.

Рэндому тут же было приказано отдать шпагу, что он и сделал, пожав плечами. Затем два человека встали по бокам от него, а третий — сзади, и мы продолжили наш спуск по лестнице.

Я потерял чувство времени в этой мокрой стране, но прикинул, что шли мы минут пятнадцать-тридцать, пока не добрались до места назначения.

Перед нами высились золотые ворота Ратн-Я. Мы прошли сквозь них. Мы вошли в город.

Все было в зеленом тумане. Нас окружали здания — хрупкие и в большинстве своем высокие, раскиданные каким-то странным образом — группами — и таких цветов, что мой разум, ищущий привычных сочетаний и ассоциаций, едва не раскололся на части. Я ничего не вспомнил, и у меня в который раз разболелась голова от путаных обрывков того, что я когда-то так хорошо знал. Ведь когда-то я ходил по этим улицам, или по улицам, похожим на эти — это я помнил.

Рэндом не произнес ни слова, а Дейрдре лишь спросила, где Лльюилл. Ей ответили, что Лльюилл в Ратн-Я.

Я принялся рассматривать наш эскорт. Это были мужчины с зелеными, пурпурными и черными волосами, у всех были зеленые глаза, кроме одного — с ореховыми. Они были одеты в чешуйчатые короткие штанишки и плащи, перевязанные на груди крест-накрест, и вооружены короткими мечами, торчащими из-за ракушечных поясов. На их телах отсутствовали волосы. Никто со мной не заговорил: только пара изумленных и пара свирепых взглядов. Оружие мне позволили оставить.

В городе нас провели по широкой улице, освещенной теми же пламенными колоннами, стоящими куда ближе друг к другу, чем на лестнице, и люди глазели на нас из восьмиугольных разноцветных окон, а мимо проплывали рыбехи с яркими брюшками. Когда мы свернули за угол, холодное течение, словно бриз, овеяло нас, а еще через несколько шагов возник теплый поток, похожий на летний ветер.

Нас провели во дворец в центре города, и я знал этот дворец так же, как моя рука — перчатку, заткнутую за пояс. Это был точный образ дворца в Янтаре, только затененный зеленью и смущающий большим количеством зеркал, встроенных в стены и снаружи, и внутри. Женщину, сидевшую на троне в стеклянной комнате, я почти вспомнил: и волосы ее были зелеными, хоть и с серебряными нитями, и глаза ее были круглы, как нефритовые луны, и брови ее разлетались, как крылья оливковых чаек. У нее был маленький рот и маленький подбородок, но высокие скулы и свежие округлые щеки. Обруч белого золота пересекал ее лоб, и алмазное ожерелье обвивало шею. Большой сапфир свисал с ожерелья, покоясь меж ее прелестных обнаженных грудей, соски которых, как и камень, были бледно зелеными. На женщине были

короткие голубые штанишки из чешуек, схваченные серебряным поясом, в правой руке она держала скипетр из розового коралла. На ее пальцах сияли кольца с камнями разных оттенков синего. Когда она заговорила, то не улыбнулась.

— Что ищете вы здесь, изгнанные из Янтаря? — спросила она, и голос ее был шепеляв, мягок и тягуч.

Дейдре сказала в ответ:

— Мы бежим от гнева принца, который сидит в истинном городе

— Эрика! Если говорить откровенно, мы хотим, чтоб он пал. Если он любим здесь — мы погибли, мы отдали себя в руки наших врагов. Но я чувствую, что он здесь не любим. И потому мы пришли просить помощи, достойная Мойре...

— Я не дам войск для штурма Янтаря, — отозвалась та. — Вы знаете, что хаос отразится и на моем королевстве.

— Мы не этого просим, милая Мойре, — сказала Дейдре, — а совсем немного, что не доставит боли или бед ни тебе, ни твоим подданным.

— Назови это! Потому что Эрик нелюбим здесь так же, как эта тварь, что стоит по левую руку, — тут она указала на моего брата, который разглядывал ее, откровенно и нагло оценивая, и легкая улыбка играла в уголках его губ.

Если ему предстояло заплатить — какой бы ни была цена за то, что он здесь натворил, — я увижу — он сделает это как настоящий принц Янтаря, и как много веков тому назад заплатили три моих брата, неожиданно вспомнил я. Он заплатит, дразня их, смеясь во все горло, даже если изо рта у него будет хлестать кровь, и умирая, он провозгласит неотвратимое проклятье, которое обязательно исполнится. У меня тоже есть власть проклятия, внезапно вспомнил я, и быть может, при определенных обстоятельствах мне придется ею воспользоваться.

— То, что я прошу, — сказала Дейдре, — нужно моему брату Кэвину, брату леди Льюилл, живущей здесь, рядом с тобой. Я верю, он никогда не давал вам повода для обид...

— Это верно. Но почему он не может попросить за себя сам?

— Это связано с нашей просьбой, повелительница. Он не может, потому что не знает, о чем просить. У него почти не осталось памяти после катастрофы, в которую он попал среди Теней. Мы пришли сюда, чтобы восстановить его память, чтоб он смог вспомнить прошлое, чтобы он смог противостоять Эрику в Янтаре.

— Продолжай, — сказала женщина на троне, бросив на меня взгляд сквозь тень густых ресниц.

— В одном из уголков твоего дворца, — сказала Дейдре, — есть зал, куда заходят немногие. В этом зале, — продолжала она, — на полу, огненными линиями нанесена копия того, что мы зовем Образом. Только сын или дочь покойного повелителя Янтаря могут пройти Образ и остаться в живых; и тому, кто сделает это, дается власть над Тенями.

Тут Мойре несколько раз моргнула, и я прикинул, скольких подданных отправила она по этой дорожке, чтобы получить контроль над властью в Ратн-Я.

— Если Кэвин пройдет Образ, — продолжала Дейдре, — мы считаем, он обретет память, память принца Янтаря. Он не может пойти в Янтарь, чтобы сделать это, и здесь — единственное известное мне место, где есть его копия, если не считать Тир-на Ног'т, куда нам не попасть [\[14\]](#).

Мойре обратила взгляд на мою сестру, скользнула по Рэндому, вернула ко мне.

— А Кэвин согласен на эту попытку? — спросила она.

Я поклонился.

— Согласен, миледи, — сказал я.

И тогда она улыбнулась.

— Очень хорошо, теперь у вас есть мое разрешение. Однако, мои гарантии здесь — не

гарантии безопасности вне моего королевства.

— Что вы, ваше величество, — сказала Дейрдре. — Мы не ожидаем милостей, и после ухода позаботимся о себе сами.

— Кроме Рэндома, — сказала Мойре.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Дейрдре, так как Рэндом при таких обстоятельствах, конечно, не мог говорить сам за себя.

— Ты, конечно, помнишь, — ответила Мойре, — как однажды Принц Рэндом явился в мое королевство как друг, а затем поспешил исчезнуть вместе с моей дочерью Мэджэнтс.

— Я слышала, как об этом говорили, леди Мойре, но я не знаю справедливости или обоснованности этих слухов.

— Это правда, — ответила Мойре, — и через месяц дочь моя вернулась ко мне. Она покончила с собой через несколько месяцев после рождения сына — Мартина. Что можешь ты сказать на это, Принц Рэндом?

— Ничего, — ответил Рэндом.

— Когда Мартин стал совершеннолетним, — продолжала Мойре, — он решил пройти Образ, ведь он же был янтарной крови. Он — единственный из всех, кому это удалось. Но он ушел в Тень, и с тех пор я не видела его. Что ты скажешь на это, повелитель Рэндом?

— Ничего, — повторил Рэндом.

— Тогда я должна наказать тебя, — продолжила Мойре. — Ты женишься на женщине по моему выбору и останешься с ней здесь ровно на год или лишишься жизни. Что ты скажешь на это, Рэндом?

На это Рэндом ничего не ответил, только коротко кивнул.

Мойре ударила скипетром по ручке своего бирюзового трона.

— Очень хорошо, — сказала она. — Да будет так.

Так оно и было.

Затем мы отправились в отведенные нам покои, чтобы освежиться с дороги. Довольно скоро королева появилась на пороге моей комнаты.

— Приветствую тебя, повелительница Мойре, — сказал я.

— Лорд Кэвин из Янтара, — сказала она мне, — я часто мечтала увидеть тебя.

— А я тебя, — солгал я.

— Твои подвиги — легенда.

— Спасибо, но я едва помню даже самые яркие.

— Могу я войти к тебе?

— Конечно, — я сделал шаг в сторону.

Она вошла в великолепно обставленную комнату, которую сама для меня и выбрала. Она уселась на край оранжевого ложа.

— Когда бы ты хотел пройти Образ?

— По возможности скорей.

Она обдумала мои слова, потом спросила:

— Где ты был среди Теней?

— Очень далеко отсюда, — ответил я, — в месте, где я научился любить.

— Как странно, что Повелитель Янтара владеет этой способностью.

— Какой способностью?

— Любить, — ответила она.

— Может быть, я выбрал неверное слово.

— Сомневаюсь, — сказала Мойре, — потому что баллады Кэвина трогают струны души.

— Леди добра.

— И права, — добавила она.

— Когда-нибудь я подарю тебе балладу.

— Кем ты был, пока жил в Тени?

— Мне кажется, повелительница, — профессиональным солдатом. Дрался за того, кто мне платил. Ну а кроме этого, я сочинял слова и музыку ко многим хорошим песням.

— И то, и другое кажется мне вполне естественным.

— Прошу тебя, скажи, что будет с моим братом Рэндомом?

— Он женится на моей подданной, девушке по имени Виалль. Она слепа и не имеет любовников среди наших.

— И ты уверена, что для нее это будет хорошо?

— Таким образом она завоюет себе хорошее положение, — ответила Мойре, — несмотря на то, что через год он уйдет и больше не вернется. Ведь что бы о нем ни говорили, он все-таки — принц Янтара.

— Что, если она полюбит его?

— Разве кто-нибудь может это сделать?

— Например, я. Я люблю его как брата.

— В таком случае, впервые принц Янтара произнес такие слова, и я объясняю их только твоим поэтическим темпераментом.

— Тем не менее, — сказал я, — надо быть твердо уверенным, что для девушки — это лучший выход.

— Я обдумала и убеждена. Она оправится от удара, сколь бы силен он ни был, а после его ухода Виалль будет одной из первых дам моего двора.

— Пусть будет так, — ответил я, отворачиваясь, потому что неожиданно на меня накатила печаль — за бедную девушку, конечно.

— Что я могу сказать? — добавил я. — Возможно, ты поступила правильно. Я надеюсь, — я взял ее руку и поцеловал.

— Ты, лорд Кэвин, — единственный принц Янтара, которому я могла бы оказать поддержку, — сказала мне Мойре, — тебе, да, может, еще Бенедикту. О нем ничего не известно уже двенадцать лет и еще десять, и один Лер знает [\[15\]](#), где могут лежать его кости. Жаль.

— Я этого не знал, — сказал я. — Моя память сломана, стерта. Пожалуйста, побудь со мной... Мне будет не доставать Бенедикта, не дай бог, если он мертв. Он был моим Учителем Оружия и научил владеть всеми его видами. Но он был кроток.

— Как и ты, Кэвин, — ответила она, беря меня за руку и притягивая к себе.

— Нет, это не так, — ответил я и присел на ложе рядом с ней.

Затем Мойре заметила:

— У нас еще много времени до обеда.

Затем она прильнула ко мне мягким плечом.

— А когда мы будем есть? — спросил я.

— Когда я прикажу, — ответила она и посмотрела мне прямо в глаза.

Что ж, я притянул ее к себе, нащупывая застёжку пояса, скрывающего нежность ее живота. Под поясом было еще нежнее, мягче, и волосы ее были зелеными.

На этом ложе я подарил ей балладу. Губы ее ответили без слов.

После того, как мы отобедали, — и я научился искусству есть под водой, о котором я расскажу подробнее, если в этом возникнет необходимость, — мы встали из-за стола, накрытого в высоком мраморном зале, декорированном красными и коричневыми сетями и канатами, и пошли назад по длинному коридору, а затем все глубже и глубже в море по спиральной лестнице, которая вилась в абсолютной темноте и сияла. Шагов через двадцать мой брат вдруг

энергично сказал:

— Затрахало! — сошел с лестницы и поплыл рядом с ней.

— Так быстрее, — пояснила Мойре.

— И идти нам долго, — подсказала Дейрдре, которая знала об этом по Янтарию.

Мы сошли с лестницы и поплыли вниз, в темноту, рядом со светящейся, скручивающейся лестницей. Прошло минут десять, прежде чем мы достигли дна, но когда ноги коснулись пола, мы выпрямились без какого-либо стремления всплыть. Несколько небольших факелов в нишах освещали нам путь.

— Почему эта часть океана — копия Янтара — так не похожа на воду в других местах? — спросил я.

— Потому, что так должно быть, — ответила Дейрдре, и ответ ее обозлил меня.

Мы стояли в огромной пещере, из которой по всем направлениям уходили туннели. По одному из них мы и пошли.

Во время чертовски долгого пути мы считали боковые проходы: некоторые с дверями или решетками, некоторые без.

У седьмого по счету мы остановились. Он был закрыт тяжелой серой дверью из чего-то вроде сланцевой плиты, обитой металлом, и раза в два выше меня. Глядя на эту дверь, я припомнил кое-что о размерах тритонов. Затем Мойре улыбнулась только мне, сняла со связки, висевшей у нее на поясе, большой ключ и сунула его в скважину.

Однако, повернуть не смогла. Вероятно, этой дверью давно не пользовались.

Рэндом заворчал, и рука его протянулась вперед, отбросив ладонь Мойре в сторону.

Он взялся за ключ правой рукой и повернул.

Раздался щелчок.

Затем он толкнул дверь ногой, и мы жадно посмотрели в комнату.

В комнате размером с бальный зал, было выложено то, что называлось Образом. Пол был черен и блестел как стекло. А на полу был Образ.

Он сверкал как холодный огонь — которым и был на самом деле — дрожал, лишал комнату вещественной плотности. От него исходило тонкое ощущение яркой, ясной силы, выложенной одними кривыми, хотя у самого центра и было несколько прямых отрезков. Он напомнил мне те фантастически сложные, неопишуемые узоры, которые иногда машинально рисуешь, водя пером (или шариковой ручкой, так тоже бывает) по бумаге — но только в натуральную величину. Я как бы угадывал слова "Начало здесь" с одной из его сторон. Сам Образ был примерно сто ярдов в поперечнике по малой оси и ярдов сто пятьдесят в длину.

Это заставило зазвонить колокола в моей голове, потом пришла дрожь. Мой мозг отшатнулся от прикосновения к этому. Но если я был Принцем Янтара, то где-то в моей крови, в моих нервах, моих генах эта модель была как-то записана и записана так, чтобы я был принят Образом, чтобы я мог пройти этот проклятый путь.

— Что я точно хочу, так это сигарету, — сказал я, и девочки захихикали, но слишком уж охотно и, похоже, с некоторыми визгливыми нотками.

Рэндом взял меня за руку и сказал:

— Это — тяжелое испытание, но в нем нет ничего невозможного, иначе нас бы здесь не было. Иди очень медленно и, главное, не позволяй себе отвлекаться. Не волнуйся, когда с каждым твоим шагом будет подниматься вверх сноп искр. Они не причинят тебе вреда. Все время ты будешь чувствовать слабый поток, проходящий сквозь тебя, и чуть погода словно опьянеешь. Но держи себя в руках, соберись, и главное — продолжай идти! Не останавливайся, что бы ни случилось, и не сворачивай с пути, иначе ты будешь убит.

Пока он говорил, мы шли вперед. Мы шли вплотную к правой стене, огибая Образ, двигаясь

к его дальнему концу. Девочки шли за нами.

Я шепнул ему:

— Я пытался отговорить ее от того, что она тебе уготовила. Без успеха.

— Я так и думал, что ты это сделаешь, — сказал Рэндом. — Не беспокойся. Я могу выдержать даже год стойки на голове, и, может, меня отпустят и пораньше, если я им хорошенько надоем.

— Они выбрали для тебя девушку по имени Виалль. Она слепая.

— Великолепно, — сказал он. — Великолепная шутка.

— Помнишь об обещанном Регентстве?

— Да.

— Будь добр к ней, останься здесь на весь этот год, и я буду щедр.

Молчание.

Затем Рэндом сжал мне руку.

— Твоя подружка, а? — хихикнул он. — На кого она похожа?

— Идет? — медленно спросил я.

— Идет.

Затем мы очутились на том краю, откуда начинался Образ — у самого угла комнаты.

Я подошел и взглянул на линию, выложенную огнями, рядом с моей правой ногой. Весь свет в этой комнате давал сам Образ. Вода вокруг меня дышала холодом.

Я пошел вперед, поставив на огненную тропинку левую ногу. Взвились бело-голубые искры. Затем я сделал шаг правой ногой и почувствовал тот поток, о котором говорил Рэндом. Я сделал следующий шаг.

Раздался треск, и я почувствовал, как у меня начали подниматься волосы. Я сделал еще один шаг.

Затем тропинка стала круто заворачивать, почти повернула назад. Я сделал еще с десятков шагов, и мне показалось, что возникло легкое сопротивление. Как будто передо мной вырос черный барьер из непонятной материи, толкавший меня обратно с той же силой, с которой я шел вперед.

Я боролся с этим. И вдруг ясно вспомнил, что это называется Первой Вуалью.

Пройти ее означало Достижение — хороший знак, говорящий о том, что я действительно был частью Образа. Каждый шаг, каждый подъем ноги внезапно потребовали от меня чудовищного напряжения, из волос посыпались искры.

Я сконцентрировался на огненной линии. Я шел по ней, тяжело дыша.

Внезапно давление ослабло. Вуаль расступилась так же резко, как и возникла. Я прошел ее и что-то обрел.

Я обрел часть самого себя.

Я видел перед своим взором бумажную кожу и узловатые, похожие на палки, кости мертвых Аушвица. Я знал, что присутствовал в Нюрнберге. Я слышал голос Стефана Спендера, декламирующего "Вену", и я видел "Мамашу Кураж"^[16] в ночь брехтовской премьеры. Я видел, как ракеты вылетали из пятнистых шахт в Пенемюнде, Ванденберге, Кеннеди, Кызыл-Кумах, Казахстане, и я своими руками трогал Китайскую Стену. Мы пили пиво и вино, и Шакспур сказал, что он пьян и пошел к девкам. Я был в зеленых лесах Западной Резервации и за один день добыл три скальпа. Когда мы маршировали, я напевал себе под нос мелодию, и эта песня прижилась. Она превратилась в "Aupres de ma Blonde"^[17]. Я помнил, я помнил... свою жизнь в той Тени, которую ее обитатели звали — "Земля". Еще три шага — и я держал в руке окровавленный клинок и видел трех мертвецов и себя на лошади, на которой я ускакал после того, как во Франции произошла революция. И еще, еще так много, обратно к...

Я сделал еще один шаг.

Обратно к —

...мертвым. Они были вокруг меня. Стояла жуткая вонь — запах гниющей плоти — и я слышал вой собаки, которую избили до смерти. Клубы черного дыма застилали небо, а ледяной ветер обдавал меня каплями редкого дождя. В горле пересохло, руки тряслись, голова горела как в огне. Я шел, спотыкаясь, сквозь туман лихорадки, сжигающей меня. Придорожные канавы были завалены отбросами,дохлыми кошками и испражнениями. Поскрипывая и звякая колокольчиком, мимо проехала похоронная телега, обдав меня грязью и холодной водой.

Долго ли я блуждал — не знаю, пока какая-то женщина не схватила меня за руку, а на ее пальце я увидел Пятно Смерти^[18]. Она отвела меня в свою комнату, но увидела, что у меня совсем нет денег, и что-то несвязно забормотала. Потом ее раскрашенное лицо исказил страх, смывший улыбку с красных губ, и она убежала, а я свалился на ее кровать.

Позже — опять-таки не помню, насколько позже — огромный верзила, наверное, сводник, вошел в комнату, отхлестал меня по лицу и стащил с постели. Я уцепился за его правый бицепс и повис. Он полунес, полутолкал меня к дверям.

Когда я понял, что он собирается выгнать меня на холод, я сжал его руку сильнее, протестуя. Я жал ее изо всех оставшихся сил, бормоча невнятные мольбы.

Сквозь пот и слезы, застилавшие мне глаза, я увидел, как его лицо исказилось, и я услышал крик, вырвавшийся из-за крепко сжатых зубов.

В том месте, где я сжимал его руку, кость была сломана.

Он оттолкнул меня здоровой рукой и, плача, упал на колени. Я сел на пол, и в моей голове на мгновение прояснилось.

— Я... останусь... здесь, — сказал я с трудом, — пока не поправлюсь. Убирайся. И если ты вернешься, я убью тебя.

— У тебя чума! — закричал он. — Завтра приедут за твоими костями! — Плюнул, поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел вон.

Я добрался до двери и задвинул ее на тяжелый засов. Потом я заполз на кровать и заснул.

Если за моими костями приезжали на следующий день, то они были разочарованы. Потому что через десять часов, посреди ночи, я проснулся в холодном поту и понял, что лихорадка побеждена. Я был очень слаб, но в полном рассудке.

Я понял, что пережил чуму.

Я взял плащ хозяина, который висел в шкафу, и немного денег, которые нашел в ящике.

Затем я вышел в Ночь и в Лондон, в год чумы^[19], разыскивая что-то...

Я не помнил, ни кем я был, ни что я там делал.

Вот так все и началось.

Я уже глубоко проник в Образ, и искры непрерывно взлетали при каждом шаге, задевая колени. Я уже не знал, в каком направлении двигаться и где находятся Дейрдре, Рэндом и Мойре. Меня пронзали невидимые потоки, даже глазные яблоки, и те, казалось, вибрировали. Затем накатило ощущение, будто мне кололи булавками щеки, а по шее, сзади, пробежал холодок. Я стиснул зубы, чтобы не стучали.

Амнезия у меня возникла не после автокатастрофы. Память я потерял еще во времена правления Елизаветы I. Вероятно, Флори решила, что после аварии память вернулась ко мне. Она знала о моем состоянии. Я внезапно был поражен мыслью, что она оставалась в Тени Земли лишь для того, чтобы не терять меня из виду.

Значит, с конца шестнадцатого века.

Я не могу утверждать этого наверняка. Но я узнаю.

Я быстро сделал еще шесть шагов, добравшись до конца дуги и выходя на прямой отрезок пути.

Я сделал свой первый шаг вперед по этому отрезку, и с каждым последующим против меня начал воздвигаться новый барьер. Вторая Вуаль.

Передо мной был поворот направо. Еще один, и еще.

Я был принцем Янтаря. Это было правдой. Нас было пятнадцать братьев и шестеро из нас уже были мертвы. У нас было восемь сестер, и две из них тоже были мертвы, а может быть, и четыре! Все мы тратили очень много времени, шатаясь в Тени или скрываясь в наших собственных вселенных. Это академический вопрос — хоть он и является одним из основных вопросов философии — может ли тот, кто имеет власть над Тенью, создавать свою собственную вселенную. Не знаю точно, что говорит философия, но с практической точки зрения мы могли.

Началась другая кривая, и у меня возникло ощущение, что я иду сквозь липкий клей.

Раз, два, три, четыре... Я с трудом поднимал раскаленные сапоги и ставил их на горящий путь Образа.

В голове у меня стучало, а сердце билось так, будто в любую минуту грозило разорваться на тысячу кусков.

Янтарь!

Идти снова стало легко, когда я вспомнил Янтарь.

Янтарь был самым великим городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Янтарь был всегда и будет всегда, и любой другой город, где бы он ни находился, когда бы он ни существовал, был всего лишь Тенью Янтаря в одной из ее фаз. Янтарь, Янтарь, Янтарь... Я помню тебя. Я никогда больше не забуду тебя. Думаю, что в глубине души я никогда не забывал тебя все эти долгие века, пока я путешествовал по Тени Земли, и часто по ночам сны мои тревожили видения твоих зеленых и золотых шпилей, твои разлетающиеся террасы. Я помню твои широкие улицы и проспекты, клумбы цветов, золотых и красных. Я помню сладость твоего воздуха, замки, дворцы: все прелести, которые в тебе были, есть и всегда будут. Янтарь, бессмертный город, подаривший образ всем городам, я не могу позабыть тебя даже сейчас, не могу позабыть даже тот день, в Образе Ратн-Я, когда я вспомнил тебя в отражении стен, освеженный первым хорошим обедом после голода и любовью Мойре, но ничто не может сравниться с тем счастьем и любовью, которые я испытал, вспомнив тебя; и даже сейчас, когда я стою, созерцая Двор Хаоса, рассказывая эту историю единственному присутствующему с тем, чтобы он, быть может, повторил ее, если захочет, чтобы хоть рассказ этот не умер после того, как здесь умру я; и даже сейчас я вспоминаю тебя с любовью, город, в котором я был рожден, чтобы править.

Еще десять шагов, затем искрящаяся филигрань огня возникла передо мной. Я шел сквозь нее, и пот мой смывался водой так же быстро, как выступал.

Это было зыбко, так дьявольски зыбко, что даже воды комнаты, казалось, ударили плотным потоком, грозя смыть с Образа. Я боролся изо всех сил. Инстинктивно я знал, что выйти из Образа до того, как я прошел его до конца, означает смерть. Я не осмелился оторвать взгляд от огня, переливающегося передо мной, чтобы оценить, много ли я прошел и сколько еще осталось.

Поток ослаб, и новые воспоминания вернулись ко мне, воспоминания о моей жизни Принцем Янтаря. Нет, они не для тебя, не проси: они мои — одни жестокие и порочные, другие — с зернышком благородства, — воспоминания моего детства в великом дворце Янтаря, над которым развевалось знамя моего отца Оберона — зеленое с белым единорогом, поднявшимся на дыбы.

Рэндом прошел через Образ.

Даже Дейдрэ прошла через него. Значит я, Кэвин, пройду тоже, каким бы ни было

сопротивление.

Я вышел из столба огня и пошел по Великой Кривой. Силы, формирующие Вселенную, упали мне на плечи и вбили меня в свое подобие.

У меня было преимущество перед любым другим, совершавшим этот путь. Я знал, что уже шел через Образ, и я знал, что могу сделать это. Это помогало мне душить тот неестественный страх, который накатывал на меня черными облаками и уходил только для того, чтобы потом нахлынуть с удвоенной силой. Я шел через Образ и вспоминал все, вспоминал все дни, мелькнувшие еще до долгих веков в Тени Земля, вспоминал иные Тени, многие из которых были дороги и близки моему сердцу, а одну из которых я любил больше всех остальных, если не считать Янтаря.

Я прошел еще три кривые, прямую дорожку и несколько крутых виражей, и вновь ощутил власть над тем, чего я на самом деле никогда не терял — власть над Тенями.

Десять поворотов, от которых закружилась голова, короткий вираж, прямая линия и Последняя Вуаль.

Двигаться было мучительно. Все старалось сбить меня с ног. Вода вокруг меня стала замерзать, затем закипела. Казалось, она давила на меня со всех сторон. Я боролся, переставляя одну ногу за другой. Искры взлетали до пояса, потом до груди, до плеч. Они рябили у меня перед глазами. Они окружали меня со всех сторон. Я с трудом видел сам Образ.

Затем — короткий вираж, окончившийся темнотой.

Шаг, другой... При последнем шаге возникло ощущение, что ты идешь сквозь бетонную стену.

Я прошел.

Затем медленно повернулся и посмотрел назад, на тот путь, который проделал. Я не мог позволить себе роскошь упасть на колени. Я был Принцем Янтаря, и клянусь богами, ничто не могло заставить меня показать слабость перед равными мне. Ничто, даже Образ!

Я весело помахал рукой в направлении, которое счел правильным. Смогу я или нет свободно выйти — другой вопрос.

Затем я на секунду остановился и задумался.

Теперь я знал ту власть, которую дает Образ. Пройти назад будет совсем нетрудно.

Но к чему беспокоиться?

У меня не было с собой колоды карт, но сам Образ может помочь мне...

Они ждали меня — мой брат, и сестра, и Мойре, чьи бедра были как колонны из мрамора.

Дейдре сможет позаботиться о себе сама, — и достаточно, в конце концов: мы спасли ей жизнь. Я не чувствовал себя обязанным защищать ее изо дня в день. Рэндом застрял в Ратн-Я на год, если, конечно, не бросится в Образ, не доберется к центру его силы и не сбежит. Что же касается Мойре, то было приятно узнать ее, и может быть, когда-нибудь, я навещу ее еще разок... и все. Я закрыл глаза и склонил голову. Но за мгновение до этого я увидел мелькнувшую тень.

Рэндом? Все-таки рискнул? Как бы там ни было, он все равно не знает, куда я хочу направиться. Никто не знает этого.

Я открыл глаза: я стоял в центре такого же Образа, но зеркально отраженного.

Мне было холодно, я чертовски устал, но я был в Янтаре, — в истинной комнате, из которой я только что ушел, но отраженной зеркально. Из Образа я мог переместиться в любое место Янтаря, куда бы я ни пожелал.

Попасть обратно — вот в чем проблема.

Поэтому я стоял, не двигаясь, и размышлял.

Если Эрик занял королевские покои, я найду его именно там. А может, в тронном зале. Но

тогда мне придется пройти Образ снова лишь для того, чтобы сбежать отсюда.

Я переместился в один из тайных уголков дворца, о котором знал только я. Это была квадратная комнатка без окон, куда свет проникал лишь сверху через узкие наблюдательные щели. Я закрыл изнутри единственную сдвижную дверь, смахнул пыль с деревянной скамьи у стены, расстелил плащ и улегся вздремнуть. Если кому-нибудь захочется взять меня сверху, я услышу его чуть раньше, чем ему хочется.

Я заснул.

Через некоторое время я проснулся. Я встал, отряхнул плащ и вновь накинул его. Затем двинулся к цели по вбитым в стену деревянным клиньям, которые словно лестница вели наверх, во дворец.

Я знал, где находится цель — на третьем этаже.

Я перемахнул на маленькую площадку и стал разыскивать глазок в стене. Я нашел его и заглянул в комнату. Никого. Тогда я отодвинул панель и вошел.

Я был поражен огромным количеством книг. На меня они всегда действуют так. Я осмотрел все, включая витрину с новыми книгами, и, наконец, направился к хрустальному сундучку, в котором лежало то, что приведет к "разговору на семейном банкете" — наша семейная шутка. Там лежали четыре колоды фамильных карт, и я поискал, чем бы таким выудить одну, чтобы не сработала сигнализация.

Примерно минут через десять я преуспел в хитростях с истинным ящиком. Это был удачный фокус. Затем, с колодой в руке, я нашел себе хорошее кресло, чтобы осмотреться.

Карты были такие же, как и у Флори, но в колоде были все мы — словно под стеклом и холодные на ощупь. Теперь я знал, почему это так.

Я растасовал колоду и разложил карты перед собой надлежащим образом. Затем я прочел их и увидел, что они не сулили ничего хорошего для всей нашей семьи; я опять собрал их вместе. Кроме одной.

Карты с изображением моего брата Блейса.

Я сложил остальные карты в колоду и засунул ее за пояс. Затем посмотрел на Блейса.

В тот же миг закрипело в замке большой двери в библиотеку. Как быть? Я чуть высвободил клинок из ножен и стал ждать. На всякий случай я нагнулся, укрывшись за столом.

Выглянув, я увидел, что это всего лишь Дик — человек, который приходил убирать помещение, опорожнять пепельницы, корзины для бумаг и вытирать пыль с полок.

Поскольку быть обнаруженным — унижительно, я обнаружился сам.

Я поднялся и сказал:

— Привет, Дик. Помнишь меня?

Он поменял три оттенка бледности, попытался сбежать и сказал:

— Ну конечно, лорд. Как я мог забыть?

— Думаю, прошло столько времени, что это вполне возможно.

— Никогда, лорд Кэвин, — ответил он.

— Боюсь, я пришел сюда без официального разрешения, да и занимаюсь запретными делами, — сказал я. — Но если Эрику это не понравится — когда ты все расскажешь ему — будь любезен, объясни, что я всего лишь осуществляю свои права и что скоро он увидит меня лично.

— Я это сделаю, милорд, — сказал он, кланяясь.

— Иди сюда, присядь на минутку рядом, друг Дик, и я скажу тебе кое-что еще.

Он сел, и я тоже.

— Было время, — начал я, обращаясь к нашему древнему слуге, — когда считали, что я исчез навсегда и никогда не появлюсь более. Но раз уж я по-прежнему жив, и раз уж сохранил свои способности, боюсь, я вынужден буду оспорить требование Эрика на трон Янтаря. Этот

вопрос не решить так просто: но раз он не перворожденный, то не думаю, что Эрик получит особую поддержку в народе, если на горизонте вдруг появится другой претендент. По этим причинам — среди многих других, и в большинстве своем личных — я собираюсь противостоять ему. Я еще не решил, ни как я это сделаю, ни по какому праву, но клянусь, он заслуживает того, чтобы с ним боролись! Передай ему это. Если он пожелает найти меня, скажи, что я живу среди Теней, но не там, где был раньше. Он поймет, что я хочу сказать. Меня не так легко будет уничтожить, потому что я приму не меньше мер предосторожности, чем он здесь. И я буду драться с ним — от ада до вечности — и не остановлюсь, пока один из нас не умрет. Что ты скажешь на это, старый хранитель?

Он взял мою руку и поцеловал.

— Приветствую тебя, лорд Янтаря! — сказал он, и в глазах его стояли слезы.

Затем дверь за его спиной скрипнула и распахнулась настежь.

Вошел Эрик.

— Привет, — сказал я, поднимаясь и придавая голосу наиболее гадкий гнусавый оттенок. — Не ожидал увидеть тебя в игре так скоро. Как идут дела в Янтаре?

Глаза его расширились от изумления, а голос отяжелел от того, что люди называют сарказмом, и я не могу придумать лучшего слова.

— Хорошо, когда дела идут, Кэвин. Плохо, как выясняется, в другом.

— Жаль, — сказал я. — Как же нам это исправить?

— Я знаю способ, — он бросил взгляд на Дика, который молча удалился, закрыв за собой дверь. Я услышал щелчок замка.

Эрик высвободил клинок из ножен.

— Ты хочешь трон, — сказал он.

— Разве только я, а не каждый из нас? — ответил ему я.

— Думаю, да, — заметил он со вздохом. — Правильно говорят: "Нелегко лежать на голове". Я не понимаю, почему мы все так рвемся занять эту нелепую должность. Но ты должен помнить, что я победил тебя дважды и в последний раз милостиво подарил тебе жизнь в одном из миров Тени.

— Не столь уж ты был милостив, — ответил я. — Ты знаешь, что просто оставил меня подыхать от чумы. Ну а в первый раз, насколько я помню, все решил жребий.

— Значит, нам предстоит решать между нами двумя, Кэвин. Я — старше тебя, и я лучше тебя. Если ты желаешь помериться оружием, то я одет подходяще. Убей меня, и трон, вполне возможно, будет твоим. Попробуй. Но не думаю, что тебе это удастся. А мне бы хотелось покончить с твоими притязаниями прямо сейчас. Нападай. Посмотрим, чему ты научился в Тени Земля.

И его клинок очутился в его руке, а мой — в моей.

Я обошел вокруг стола.

— Что за гордыня у тебя, — сказал я ему. — Что делает тебя лучше всех остальных и более подходящим для правления?

— То, что я могу занять трон, — ответил он. — Попробуй, отбери.

И я попробовал.

Я сделал прямой выпад в голову, который он парировал, и в свою очередь отпарировал его контратаку в область сердца, нанеся режущий удар по запястью.

Он заблокировал удар и пнул небольшой стул так, что тот оказался между нами. Я правой ногой оттолкнул стул вперед, надеясь, что

— ему в лицо, но промахнулся, и Эрик вновь очутился передо мной.

Я парировал его атаку, а он — мою. Затем я сделал выпад, был отбит, атакован и парировал

сам.

Я попытался провести одну очень причудливую атаку, которой научился во Франции, заключающуюся в ударе, потом финте "in quarte", финте "in sixte" [\[20\]](#), и кончающуюся выпадом с атакой на кисть.

Я успел, и потекла кровь.

— Будь ты проклят, брат! — сказал он, отступая. — Мне донесли, что Рэндом сопровождает тебя.

— Верно, — сказал я. — Нас больше, чем один.

Тогда Эрик кинулся на меня, отбросив назад, и я почувствовал, что, несмотря на все мое искусство, он все еще был мастером. Больше учителем, чем противником. Возможно, он был одним из самых великих мастеров меча, с которыми я встречался. Внезапно я почувствовал, что не смогу победить его, и я стал отбиваться как сумасшедший, отступая назад по мере его наступления, шаг за шагом. Мы оба несколько веков были учениками самых великих мастеров клинка. Самым великим из живущих, я знал, был наш брат Бенедикт, но его не было рядом, чтобы помочь — тому или другому. Я схватил левой рукой со стола какой-то хлам и бросил его в Эрика. Но он увернулся и продолжал наступать, а я принялся отступать левее, делая круг, но все это время не мог убрать острие его клинка от моего левого глаза. Я был испуган. А он — великолепен. Если б я не так ненавидел его, то аплодировал бы его искусству.

Я продолжал отступать, а страх и знание следовали за мной по пятам: я знал, что не могу пока победить его. Когда дело дошло до клинков, он вновь был лучше. Я проклинал это, но изменить не мог. Я провел еще три тщательно подготовленные атаки и каждый раз был повержен. Он парировал и заставлял меня отступать под его собственными атаками.

Только не пойми меня неверно. Я чертовски силен. Просто оказалось, что он — лучше.

В зале снаружи возник переполох и беготня. Скоро здесь будут телохранители Эрика, и если он не убьет меня до этого, то я могу быть уверен, что они завершат работу — вероятно, стрелой из арбалета.

С его правой кисти капала кровь. Рука его все еще оставалась твердой, но у меня внезапно возникло ощущение, что при других обстоятельствах, все время обороняясь, мне удалось бы его вымотать, и рана обернулась бы против него, и возможно, я смог бы прорваться сквозь его защиту в тот момент, когда Эрик начнет двигаться медленнее.

Я тихо выругался, и Эрик засмеялся.

— Ты просто дурак, раз явился сюда, — сказал он.

Он не понял, что я придумал, пока не стало слишком поздно. (Я отступал, пока дверь не очутилась за моей спиной. Это было рискованно, так как у меня почти совсем не оставалось места для отступления, но это было лучше, чем верная смерть).

Левой рукой я ухитрился задвинуть засов. Это была большая тяжелая дверь, и теперь им придется высадить ее, чтобы войти. Это дало мне еще несколько минут. Это также дало мне рану в плечо — от удара, который я смог отразить лишь частично, пока закрывал засов. Но это было левое плечо. Мой меч оставался неповрежденным.

Я улыбнулся, чтобы сотворить хорошую мину.

— Возможно, это ТЫ — дурак, раз вошел, — сказал я. — Видишь, ты уже стал фехтовать медленнее.

И тут я попытался провести жесткую, быструю, злую атаку.

Эрик парировал, но отступил при этом на два шага.

— Эта рана тебя доканает, — прибавил я. — Рука твоя слабеет. Ты чувствуешь, как силы оставляют тебя?..

— Заткнись! — сказал он, и я понял, что задел его. Это на несколько процентов увеличило

мои шансы — решил я, и надавил на него изо всех сил, на какие только был способен, одновременно понимая, что не выдержу долго такой скорости.

Но Эрик этого не знал.

Я зародил в нем ростки страха, он позорно отступал перед моей бешеной атакой.

В дверь заколотили, но об этом я мог пока не беспокоиться.

— Я сделаю тебя, Эрик, — сказал я. — Я упрямее, чем был, и ты получишь, братец.

Тогда я увидел, что страх появился в его глазах, а потом растекся на все лицо, и рисунок боя сломался. Теперь он только защищался и уходил от моих атак. Я уверен, он не фальшивил. Я чувствовал, что мой блеф удался, потому что он всегда был лучше, чем я. Но что, если с моей стороны это было только комплексом? Что, если я просто сам уверил себя в этом предубеждении, которое Эрик помогал воспитывать? Что, если я все время блефовал сам с собой? Может, я ничуть не хуже его? Со странным чувством уверенности я предпринял ту же атаку, что и раньше, и выиграл, оставив еще один красный след на его руке.

— Вот это уж совсем глупо, Эрик, — сказал я. — Два раза попасться на одну и ту же удочку.

Тут он отступил за большое широкое кресло. Некоторое время мы дрались прямо через него.

Колотить в дверь перестали, и голоса, задававшие дурацкие вопросы, замолкли.

— Они пошли за топорами, — пропыхтел Эрик. — Скоро они будут здесь.

Я не уронил улыбку. Я удержал ее и сказал:

— Это займет несколько минут — более, чем достаточно, чтобы покончить с нашим делом. Ты едва можешь обороняться, и кровь течет — смотри!

— Заткнись!

— Когда они прорубятся, здесь будет только один принц Янтаря, и им будешь не ты!

Тогда левой рукой Эрик смахнул с полок книги. Они полетели в меня, стуча и падая рядом.

Однако Эрик не воспользовался этой возможностью атаки. Он кинулся через всю комнату, подобрал небольшой стул и прижал к себе левой рукой.

Он забился в угол и выставил стул с клинком перед собой.

В холле раздались быстрые шаги, и топоры застучали в дверь.

— Подходи! — вскричал Эрик. — Попробуй-ка взять меня сейчас!

— Ты трусил, — сказал я.

Он расхохотался.

— Вопрос чисто академический. Ты не успеешь убить меня, потому что у тебя не хватит времени: дверь скоро рухнет. И тогда тебе — конец.

Я был вынужден согласиться. Он мог удержать любой клинок в таком положении, по крайней мере несколько минут.

Я быстро прошел через комнату к противоположной стене.

Левой рукой я открыл панель, через которую сюда вошел.

— Ладно, — сказал я. — Похоже, что ты останешься жив — временно. Тебе повезло. Но в следующий раз, когда мы встретимся, тебе уже некому будет помочь.

Он плюнул и обозвал меня несколькими традиционными гнусными именами, даже опустил стул, чтобы добавить непристойный жест, пока я нырнул сквозь панель и закрывал ее за собой.

Раздался тупой удар, и восемь дюймов стали блеснули из панели с моей стороны, пока я запирал замок. Он бросил свой клинок. Рискованно, если я вдруг вернусь. Но он знал, что я не вернусь, потому что дверь была готова рухнуть.

Я спускался по клинью так быстро, как только мог, я спешил к той комнатке, где недавно спал. Спускаясь, я обдумывал мое окрепшее искусство клинка. Сначала в поединке я был

запуган человеком, который всегда побеждал меня. Теперь же... я задумался. Может быть, те века в Тени Земля не прошли даром? Может быть, я действительно стал лучше за это время? Теперь я чувствовал в оружии равенство Эрику. Это чувство было приятным. Если мы встретимся снова, а я был уверен, что встретимся, и нам никто не будет мешать — кто знает? Я буду ловить шанс. А сегодняшняя стычка напугала его. Я был уверен. Может быть, это замедлит его руку, вызовет нерешительность, так необходимую мне при следующей встрече.

На последних пятнадцати футах я прыгнул, согнув колени для приземления. Я, как в поговорке, был на пять минут впереди погони, и был уверен, что смогу воспользоваться этим и бежать.

Потому что за поясом у меня была колода карт.

Я снова вытащил карту с Блейсом, и взгляделся в нее. Плечо у меня болело, но я позабыл о нем, когда ударил холод.

Было два способа уйти из Янтара сразу в Тень...

Одним из них был Образ, редко используемый для этой цели.

Другим способом были Козыри, если, конечно, ты мог довериться брату.

Я выбрал Блейса. Ему я почти верил. Он БЫЛ моим братом, но у него были неприятности, и ему бы не помешала моя помощь.

Я смотрел на него, увенчанного пламенем, одетого во все красное и оранжевое, с мечом в правой руке и бокалом вина в левой. Дьявол плясал в его голубых глазах, борода пылала, а рисунок на клинке

— неожиданно сообразил я — сиял частью Образа. Кольца на его пальцах сверкали. Казалось, он зашевелился.

Контакт возник как ледяной ветер.

Фигура на карте, казалось, выросла и изменила положение на то, в котором находилась в настоящий момент. Глаза его еще не сфокусировались на мне, но губы зашевелились.

— Кто это? — спросил Блейс, и я ясно услышал слова.

— Кэвин, — ответил я, и он протянул вперед левую руку, в которой больше не было кубка.

— Тогда иди ко мне, если хочешь.

Я потянулся к нему и пальцы наши соприкоснулись. Я сделал шаг.

Я все еще держал карту в левой руке, но мы с Блейсом уже стояли на скале рядом, с одной стороны от нас была пропасть, а с другой — громоздился высокий замок. Небо над нашими головами было цвета пламени.

— Привет, Блейс, — сказал я, засовывая карту за пояс поближе к остальным. — Спасибо за помощь.

Внезапно я почувствовал слабость и понял, что кровь все еще течет из плеча.

— Ты ранен! — сказал он, обнимая меня, а я попытался кивнуть и потерял сознание.

Позже, ночью, в замке, удобно растянувшись в огромном кресле, я потягивал виски. Мы курили, передавая бутылку друг другу, и разговаривали.

— Значит, ты действительно побывал в Янтаре?

— Да.

— И ты ранил Эрика в поединке?

— Да.

— Проклятье! Лучше бы ты убил его, — затем Блейс призадумался. — Хотя нет. Тогда бы ты держал трон. Против Эрика у меня больше шансов, чем против тебя. Я не знаю. Какие у тебя планы?

Я решил быть предельно честным.

— Все мы претендуем на трон, — сказал я, — поэтому нет причин лгать. Я не собираюсь убивать тебя ради этого — слишком бы это было глупо — но, с другой стороны, я не собираюсь отказываться от своей заявки лишь потому, что наслаждаюсь твоим гостеприимством. Рэндом тоже не прочь поучаствовать, но он надолго убран с боевых карт. О Бенедикте давно никто ничего не слышал. Джерард и Кэйн, кажется, больше предпочитают поддерживать Эрика, чем поощрять собственное честолюбие. То же и Джулиэн. Значит, остается Брэнд и наши сестры. Не ясно, где сейчас черти носят Брэнда, но я знаю, что Дейрдре абсолютно беспомощна, разве что только ей удастся вместе с Лльюилл взбаламутить кого-нибудь в Ратн-Я, Флори — создание Эрика. Не знаю, правда, что делает Фиона.

— Так что пока остаемся мы с тобой, — сказал Блейс, вновь наполняя рюмки. — Да, ты прав. Я не знаю, что замышляет каждый из нас, но, по-моему, если сравнить твое и мое положение, то сейчас я — сильнее. Ты мудро поступил, что пришел ко мне. Поддержи меня, и я дам тебе Регентство.

— Благословят боги твое сердце, — сказал я. — Там увидим.

Мы отхлебнули по глоточку виски.

— Что ты еще можешь сделать? — спросил Блейс, и я понял, что это очень важный вопрос.

— Для осады Янтара я могу поднять свою армию, — сказал я.

— Среди каких Теней располагается твоя армия?

— Это, конечно, мое дело, — ответил я, — но с тобой я драться не хочу. Когда речь идет о троне, то я предпочту видеть на нем тебя, меня, Джерарда или Бенедикта — если он все еще жив.

— Предпочтительнее, конечно, — тебя?

— Конечно.

— Тогда мы понимаем друг друга. И я думаю, временно сможем работать вместе.

— Я тоже так думаю, — согласился я. — Иначе я бы не попал тебе в руки.

Блейс улыбнулся из-под бороды.

— Тебе сгодился бы кто угодно, — сказал он, — а я был наименьшим злом.

— Верно, — согласился я.

— Как бы я хотел, чтоб здесь был Бенедикт. И чтобы Джерард не продался этому...

— Желания, желания, — сказал я ему. — Желание в одной руке, дело в другой, сожми их вместе и посмотри, правильно ли получилось.

— Хорошо сказано.

Некоторое время мы курили в молчании.

— Насколько я могу доверять тебе? — спросил он.

— Настолько же, насколько я могу доверять тебе.

— Тогда давай заключим сделку. Честно говоря, я уже много лет считал тебя мертвым. Я не мог предвидеть, что ты появишься в самый тяжелый момент и сделаешь свою заявку. Но ты здесь, и все. Будем союзниками — объединим силы и осадим Янтарь. Тот, кто выживет, поднимется на самый верх. Если выживем оба — какого черта, в конце концов, — мы всегда можем подраться на дуэли!

Я обдумал это. Это звучало как самая хорошая сделка, которую мне когда-либо предлагали. Поэтому я ответил:

— Мне хочется переспать с этим. Отвечу завтра утром. Годится?

— Годится.

Мы допили виски и ударились в воспоминания. Мое плечо немного гудело, но виски помогло, легче было и от мази, которую наложил на рану Блейс. Немного погодя мы совсем размякли.

Странно, мне кажется, иметь родных и обходиться без всяких родственных чувств, лишь потому что жизнь предопределила каждому из нас свой путь. Боги! Мы говорили, и луна покинула небеса прежде, чем кто-нибудь из нас устал. Тогда он хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что осоловел и что слуга подаст мне завтрак в постель. Я кивнул, мы обнялись, и Блейс ушел к себе.

Затем я подошел к окну, и с той огромной высоты, на которой находился, посмотрел в пропасть.

Костры лагеря, расположенного внизу, горели как звезды. Их были тысячи. Я видел, что Блейс собрал могучую силу, и я позавидовал ему. С другой стороны, это — хорошо. Если кто-нибудь и мог победить Эрика, то, скорее всего, это был Блейс. Да и не был бы он совсем уж плохим монархом в Янтаре, просто я предпочитал себя.

Я продолжал стоять у окна и смотреть вниз, и увидел, что меж кострами движутся странные тени. Тогда я задумался, что же это за армия.

Какой бы она ни была, у меня не было и этого.

Я вернулся к столу и налил себе последнюю рюмку.

Однако прежде чем выпить, я зажег светильник. При его свете я вытащил колоду украденных карт.

Я разложил их перед собой и остановился на той, где был изображен Эрик. Я положил ее в центр стола и убрал остальную колоду в пачку.

Через некоторое время картинка ожила, и я увидел Эрика в ночных одеяниях и услышал слова:

— Кто?

Рука его была перевязана.

— Я, — ответил я. — Кэвин. Как поживаешь?

Тогда он выругался, а я засмеялся. Это была опасная игра и, может быть, виски способствовало ей, но я продолжил:

— Мне захотелось сказать, что у меня все в порядке. Хотелось также уведомить тебя, что ты был прав, когда говорил о неудобстве сна на голове. Хотя тебе твою голову долго не носить. Так что чао, братец! Тот день, когда я снова войду в Янтарь, будет днем твоей смерти! Просто мне захотелось сказать тебе об этом — ведь этот день не так далек!

— Приходи, — ответил он, — только на этот раз я тебя не пожалею.

Глаза Эрика остановились на мне, и мы были совсем рядом.

Я сделал ему нос и закрыл карту ладонью.

Это было все равно, что повесить телефонную трубку, и я сунул Эрика в кучу к остальным.

Но, засыпая, я думал о войсках Блейса там, внизу, и о том, какой силой обладал Эрик.

Все будет непросто.

Это место было известно как Авернус^[21], и набранное войско состояло не совсем из людей. Я внимательно осмотрел их на следующее утро, идя вслед за совершающим обход Блейсом. Каждый из воинов был шестипал, семи футов ростом, с багряной кожей, небольшим пучком волос и кошачьими глазами. Уши у них были остроконечны, а пальцы заканчивались когтями. На них были одежды, выглядевшие легкими, словно шелк, хотя были сотканы из чего-то другого и были в основном серых и голубых тонов. Каждый носил два коротких загнутых клинка.

Климат здесь был теплый, цвета — изумительные, и все думали, что мы — боги. Блейс нашел такой край, где религия вещала о братьях-богах, похожих на нас и имеющих в жизни серьезные неприятности. В их мифах злой брат непременно захватывал власть и принимался угнетать хороших братьев. И конечно, среди них бытовала апокалиптическая легенда, согласно которой они будут призваны к сражению на сторону добрых братьев.

Я нес левую руку на черной перевязи и разглядывал тех, кто был почти что мертв. Перед одним из воинов я остановился и взглянул на него. Я спросил:
— Знаешь ли ты, кто такой Эрик?
— Повелитель Зла, — ответил он.
Я кивнул, сказал:
— Очень хорошо, — и пошел дальше.
Блейса приветствовали традиционным пушечным салютом.
— Какова численность твоей армии? — спросил я его.
— Примерно пятьдесят тысяч, — ответил он.
— Приветствую тебя, Идущего на Смерть, — сказал я. — Ты не сможешь завоевать Янтарь, даже если приведешь их к подножию Колвира. Глупо мечтать об отправке этих бедных ублюдков с их игрушечными шпагами и прочим хозяйством против бессмертного города.
— Знаю, — ответил Блейс, — но это не все, что у меня есть.
— Тебе потребуется еще больше.
— А что ты скажешь о трех флотилиях — примерно в половину сил Кэйна и Джерарда? Это было уже посерьезнее.
— Недостаточно. Это — только начало, — сказал я.
— Знаю. Я набираю силы, — сказал он.

— Да, набрать нам придется немало. Эрик будет сидеть в Янтаре и спокойно вырезать нас, пока мы будем ползти по Теням. И когда остатки армии дойдут до Колвира, ему удастся уничтожить очень многих. Затем надо будет подняться к Янтарю. Как ты думаешь, сколько сотен воинов останется в живых, когда мы достигнем города? Достаточно, чтобы их разогнали в пять минут, причем без особого труда для Эрика. Если это все, что у тебя есть, брат Блейс, то у меня дурное предчувствие по поводу этого похода.

— Эрик объявил коронацию через три месяца, — сказал Блейс. — За это время я смогу, по меньшей мере, утроить силы. Наверное, мне удастся собрать в Тени четверть миллиона воинов, чтобы бросить их против Эрика. Существуют другие миры, похожие на этот, и я проникну туда. Я наберу такие орды святых крестоносцев, какие никогда еще не осаждали Янтарь.

— А у Эрика будет ровно столько же времени, чтобы усилить защиту. Я не знаю, Блейс... это почти самоубийство. Я не знал истинного положения вещей, когда пришел сюда...

— А что ты принес сюда? — спросил он. — Ничего! Ходили слухи, что когда-то ты командовал войском. Где оно?

Я отвернулся.

— Их больше нет, — сказал я. — Я уверен.

— Ты что, не можешь найти Тень своей Тени?

— Я не хочу, — ответил я. — Прости.

— Тогда какую же ты можешь принести мне пользу?

— Я уйду, — ответил я, — если это все, что у тебя на уме, и все, чего ты от меня хотел — это пушечного мяса.

— Подожди! — вскричал он. — Я сказал неудачно. Даже если у тебя ничего нет, мне не обойтись без твоих советов. Пожалуйста, останься. Я готов извиниться.

— Это необязательно, — ответил я, зная, чего это стоит принцу Янтаря. — Я остаюсь. Я думаю, что смогу помочь тебе.

— Хорошо! — он хлопнул меня по здоровому плечу.

— И я достану тебе войско, — добавил я. — Не беспокойся.

Войско я ему достал.

Я прошел по Тени и нашел расу мохнатых зверюг, темных, когтистых, клыкастых, благоразумных, как люди, и столь же умных, как первокурсники высшей школы — прошу у вас прощения, мальчики, — я хочу сказать, что они были так же верны, преданы, честны и так же обмануты ублюдками вроде меня и моего брата. Я чувствовал себя как перекаркавшаяся ворона. Около ста тысяч этих созданий поклонялись нам, вплоть до лобызания рук.

На Блейса это произвело впечатление, и он заткнулся. Где-то через неделю плечо мое выздоровело. Месяца через два мы имели наши четверть миллиона и даже более.

— Кэвин! Кэвин! Ты все тот же прежний Кэвин! — сказал Блейс, и мы выпили по этому поводу.

Но чувства мои были смутны. Нашим солдатам была уготована смерть. И виновен в этом — я. Я мучился своей подлостью, хотя прекрасно понимал разницу между Тенью и Сущностью. Но каждая смерть будет настоящей смертью — это я тоже понимал.

Несколько ночей провел я, раскладывая карты. В моей колоде были все Козыри. На одной из них был рисунок самого Янтаря, и я знал, что эта карта могла бы перенести меня обратно в город. На некоторых из оставшихся Козырей были наши умершие или пропавшие родственники. А на одном из них был Папа, но я быстро пролистал его. Он исчез.

Я долго всматривался в каждое лицо, прикидывая, чего можно ожидать от каждого из них. Несколько раз я раскладывал карты и каждый раз на них выпадало одно и то же.

Его имя было Кэйн.

Он был одет в зеленое и черное, в темной треугольной шляпе с зеленым плюмажем из перьев, свисающим на спину. За пояс был заткнут кинжал, в рукоять которого был вделан изумруд. Волосы у него были темными.

— Кэйн, — сказал я.

Через некоторое время пришел ответ.

— Кто? — спросил он.

— Кэвин, — сказал я.

— Кэвин? Это что — шутка?

— Нет.

— Чего ты хочешь?

— А что ты можешь предложить?

— Ты знаешь.

Его глаза дрогнули и взглянули на меня, но я упорно глядел на его руку у кинжала.

— Где ты? — спросил он.

— У Блейса.

— Ходили слухи, что ты недавно был в Янтаре, и я удивлялся бинтам на руке Эрика.

— Виновник перед тобой, — сказал я. — Твоя цена?

— Что ты имеешь в виду?

— Поговорим честно и о деле. Как ты думаешь, мы можем сделать Эрика?

— Нет. Именно потому я — с ним. И я не продам свою армаду, если ты вызвал меня для этого — а я думаю, для этого.

Я улыбнулся.

— Всезнающий брат, — ответил я. — Ну, что ж, мне было приятно поболтать с тобой. Может, свидимся в Янтаре.

Я стал поднимать руку, и он вскрикнул:

— Подожди.

— Зачем?

— Я так и не узнал твоего предложения.

— Нет, ты знаешь его, — ответил я. — Ты понял и не заинтересовался.

— Я не говорил этого. Но я знаю, на чьей стороне справедливость.

— Ты хочешь сказать — власть.

— Ладно, власть. Что ты можешь мне предложить?

Мы говорили около часа, после чего северные морские пути были открыты для меня и трех призрачных флотов Блейса, которые, пройдя их, получили бы подкрепление.

— Если ты проиграешь — трое в Янтаре лишатся голов, — сказал Кэйн.

— Но ведь ты так не думаешь?

— Нет. Я думаю, что либо ты, либо Блейс будете долго сидеть на троне. Меня вполне устроит служба победителю. Регентство мне тоже не повредит. Хотя мне очень хочется голову Рэндома, как часть нашего договора.

— Не пойдет, — сказал я. — Ты принимаешь, что услышал, либо — забудь все.

— Принимаю.

Я улыбнулся, закрыл карту ладонью, и он исчез.

Джерарда я оставил на следующий день. Кэйн меня вымотал.

Я повалился в кровать и уснул.

Джерард, узнав как обстоят дела, согласился не трогать нас. Может, потому, что попросил его именно я, — до сих пор он считал Эрика меньшим из существующих зол.

Я быстро договорился с ним, пообещав все, что он просил: ничьих голов ему не требовалось.

Затем я вновь провел смотр войскам и рассказал им о Янтаре. Как ни странно, но сдружились они неожиданно быстро — краснокожие громилы и маленькие волосатики.

Это было печально и это было правдой.

Для них мы были богами, такие дела.

Я видел великую флотилию, плывущую по великому океану цвета крови. Многие погибнут в тех Теневых мирах, через которые она проплывет.

Я подумал о войске из Авернуса и моих рекрутах из края, который они называли Риик. Им предстояло пройти к земле и Янтарю.

Я перемешал колоду карт и разложил их. Я поднял карту с Бенедиктом. Долгое время я пытался разыскать его, но кроме холода не почувствовал ничего.

Затем я взял в руки карту с Брэндом. И опять очень долго не чувствовал ничего, кроме холода.

И вдруг послышался вопль. Он был ужасен, мучителен.

— Помоги мне! — кричал голос.

— Как? — спросил я.

— Кто это? — спросил он, и я увидел, что тело его гнется в судороге.

— Кэвин.

— Вытащи меня отсюда, брат Кэвин! Все, что ни скажешь, я отдам тебе!

— Но где ты?

— Я...

И в моем мозгу возникли дикие туманные картины, разум не принимал их, отбрасывал... И еще один вопль, как в предсмертной агонии, затем — тишина.

Потом вернулся холод.

Я понял, что дрожу.

Я закурил и подошел к окну, созерцая ночь, оставив карты раскинутыми по столу.

Звезды на небе были крошечными и размытыми. Я не узнал ни одного созвездия. Маленькая голубая луна быстро вошла из тьмы. Ночь принесла с собой неожиданный ледяной холод, и я плотнее завернулся в плащ. Я подумал о зиме того года... года неудавшейся кампании в России^[22]. Боги! Я чуть было не замерз до смерти! И к чему это привело?

Конечно, к трону Янтаря.

Это было достаточным оправданием всего.

Но что с Брэндом? Где он? Что с ним случилось и кто это сделал?

Ответы? Ни одного.

Я напряженно думал, следя по небу путь голубого диска. Неужели я что-то упустил в полной картинке, не учел какой-то милый фактор?

Нет ответа.

Я снова сел за стол, поставив рядом небольшую рюмку.

Я перебрал всю колоду и нашел карту Папы.

Оберон, Повелитель Янтаря, стоял передо мной в зеленом и золотом. Высокий, громадный, толстый, с черной бородой и черными волосами, прошитыми серебряными нитями, с зелеными кольцами в золотой оправе и клинком золотого цвета. Когда-то мне казалось, что ничто не может сместить с трона Янтаря бессмертного правителя. Что произошло? Я по-прежнему не знал. И он исчез. Как встретил отец свой финал?

Я перевел взгляд на карту и сконцентрировался.

Ничего, ничего...

Что-то?

Что-то.

Пришло ответное движение, почти незаметное, и фигура на карте чуть повернулась и съезжилась до тени того человека, который когда-то был моим отцом.

— Отец? — позвал я.

Ничего.

— Отец?

— Да...

Очень неясно и далеко, как будто сквозь монотонное гудение в морской раковине.

— Где ты? Что случилось?

— Я... — долгая пауза.

— Да? Это — Кэвин, твой сын. Что произошло в Янтаре, отчего ты ушел?

— Пришло мое время.

Голос звучал еще дальше, еще приглушеннее.

— Ты хочешь сказать, что отрекся от престола? Никто из братьев ничего не сказал мне, а я слишком мало им верю, чтобы спрашивать. Я знаю лишь, что трон, кажется, открыт для всех

захватчиков. Сейчас Эрик держит город, а Джулиэн сторожит Лес Ардена. Кэйн и Джерард патрулируют моря. Блейс объявил войну им всем, а я с Блейсом. Скажи, чего ты хочешь, отец?

— Ты — единственный... кто... спросил, — выдохнул он. — Да...

— Что "да"?

— Да, сражайтесь с ними.

— А как ты? Как я могу помочь тебе?

— Мне... помочь уже нельзя. Взойди на трон...

— Я? Или Блейс и я?

— Ты! — сказал он.

— Да?

— Я даю тебе свое благословение... Займи трон... и поспеши... с этим!

— Почему, отец?

— У меня не хватает дыхания... Займи трон!

Затем он тоже исчез.

Значит, мой Папа был жив. Это было интересно. Что же теперь делать?

Я прихлебывал виски и думал.

Он еще жив и он король в Янтаре. Почему он ушел? Куда он ушел? Зачем, почему и так далее?

Кто знает? Не я. А значит, говорить больше не о чем.

Однако...

Я не мог сообразить, что к чему. Я хочу, чтобы ты знал, у нас с Отцом никогда не было особо хороших отношений. Я не ненавидел его, как Рэндом или некоторые другие. Но чертовски верно то, что не было у меня особенных причин горячо любить его. Он был человек большой, он был человек могущественный, и он был. Вот и все. В нем жила почти вся история Янтара, какой мы ее знали, а история Янтара простирается назад на столько тысячелетий, что лучше и не считать. Что же теперь делать?

Что до меня, так я добил свою выпивку и пошел спать.

Утром я присутствовал на военном совете генерального штаба. У Блейса было четыре адмирала, каждый из которых командовал четвертью флота, и целый ворох армейских офицеров. Присутствовало около тридцати высоких чинов, как больших и красных, так и маленьких волосатых — на любой вкус.

Заседание тянулось часа четыре, затем мы все сделали перерыв, чтобы перекусить. Было решено, что выступим мы через три дня. Чтобы открыть путь в Яantarь, необходим был хотя бы один из нас — человек королевской крови, — так что мне предстояло разместиться на флагмане флотилии, а Блейсу — провести пехоту через Теневые миры.

Меня это тревожило, и я поинтересовался, что бы он делал, если б я вдруг не появился и не предложил свою помощь? В ответ я услышал две идеи: во-первых, ему пришлось бы все делать одному, то есть сначала провести флот и оставить его на удалении от берега, а потом вернуться на единственном корабле в Авернус и вывести солдат в точку встречи; а, во-вторых, все ушедшее время он искал Тень, где появится брат, который поможет ему.

У меня возникли дурные предчувствия, когда я узнал об этом "во-вторых", хотя я и твердо знал, что я и в самом деле был я. "Во-первых" отдавало неосуществимостью, поскольку флот находился бы слишком далеко в море, чтобы видеть какие-либо сигналы с суши, и шанс упустить событие — принимая во внимание неудачи, когда имеешь дело с такой большой массой — был слишком велик, и у меня не было оснований поддерживать веру в его основной план.

Но я всегда считал Блейса блестящим тактиком, и когда он разложил передо мной карты Янтара и прилегающей местности, которые он сам составил, и объяснил мне тот план, которого

собирался придерживаться, я увидел в нем настоящего принца Янтара, почти безупречного в своем коварстве.

Единственная неприятность была в том, что выступали мы против другого принца Янтара, который к тому же занимал куда более выгодную позицию. Я был встревожен, но с приближением коронации прямое нападение было нашим единственным выходом, и я решил остаться в трамвае до конца маршрута. Если мы проиграем, наша песенка будет спета, но Блейс имел большие силы и работающие планы, разбитые по времени, чего не было у меня.

И посему я просто бродил по земле, именуемой Авернус, и созерцал ее туманные долины и пропасти, ее дымящиеся кратеры, ее яркое, яркое солнце на ее сумасшедшем небе, ее ледяные ночи и слишком жаркие дни, множество ее скал и темные пески, ее большие пурпурные растения, похожие на бесформенные кактусы; и в полдень второго дня, стоя на скале, торчащей над морем, под башнями киноварных облаков, я решил, что мне нравится этот мир, и что если дети его погибнут в войнах богов, я сделаю эту землю бессмертной в песне — если, конечно, мне удастся ее создать.

Проливая мягкий поэтический бальзам на свои страхи, я объединил флот и принял командование. Если мы сделаем, что хотим, воины твои вечно будут пировать в залах бессмертных.

Я был проводником и открывающим путь. Я ликовал!

Мы отплыли на следующий день, я командовал событиями с флагмана. Я провел нас через шторм, и мы вышли из него значительно ближе к цели, чем предполагали. Я вел нас по кромкам водоворотов, и нас преследовала удача. Я вел нас над подводным каменным плато, и воды за кормой становились темнее. Их цвета стали приближаться к цветам Янтара. Итак, я знал, как это делать. Я мог влиять на нашу судьбу во времени и пространстве. Я мог привести нас домой. То есть, домой ко мне.

Я вел нас мимо странных островов, где зеленые птицы каркали, а зеленые обезьяны висели на деревьях, как фрукты, раскачиваясь, вереща, и кидали в море камни, целясь, естественно, в нас.

Я уводил нас в открытое море, а затем — обратно к берегу.

Тем временем Блейс делал марш-бросок по плоскостям миров. Я знал, что он пройдет, какие бы препятствия ни ставил Эрик на его пути. Я держал с ним связь с помощью карт и узнавал о всех его потерях. Десять тысяч умерли в битве с кентаврами, пять тысяч были потеряны при гигантском землетрясении, пятнадцать тысяч умерли от ураганной чумы, прочесавшей лагерь, девятнадцать тысяч погибло или пропало без вести, когда они проходили сквозь джунгли мира, где напалм падал на них сверху с каких-то жужжащих машин, пронесившихся над головами. Шесть тысяч дезертировало в краю, который выглядел как рай, обещанный им, пятисот солдат недосчитались, когда они пересекали пустыню, где над ними вдруг вспыхнуло и выросло грибообразное облако, восемьдесят шесть тысяч были уничтожены, когда двигались через долину, где совершенно неожиданно появились какие-то военные машины и открыли огонь, восемь тысяч заболели и были оставлены, двести — умерли от внезапных наводнений, пятьдесят четыре — погибло на дуэлях, триста — погибло, съев ядовитые местные фрукты, тысяча была уничтожена при паническом бегстве животных, похожих на бизонов, семьдесят три — пропали при пожарах походных палаток, полторы тысячи были унесены потопами, две тысячи уничтожены ветрами, неожиданно налетевшими с голубых холмов.

Я был доволен, что к этому времени сам потерял всего лишь сто восемьдесят четыре корабля.

"Уснуть и видеть сны... Так всех нас в трусов превращает мысль.." Эрик уничтожал нас на

каждом дюйме и часе. Коронация должна была состояться через несколько недель, а он, без сомнения, знал, что мы приближаемся, и мы умирали и умирали.

Есть закон о том, что только принц Янтаря может идти среди Теней, хотя, конечно, он может провести с собой или переправить столько людей, сколько сочтет нужным, и в любом направлении. Мы переправляли наши войска и видели, как они умирают. И хочу сказать о Тени еще: есть Тень, и есть Сущность, и в этом корень всего. Из Сущности есть Янтарь — истинный город на истинной земле, вмещающей все. Из Тени существует бесконечность. И каждая возможность существует где-то, как Тень реальности. Янтарь своей истинной сутью творит Тень по всем направлениям. И что можно сказать об иной стороне Тени? Тень простирается от Янтаря к Хаосу, и любое событие возможно в ней. Есть только три пути сквозь Тень, и каждый из них непрост.

Если ты принц или принцесса крови, ты можешь идти сквозь Тень, заставляя мир меняться на своем пути до тех пор, пока, наконец, он не станет адекватен желанию, и там — остановись. Тогда этот Теневой мир — твой собственный, и сделан так, каким ты сделал его. В одном из таких миров я провел много веков.

Второй способ — карты, созданные Двэкиным, Мастером Штриха, который создал их по нашему подобию для облегчения связи меж членами королевской семьи. Двэкин был древним художником, для которого пространство и перспектива не значили ничего. Он нарисовал фамильные Козыри, которые позволяли связаться с родственником, где бы он ни находился. У меня было ощущение, что карты эти не использовались в полном соответствии с замыслом автора.

Третьим путем был Образ, также нарисованный Двэкиным, по которому мог пройти только член нашей семьи. Образ посвящал идущего в систему карт, а прошедший получал способность шагать сквозь Тень.

Карты и Образ были созданы для мгновенного перехода из Сущности в Тень. Второй путь — пешком — был тяжелее.

Теперь я знал, что делал Рэндом, доставляя меня в истинный мир. Пока мы ехали на машине, он по памяти добавлял то, что помнил о Янтаре, и удалял то, с чем был не согласен. Когда все сложилось, он узнал, что мы прибыли. В этом не было ничего необычного, потому как, имея знания — и всякий человек может достичь своего Янтаря. Даже сейчас мы с Блейсом каждый могли бы найти Тени Янтаря, где каждый из нас стал бы правителем, и смог бы провести все время, постоянно сидя на троне. Но для нас это было совсем не то. Потому что ни один из этих городов не был бы реальным Янтарем, городом, в котором мы родились, городом, от которого все остальные города обрели свои формы.

Потому мы и избрали труднейший путь — сквозь Тень, собрались в битву против самого Янтаря. Тот, кто знал об этом и обладал властью, мог строить препятствия. Что Эрик и делал, и теперь мы шли и умирали. Чем все кончится? Этого не знал никто.

Но если бы Эрик стал коронованным королем, это отбросило бы тень на все миры.

Все уцелевшие братья, мы, принцы Янтаря — я уверен, — чувствовали это еще сильнее, каждый и на свой манер — но каждый лично хотел взять корону и позволить Теням пасть должным образом.

Мы проскочили мимо призрачного флота — кораблей Джерарда — Летучих Голландцев двух миров, и я понял, что мы приближаемся. Я использовал их как метку.

На восьмой день нашего путешествия мы были уже близки к Янтарю. Именно тогда и разразился шторм.

Море почернело, над головой сошлись облака, паруса повисли в бесконечном штиле. Солнце скрыло свое лицо — огромное и голубое

— и я понял, что Эрик, наконец-то, нас обнаружил.

Затем поднялся ветер, и если простят мне это выражение, сломался о тот корабль, на котором я плыл.

Мы были биты ветром и драны бурей, как говорят или говорили поэты. При первом же шквале мои внутренности начало потрошить. Нас кидало из стороны в сторону, как игральные кости в горсти великана. На нас накнулись сразу и воды моря, и воды небес. Небо почернело, снег с дождем смешался в стеклянном колоколе раскачивающегося безумного грома. Все кричали, я уверен. Я знаю, кричал и я. Я протолкался по изворачивающейся палубе к брошенному рулевому колесу. Я привязал себя и взялся за штурвал. Эрик разбушевался там, в Янтаре, черт его побери.

Раз, два, три, четыре, и не было тому конца. Пять часов. Сколько человек мы потеряли? Не знаю.

Потом я ощутил и слышал дрожь и звяканье и увидел Блейса, как бы сквозь серый длинный туннель.

— В чем дело? — спросил он. — Я пытаюсь связаться с тобой.

— Жизнь полна превратностей, — ответил я. — Сейчас мы плывем по одной из них.

— Шторм? — сказал он.

— Держу пари на твоего любимого осла. Это патриарх всех штормов. Кажется, слева по борту я вижу монстра. Если у него есть хоть капля мозгов, он примерится ко дну корабля... Ага, примерился.

— У нас только что был свой.

— Зверь или ураган?

— Ураган, — сказал он. — Двести человек умерли.

— Верь, — сказал я, — крепись и поговори со мной позже. Ага?

Он кивнул, а за его спиной сверкали молнии.

— Эрик знает наши силы, — добавил он, прежде чем отключиться.

Я был вынужден согласиться.

Прошло еще три часа, прежде чем все кончилось, и много позже я узнал, что мы потеряли больше половины нашего флота (только на моем корабле погибло сорок человек из ста двадцати). Шел сильный дождь.

И все же по морю, через Ратн-Я, мы прошли.

Я вытащил свои карты и взял Рэндома.

Когда он понял, кто говорит, первым, что он сказал, было:

— Поворачивай обратно!

Я спросил, почему.

— Если верить Льюилл, Эрик может сделать из вас фарш. Она советует обождать немного, пока он не расслабится, а затем ударить — может, через год.

Я покачал головой.

— Извини, — сказал я. — Не могу. Слишком много мы потеряли, чтобы пройти так много. Сейчас или никогда.

Он пожал плечами и надел на лицо гримасу: "Не говори потом, что тебя не предупреждали".

— А все же, почему? — спросил я его.

— В основном потому, что, как я узнал, он может управлять погодой, — сказал Рэндом.

— И все же нам придется рискнуть.

Он опять пожал плечами.

— Не говори потом, что тебя не предупреждали.

— Он точно знает, что мы приближаемся?

— А ты как думаешь? Он что, кретин?

— Нет.

— Тогда он знает. Если я смог догадаться об этом в Ратн-Я, то он знает об этом в Янтаре, а я ЗНАЮ по колебанию Тени.

— К несчастью, — сказал я, — у меня были недобрые предчувствия относительно этой экспедиции, но это план Блейса.

— Отвали, и пусть он идет под топор.

— Извини, но этим шансом я не воспользуюсь. Он может выиграть. Я веду флот.

— Ты разговаривал с Кэйном и Джерардом?

— Да.

— Тогда ты думаешь, что на море у тебя есть шанс. Но слушай, как я понял из придворных сплетен о его двойнике, Эрик знает, как контролировать Талисман Закона. Он МОЖЕТ использовать его, чтобы контролировать погоду здесь. Это бесспорно. Одни боги знают, что он может еще натворить с его помощью.

— Жаль, — ответил я. — Но придется вынести и это. Я не могу позволить, чтобы несколько штормов деморализовали нас.

— Кэвин, я признаюсь тебе. Я сам говорил с Эриком три дня назад.

— Зачем?

— Он попросил меня. Я говорил с ним больше от скуки. Он очень тщательно описал мне свою оборону.

— Он узнал от Джулиэна, что мы приехали вместе. Он просто был уверен, что все это дойдет до меня.

— Вероятно, — сказал Рэндом. — Но это не меняет того, что он сказал.

— Не меняет, — согласился я.

— Тогда пусть Блейс ведет свою войну, — сказал он мне. — Ты сможешь напасть на Эрика позже.

— Его почти короновали в Янтаре.

— Знаю, знаю. Но ведь короля атаковать так же легко, как и принца. Разве нет? Какая тебе разница, как он будет называться в то время, когда ты его победишь? Он все равно будет Эриком.

— Верно, — сказал я, — но я связал себя.

— Тогда развяжи, — сказал он.

— Боюсь, что этого я сделать не смогу.

— Тогда ты сумасшедший, дурачок.

— Вероятно.

— Ну что ж, в любом случае, удачи.

— Спасибо.

— До встречи.

Такие дела, и они меня встревожили.

Не лечу ли я в ловушку?

Эрик был не дурак. Может быть, он приготовил настоящее аутодафе. В конце концов, я просто пожал плечами, оперся о борт корабля и засунул карты за пояс. Быть принцем Янтара — значит, быть гордым и одиноким, неспособным на доверие. Я не был от этого в восторге, но я был таким.

Эрик, конечно, управлял тем штормом, через который мы прошли, и это, казалось, соответствовало его положению хозяина погоды в Янтаре, как утверждал Рэндом.

Так что я попытался и сам предпринять хоть что-то.

Я направил флот к Янтарию, хорошенько вооружившись снегом. Это был самый ужасный буран из всех, которые я когда-либо создавал.

На воду полетели огромные хлопья снега.

Пусть-ка он попробует остановить то, что было естественным для этой Теневой сути. Если сможет.

Он смог.

Примерно через час буран прекратился. Янтарь был фактически непроницаем, и он действительно был единственным городом. Мне не хотелось сбиваться с курса, поэтому я все оставил так, как есть. Эрик действительно БЫЛ хозяином погоды в Янтаре.

Что делать?

Мы, конечно, продолжили путь. Смерти в зубы.

Что тут можно сказать?

Второй шторм был еще хуже первого, но на этот раз за штурвалом стоял я. Шторм был нацелен электричеством и нацелен только на корабли. Он разметал их в разные стороны. Он стоил нам еще сорока судов.

Мне уже страшно было вызывать Блейса и узнавать, что сделали с ним.

— Осталось около двухсот тысяч солдат, — сказал он, — наводнение.

А я пересказал ему то, что сообщил Рэндом.

— Покупаю, заверните, — ответил он. — Но к черту подробности. Погодой или нет, мы побьем его.

— Надеюсь.

Я закурил и облокотился о штурвал.

Вскоре покажется Янтарь. Теперь я знал пути в Тени и знал, как добраться до него пешком.

Но каждый имеет свои предчувствия.

Никогда не наступит тот день, хотя...

Мы продолжали плыть, и тьма нахлынула на нас внезапной волной, и начался шторм — хуже двух предыдущих.

Мы умудрились вырваться из его черных лап, но я был напуган. Мы были в северных водах. Если Кэйн сдержит свое слово, то все в порядке. Если нет, он окажется в чудесном положении.

Я тут же предположил, что он нас предал. Почему бы и нет? Я приготовил свой флот — семьдесят три оставшихся корабля — к бою, когда увидел его приближение. Карты солгали, или наоборот были совершенно правы, когда указали на него, как на ключевую фигуру в предстоящем сражении.

Флагманский корабль эскадры направился прямо к моему, и я двинулся навстречу. Мы легли в дрейф и поприветствовали друг друга борт в борт. Мы могли бы связаться через Козыри, но Кэйн выбрал не это: он занимал сейчас более сильное положение. И семейный этикет требовал, чтобы выбирал он, по собственному усмотрению. Он явно хотел быть увековеченным, когда закричал в рупор:

— Кэвин! Немедленно сдай командование флотом! Я превосхожу тебя в численности! Тебе не пробиться!

Я посмотрел на него через волны и поднес рупор к губам.

— А как же наше соглашение?

— Аннулировано и недействительно, — сказал он. — У тебя слишком мало сил, чтобы завладеть Янтарем, поэтому пощади людей и сдавайся сразу.

Я взглянул назад через левое плечо и поприветствовал солнце.

— Пожалуйста, выслушай меня, брат Кэйн, — сказал я, — и позволь мне следующее: дай

мне посоветоваться с капитанами, пока солнце не окажется в зените.

— Хорошо, — ответил он без колебаний. — Думаю, они оценят свое положение.

Я отвернулся и приказал отвести корабль к остальной группе, которая стояла поодаль.

Если б я попытался скрыться, Кэйн начал бы преследовать меня сквозь Тени и уничтожил бы корабли один за другим. Порох на истинной земле не горит, но если бы мы ушли достаточно далеко, он мог быть использован для нашего уничтожения. И у Кэйна найдется пороху, хоть чуть-чуть. А исчезни я, флот не сможет плыть по Тени и останется в истинных водах подсадной уткой. Так что, что бы я ни сделал, экипажи или погибли, или — в плену.

Рэндом был прав.

Я вытащил Козырь Блейса и сконцентрировался, пока он не зашевелился.

— Да? — сказал он, голос его был возбужден. Я даже слышал вокруг него шум битвы.

— У меня неприятности, — сказал я. — Мы прошли, но у меня осталось всего семьдесят три корабля, и Кэйн приказал нам сдаться в плен до полудня.

— Сто чертей ему в печенку, — сказал Блейс. — Мне не удалось продвинуться так далеко, как тебе. Мы в центре драки. Громадная кавалерийская лавина рубит нас на куски. Так что я не могу дать тебе никакого совета. У меня свои неприятности. Поступай как сочтешь нужным. Они опять атакуют! — и связь была прервана. Я вытащил карту Джерарда и искал контакт.

Когда мы начали говорить, мне показалось, что я вижу за его спиной берег. Мне показалось, что я узнал его. Если мои догадки верны, то Джерард сейчас дрейфует в южных водах. Мне не хотелось напоминать ему наш разговор. Я просто спросил, может ли он помочь мне против Кэйна и поможет ли.

— Я лишь согласился пропустить тебя, — сказал он. — И я увел эскадру на юг. Я не могу прийти к тебе на помощь, даже если и захочу. Но я никогда и не обещал тебе помощи в убийстве брата.

Прежде чем я смог ответить, Джерард исчез. Он был, конечно, прав. Он согласился подарить мне удобный момент, а не выигрывать за меня мое сражение.

Что же мне оставалось делать?

Я закурил сигарету. Я прошелся по палубе. Утро давно кончилось. Туман исчез и солнце припекало плечи. Скоро будет полдень. Где-то часа через два...

Я задумчиво перетасовал колоду и прикинул ее на руке. Я могу с ее помощью устроить поединок воли либо с Эриком, либо с Кэйном. Такую власть карты нам тоже давали, а возможно, и нечто иное, о чем я пока не знал. Они были сделаны так по повелению Оберона рукой сумасшедшего художника Двэкина Баримена, этого горбуна с дикими глазами, который был волшебником, святым или психиатром

— тут слухи не совпадали — из какой-то дальней Тени, где Папа как-то спас его от гибельной судьбы, которую сам Двэкин навлек на себя. Подробностей никто не знал, но с тех пор Двэкин был слегка не в себе. Он был великим художником, и никто не сомневался, что он обладал какой-то странной силой. Он исчез много веков назад после того, как создал картинку и начертил Образ в Янтаре. Мы часто размышляли о нем, но никто не знал его местонахождения. Может, Папа просто убил его, чтобы сохранить какие-то тайны.

Кэйн к такому нападению будет готов, и мне, вероятно, не удастся его сломить, хоть удержать его я способен. Но его капитанам, несомненно, приказано атаковать.

Эрик же будет готов ко всему, но если мне ничего другого не останется, то я смогу попробовать хоть это. Терять мне было нечего, кроме своей души.

Затем существовала еще карта самого Янтара. Я мог бы перенестись туда с ее помощью и попробовать убить, но я подсчитал, что шанс на это был один на миллион.

Я был готов умереть в сражении, но было бы бессмысленно, если все эти люди погибнут

вместе со мной. Может, кровь моя была заражена, несмотря на мою власть над Образом. У настоящего принца Янтаря не могло быть этих тошнотных, малодушных сомнений. Я решил, что века, проведенные мною на Теневой Земле, изменили меня, возможно, смягчили, сотворили со мной что-то, что делало меня непохожим на моих братьев.

Я решил сдать флот, а затем переместиться в Янтарь и вызвать Эрика на дуэль. Он будет дураком, если согласится. Но какого черта — мне больше ничего не оставалось.

Я повернулся, чтобы высказать свою волю офицерам, и в этот самый момент чужая воля пала на меня и поразила безмолвием.

Я почувствовал связь и с большим трудом выдавил сквозь крепко сжатые зубы:

— Кто?

Ответа не было, но что-то давящее рождалось в моем мозгу, и я боролся.

Через некоторое время, когда он увидел, что меня нельзя сломать без долгой борьбы, я, словно в порыве ветра, услышал голос Эрика.

— Хорошо поддержал тебя наш мир, брат? — поинтересовался он.

— Неважно, — сказал или подумал я, и Эрик усмехнулся, хоть голос у него тоже был напряжен борьбой.

— Скверно, — сказал он. — Вернулся бы ты и поддержал меня, мне и от тебя бы была польза. Сейчас, конечно, поздно. Сейчас я только повеселюсь, когда уничтожу тебя и Блейса.

Я не ответил, а ринулся в поединок со всей силой, какую имел. Он слегка отступил, но успешно остановил меня там, где я стоял.

Если бы в этот миг хоть один из нас на долю секунды отвлекся, мы могли бы войти в физический контакт или один из нас получил бы неодолимое преимущество на ментальном уровне. Теперь я мог ясно видеть его в дворцовых покоях. Если бы хоть один из нас сделал бы малейшее движение, то другой тут же попал бы под его контроль.

Поэтому мы напряженно смотрели друг на друга и боролись мысленно. Ну что ж, одну из моих проблем он решил, начав атаку первым. Мой Козырь Эрик держал в левой руке, и лоб его был рассечен морщинами. Я искал границу его воли, но не мог найти. Люди говорили со мной, но я не мог слышать их слов, пока стоял там, прислонившись к борту.

Сколько прошло времени?

Ощущение его пропало с началом борьбы. Прошли те два часа? И что же? Я не был уверен.

— Я чувствую твою беспокойную мысль, — сказал Эрик. — Да, я скоординирован с Кэйном. Он вызвал меня после ваших переговоров. И я могу держать тебя в таком состоянии, пока весь твой флот не будет разбит и отправлен гнить в Ратн-Я. Твоих людей сожрут рыбы.

— Постой, — сказал я. — Они невинны. Мы с Блейсом обманули их, и они думают, что мы воюем за правое дело. Их гибель не принесет тебе никакой пользы. Я был готов сдать свой флот.

— Тогда тебе не следовало думать так долго, — ответил он. — Сейчас уже поздно. Я не могу вызвать Кэйна, чтобы отменить приказ без твоего освобождения, а если я освобожу тебя, то тут же или попаду под твой ментальный контроль, или мне будет грозить чисто физическое уничтожение. Наши разумы сейчас слишком близки.

— Предположим, я дам тебе слово, что не сделаю этой попытки.

— Любой может нарушить слово, чтобы добиться королевства, — сказал Эрик.

— Не мог бы ты прочесть мысль? Не мог бы ты почувствовать ее в моем разуме? Я сдержу слово.

— Я чувствую твое странное сострадание к этим людям, которых ты надул, и я знаю, оно не могло быть основой вашего договора... но

— нет. Ты знаешь сам. Даже если ты в этот миг искренен, то искушение мгновенной победы слишком велико. Ты знаешь сам. Я не могу рисковать.

И я действительно знал это. Янтарь слишком сильно горел в нашей крови.

— Твое искусство меча удивительно возросло, — заметил Эрик. — Я вижу, что ссылка пошла тебе на пользу. Ты близок к моему уровню, ближе, чем кто-либо другой, кроме Бенедикта, который, скорее всего, мертв.

— Не обольщайся, — сказал я. — Я знаю, что могу сделать тебя сейчас. В самом деле...

— Не суетись. Я не собираюсь драться с тобой на дуэли, — он улыбнулся, прочтя мою мысль, которая горела слишком ясно. — Мне все больше хочется, чтобы ты был на моей стороне. Тебя я мог бы использовать куда лучше, чем других. На Джулиэна мне плевать. Кэйн — трус. Джерард силен, но глуп.

Я решил замолвить единственное, какое мог, доброе словечко.

— Послушай, — сказал я. — Я вынудил Рэндома следовать за мной. Сам он не горел этой идеей. Мне кажется, он поддержал бы тебя, если бы ты предложил.

— Этот ублюдок! — сказал он. — Я не доверил бы ему выносить ночные горшки! А то в один прекрасный день я обнаружил бы в своем пиранью. Нет, спасибо. Может, я бы и помиловал его, если б ты за него сейчас не попросил. Ты бы хотел, чтоб я прижал его к груди и завопил: "Брат!" Не так ли? О, нет! Слишком быстро ты кинулся на его защиту. Это показывает его истинное отношение ко мне, о чем он тебе, конечно же, сообщил. Давай-ка забудем Рэндома в беседах о милосердии.

Я почувствовал запах дыма и услышал скрежет металла о металл. Это означало, что Кэйн напал на нас, уничтожая по одному.

— Прекрасно, — сказал Эрик, выловив это из моих мыслей.

— Останови их! Прошу тебя! У моих людей нет ни одного шанса против такой эскадры!

— Даже если бы ты сдался...

Тут он прикусил губу и выругался. Я поймал его на мысли. Он собирался предложить мне сдаться в обмен на их жизни, затем заставить Кэйна продолжить резню. Поступить так было в его стиле, но он позволил этим первым словам сорваться в пылу страсти.

Я усмехнулся, видя его раздражение.

— Все равно скоро ты будешь моим, — сказал Эрик. — Как только захватят твой флагман.

— Но пока попробуй-ка это! — и я ударил по нему всем, что имел, всверливаясь в его мозг, уничтожая его своей ненавистью. Я почувствовал его боль, и это заставило меня ударить еще сильнее. За все годы, проведенные в ссылке, я хлестал его, требуя расплаты. За то, что он бросил меня во время чумы, я бил по барьерам его разума, требуя мщения. За ту автомобильную катастрофу, которую он мне устроил, я наносил удары, требуя мучений в ответ на мои страдания.

Контроль его начал ускользать, а мое бешенство усилилось. Я одолел его, и его путы начали распадаться.

Наконец:

— Ты — дьявол! — закричал он и двинул рукой, чтобы прикрыть карту, которую держал.

Контакт был прерван, и я стоял, весь дрожа.

Я сделал это. Я победил его в состязании воли. Больше я не буду бояться брата-тирана, в каком бы поединке нам ни пришлось встретиться с глазу на глаз. Я был сильнее его.

Я несколько раз глубоко втянул в себя воздух и выпрямился, готовый к новой ментальной атаке. Но я знал, что ее не будет, — по крайней мере, от Эрика. Я чуял, что он боится моей ярости.

Я огляделся вокруг и увидел сражение. На палубах была кровь. Вплотную к нашему флагману подошел чужой корабль, и нас брали на abordаж. Другой враг пытался проделать тот же маневр с другого борта. Стрела свистнула над моей головой.

Я вытащил клинок и кинулся в драку.

Я не знаю, скольких убил в тот день. Я потерял счет после двенадцати или тринадцати. В этой стычке их было раза в два больше. Та сила, которой обладает каждый принц Янтара, и которая позволяла мне поднять "мерседес", послужила мне в тот день: я вполне мог поднять человека одной рукой и швырнуть его за борт. Что я и творил.

Мы убили всех на кораблях, пришвартовавшихся к нашему, открыли им кингстоны и отправили в Ратн-Я, где Рэндом наверняка развлечется резней. В этой битве моя команда была вырезана наполовину, а я получил множество порезов и царапин, но, впрочем, ничего серьезного. Мы пошли на помощь еще одному нашему кораблю и потопили еще один рейдер Кэйна.

Остатки команды со спасенного корабля перешли на мой, и команда у меня была снова полна.

— Крови! — воззвал я. — Крови и мщения в этот день, мои воины, и вас навечно запомнят в Янтаре!

Как один они подняли свое оружие и вскричали:

— Крови!

И галлоны... нет, реки... крови пролились в этот день. Мы уничтожили еще два рейдера Кэйна, и пополнили команду остатками моряков спасенных кораблей. Когда мы направлялись к шестому кораблю врага, я забрался на мачту и попробовал подсчитать силы. Похоже на то, что противник превосходил нас втрое. А от моего флота, кажется, осталось сорок пять — пятьдесят пять кораблей.

Мы потопили шестой рейдер, и нам не пришлось идти к седьмому и восьмому. Они уже плыли к нам. Их мы потопили тоже, но я несколько раз был ранен в этой схватке, которая опять оставила мне половину команды. Левое плечо и правое бедро были проколоты, а рана правого бедра еще и болела.

Когда мы посылали два этих рейдера на дно, к нам двинулись два следующих.

Мы отступили и объединились с одним из наших кораблей, который только что вышел победителем из собственной недавней битвы. И вновь мы слили команды, в этот раз перенеся штандарт на другой корабль, который получил меньше повреждений, чем флагман, заливаемый водой и кренящийся на правый борт.

Но передышки нам не дали, поскольку к нам подошел очередной корабль, и вражеские солдаты попытались перебраться на нашу палубу.

Мои люди устали, да и я был на пути к этому. К счастью, и команда противника была не в лучшей форме. Прежде чем второй корабль Кэйна успел прийти на помощь, мы завладели рейдером, перешли на него и вновь подняли штандарт. Этот корабль был в прекрасном состоянии.

Мы потопили следующий рейдер, и у меня остались прекрасный корабль, сорок человек и одышка.

Теперь в поле зрения не было никого, кто мог бы прийти к нам на помощь. Все мои оставшиеся корабли вели бои по крайней мере с одним кораблем Кэйна. К нам стал приближаться рейдер, и мы сбежали.

Таким образом мы выиграли минут двадцать. Я попытался уйти в Тень, но рядом с Янтарем это было невероятно трудно. К Янтарию куда как легче подойти, чем уйти от него, потому что Янтарь — центр, связующая сила мира. Если бы у меня было еще минут десять, то мне бы удалось это.

Однако, я пытался. Когда корабль подкатил ближе, я увидел на расстоянии кабельтова еще один, разворачивающийся на нас. На его мачте под черно-зеленым вымпелом и вымпелом Эрика

развевался флаг с белым единорогом. Это был корабль Кэйна. Он пришел, чтобы убить нас.

Мы взяли первый корабль и уже не имели времени, чтобы открыть его кингстоны, прежде чем Кэйн напал на нас. Я стоял на окровавленной палубе, вокруг меня собралось человек двенадцать, а Кэйн выбрался на нос своего корабля и крикнул, чтобы я сдавался.

— Сохранишь ли ты жизнь моим людям, если я это сделаю? — спросил я.

— Да, — сказал он. — Я сам потеряю нескольких людей, если не соглашусь, а в этом нет нужды.

— Слово принца? — спросил я.

Минуту он обдумывал, а затем кивнул.

— Очень хорошо, — сказал Кэйн. — Пусть твои люди сложат оружие и перейдут на мой корабль, когда мы подойдем.

Я засунул клинок в ножны и кивнул окружающим меня.

— Вы бились хорошо, и я люблю вас за это, — сказал я, — но в этот раз мы проиграли.

Я промокнул руки о плащ, пока говорил, и осторожно вытер их, потому что ненавижу пачкать произведения искусства.

— Сложите оружие и знайте, что ваши подвиги в этот день никогда не будут забыты. И когда-нибудь я восхваляю вас при дворе Янтаря.

Мои люди, — девять высоких краснокожих и трое оставшихся волосатиков, — плакали, складывая оружие.

— Не думайте, что все потеряно, — сказал я. — Мы проиграли только одну битву, но сражение продолжается в другом месте. Мой брат Блейс пробивает себе дорогу в Янтарь. Кэйн сдержит свое слово и пощадит ваши жизни, когда увидит, что я ушел к Блейсу, поскольку не захочет, чтобы известие о нарушенной клятве дошло до Янтаря. Мне жаль, что я не могу взять вас с собой.

И с этими словами я вытащил Козырь Блейса из колоды, держа ее как можно ниже перед собой, чтобы не было видно с подплывающего корабля.

Точно тогда, когда Кэйн встал с нами бок о бок, на холодной картинке возникло движение.

— Кто? — спросил Блейс.

— Кэвин, — ответил я. — Как поживаешь?

— Мы выиграли битву, но потеряли большую часть войск. Сейчас отдыхаем перед новым походом. А как у тебя?

— Думаю, что уничтожили почти половину флота Кэйна, но сегодня выиграл он. Сейчас он хочет взойти на мой сдавшийся корабль. Помогите мне.

Он протянул вперед руку, я дотронулся до нее и обрушился ему в объятия.

— Это уже становится традицией, — пробормотал я, а затем увидел, что он ранен в голову, а его левую ладонь стягивает повязка.

— Пришлось схватиться не за тот конец сабли, — заметил Блейс, проследив мой взгляд. — Очень болит.

Я перевел дыхание, и мы пошли в его палатку, где он открыл бутылку вина и дал мне хлеба, сыра и немного сушеного мяса. У него все еще оставался приличный запас сигарет, и я с удовольствием выкурил одну, пока походный врач перевязывал мне раны.

В его армии было примерно сто восемьдесят тысяч человек. Когда я стоял на вершине холма и вечер только начинал подкрадываться ко мне, мне почудилось, что все лагеря, в которых я когда-либо стоял, растянулись вокруг на мили и века. Я вдруг почувствовал на глазах слезы по тем людям — не похожим на принцев Янтаря, — прожившим короткую жизнь и превратившимся в пыль. Многие из них найдут свой конец на полях битвы мира.

Я вернулся в палатку Блейса, и мы допили бутылку вина.

В эту ночь начался сильный ветер с дождем. Он не кончился, и когда восход серебром попытался пересечь ладонь мира, и продолжался весь дневной переход.

Это очень быстро гробит любые великие идеи — топать в дождь, да еще и в холодный. Лично я всегда ненавидел грязь, в марше через которую, мне кажется, я провел столетия.

Мы искали Теневой путь, который был бы свободен от дождя, но не тут-то было.

Мы могли дойти до Янтаря, но сможем ли мы дойти в прилипшей одежде, под барабанный бой грома и блеск молний за спиной.

На следующее утро температура резко упала, и утром, взглянув поверх задубевших флагов, я приветствовал мир, ставший белым под серым небом, наполненным порывами ветра. Мое дыхание превращалось в плюмаж позади меня.

К этому наши войска — кроме волосатиков — были подготовлены плохо, и мы приказали солдатам двигаться как можно быстрее, чтобы избежать обмороживаний. Большие краснокожие парни страдали. Их мир был очень теплым миром.

В тот день на нас напали и тигр, и полярный медведь, и волк. Тигр, которого убил Блейс, был длиной в четырнадцать футов от кончика хвоста до носа.

Ночью мы шли по руслу потока, и, похоже, началась оттепель. Блейс подгонял войска, чтобы как можно скорее вывести их из холодных Теней. Козырь Янтаря указывал, что там царила теплая сухая осень, и мы приближаемся к истинной земле.

К полуночи второго дня нашего похода мы прошли сквозь слякоть и снег с дождем, холодный дождь, теплый дождь и сущь.

Был отдан приказ устроить лагерь с тройными караулами. Учитывая усталость людей, мы созрели для вражеской атаки. Но наших воинов шатало, их невозможно было заставить идти дальше.

Нападение произошло несколькими часами позже, и, как я понял потом по рассказам тех, кто уцелел, во главе его стоял Джулиэн.

Он нацелил своих командос на самую уязвимую часть позиции — периферию основного лагеря. Знай я, что это будет Джулиэн, я использовал бы Козырь, чтобы удержать его.

Около двух тысяч человек потеряли мы во внезапной зиме, и за скольких отвечал Джулиэн, я пока не знал.

Казалось, наши войска начали терять присутствие духа, но они подчинились приказу.

Следующий день был одной бесконечной засадой. Такое крупное войско, как наше, не могло противопоставить ничего серьезного тем коротким рейдам, которые Джулиэн устраивал на наши фланги. Нам удалось уничтожить сколько-то его солдат, но не очень много — порядка одного на каждый десяток наших.

В полдень мы пересекли долину, идущую параллельно морскому берегу. Лес Ардена был от нас левее и к северу. Янтарь — прямо впереди. Бриз был прохладен и напоен запахами его земли и его чудесных трав. Падали редкие листья. Янтарь лежал от нас в восьмидесяти милях и был лишь мерцанием над горизонтом.

В это утро стали собираться облака, пошел дождь, молнии упали с небес. Затем ураган прекратился, и солнце вышло высушить его следы. Чуть погода мы почуяли запах дыма.

Еще немного спустя мы уже видели его, он поднимался вверх и тянулся к нам.

Затем взлетели языки пламени. Они двигались к нам хрустящими размеренными шагами, и чем ближе подползали, тем становилось жарче, и где-то в задних рядах началась паника. Раздались крики, колонны рассыпались и хлынули вперед.

Мы побежали.

Хлопья пепла падали вокруг, а дым становился гуще. Мы неслись вперед, и пламя напирало все плотнее. Простыни света и жара налетали с плотным громом, и волны тепла били, омывали нас. Они были уже бок о бок с нами — деревья почернели, листья падали хлопьями, кустарник дрожал. Наш путь, насколько хватало глаз, превратился в аллею огня.

Мы побежали быстрее: скоро станет еще хуже.

И мы не ошиблись.

Большие деревья рушились поперек нашего пути. Мы обходили их, перепрыгивали. Но, по крайней мере, оставались на тропе...

Жара стояла удушающая, воздух огнем врывался в легкие. Олени, волки, лисы и кролики стремительно неслись мимо, убегая вместе с нами, не обращая внимания на нас и своих лесных врагов. Воздух, как клубами дыма, был наполнен кричащими птицами. Они гадили прямо на нас, но нам было не до того.

Поджечь этот древний лес, так же легко уязвимый, как Арденский, казалось мне святотатством. Но Эрик был принцем в Янтаре и скоро будет королем. Предполагаю, я тоже мог бы...

Волосы и брови мои были подпалены. Глотка чувствовала себя дымоходом.

"Сколько людей нам будет стоять этот поход?" — подумал я.

Семьдесят миль покрытой лесом равнины лежало между нами и Янтарем, и более тридцати миль мы уже прошли, торопясь к концу леса.

— Блейс? — прохрипел я. — Через две-три мили отсюда тропа разветвляется. Правая тропа быстро приведет нас к реке Ойсин^[23], впадающей в море! Я думаю, это — наш единственный шанс! Вся Гарнатская Долина будет выжжена! Наша единственная надежда — достичь воды!

Он кивнул.

Мы помчались вперед, но огонь опережал нас.

Мы добрались до развилки, сбивая пламя с наших дымящихся одежд, вытирая копоть с глаз, выплевывая пепел изо рта, проводя руками по волосам, где тлели маленькие угольки.

— Еще с четверть мили, не больше, — сказал я.

Несколько раз меня били падающие ветки. Все открытые участки кожи пульсировали от лихорадочной боли, да и все закрытые участки — тоже. Мы бежали по горячей траве вниз по длинному склону и, добежав до его подножия, увидели впереди воду, и наша скорость увеличилась, хотя раньше казалось, что это невозможно. Мы погрузились в реку, и предоставили холодной влаге обнять нас.

Мы с Блейсом ухитрились сплавляться поближе друг к другу, а течение держало нас и несло по извилистому руслу Ойсина. Ветви деревьев над нашими головами были похожи на лучи в огненном соборе. Когда они с треском ломались и падали, нам приходилось либо переворачиваться на живот и плыть, либо нырять на глубину в зависимости от того, как близко мы были к берегу. Вода вокруг была полна шипящих и почерневших обломков, а головы уцелевших воинов, плывших за нами, были похожи на кокосовые орехи.

Волны были темны и прохладны, наши ожоги начали болеть, мы дрожали и стучали зубами.

Горящий лес мы оставили позади через несколько миль, и перед нами раскрылась плоская долина, спускавшаяся к морю. Это было идеальным местом для Джулиэна, чтобы подкараулить нас с лучниками — решил я. Я сообщил об этом Блейсу, он согласился, но считал, что ничего предпринять мы не сможем. Я тоже вынужден был согласиться.

Лес вокруг все еще горел, и мы плыли дальше.

Казалось, прошли долгие часы — хотя на самом деле гораздо меньше, — прежде чем мои страхи начали материализовываться, и на нас обрушился первый залп.

Я нырнул и долго плыл под водой. Так как я плыл по течению, то мне удалось проскочить довольно далеко, прежде чем я снова вынырнул.

Но вокруг меня опять посыпались стрелы.

Лишь боги знают, как долго могла работать эта железная коса смерти, и я не хотел торчать здесь, теряя время.

Я опять набрал воздуха и нырнул.

Я коснулся дна. Я наощупь пробирался сквозь подводные препятствия.

Я плыл долго, как только мог, а затем всплыл у правого берега, постепенно выдыхая воздух при приближении к поверхности.

Я вынырнул, отдышался, сделал глубокий вдох и нырнул вновь, даже не посмотрев, на каком участке реки я нахожусь.

Я плыл до тех пор, пока мои легкие не попытались взорваться, а потом опять вынырнул.

На этот раз мне не повезло. Одна из стрел прошла мой левый бицепс. Мне удалось нырнуть вновь и, опустившись на дно, сломать древко стрелы. Потом я вытащил острие и продолжал плыть по-лягушачьи, брыкаясь и загребая правой рукой. Когда я вынырну в следующий раз, то окажусь для стрелков прекрасной подсадной уткой.

Поэтому я заставлял себя плыть, пока в глазах не заплясали алые искры, а в голове не помутилось. Наверное, я оставался под водой минуты три.

Когда я вынырнул, то ничего не случилось, и я забултыхался в воде, задыхаясь.

Я добрался до левого берега и уцепился за прибрежные корни.

Огляделся вокруг.

Деревьев здесь почти не было, и огонь сюда не дошел. Оба берега казались пустынными, да и река тоже. Могло ли так случиться, что я останусь единственным выжившим? Это казалось маловероятным. В конце концов нас было слишком много, когда мы начинали этот последний переход.

Я был полумертв от усталости и все тело было прострелено ноющей болью. Каждый дюйм кожи, казалось, горел, но вода была настолько холодной, что я весь дрожал и, вероятно, посинел. Если я вообще хочу остаться в живых, мне придется выйти из реки. Я чувствовал, что могу поднатужиться и проплыть под водой еще немного и решил попробовать, прежде чем убираться из уютных глубин.

С грехом пополам я провел еще четыре заплыва и почувствовал, что если нырну пятый, то уже не вынырну. Поэтому я уцепился за камень, передохнул и выполз на сушу.

Я перекатился на спину и огляделся вокруг. Я не узнавал местности. Однако пожар сюда еще не дошел. Справа от меня рос густой кустарник, и я пополз к нему, вполз и, свалившись лицом в землю, заснул.

Когда я проснулся, то решил никогда так больше не поступать. Болел каждый дюйм меня, да и к тому же тошнило. Я пролежал несколько часов в полубреду, но в конце концов с трудом дотащился до реки, чтобы надолго присосаться к воде. Затем я повернул в чашу, добрался до нее и снова заснул.

Когда я пришел в себя во второй раз, мне все еще было плохо, но уже стало чуточку полегче. Я пошел к реке, затем вернулся и с помощью одного из ледяных Козырей обнаружил, что Блейс жив.

— Где ты? — спросил он, когда мы связались.

— Черт меня дери, если знаю, — ответил я. — Повезло, что я вообще где-то. По-моему, недалеко от моря. Я слышу волны и узнаю запах.

— Ты рядом с рекой?

— Да.

— На каком берегу?

— На левом, если смотреть на море. Север.

— Тогда оставайся на месте, — сказал Блейс. — Я пошлю за тобой. Джулиэна поблизости нет. Я собираю войско. Я уже собрал больше двух тысяч, но большинство наших еще разбросаны по берегу.

— Все хорошо, — ответил я, и так, в общем, оно и было.

Я остался на месте. И как только сделал это, уснул.

Я услышал, как они ломают кусты, и насторожился. Раздвинув ветки, я посмотрел вперед.

Это были три высоких краснокожих солдата.

Я разогнул затекшие конечности, почистил одежду, пригладил рукой волосы, выпрямился, покачнулся, сделал несколько глубоких вдохов и выступил вперед.

— Я здесь, — объявил я.

Двое из них вздрогнули, клинки прыгнули им в руки, когда я заговорил.

Но они быстро сориентировались, заулыбались, отдали мне честь и проводили в лагерь. Он был в двух милях. Я дошел до него без чужой поддержки.

Появился Блейс и сказал:

— У нас уже более трех тысяч.

Затем он позвал военного врача, чтобы тот снова обо мне позаботился.

Ночью никто на нас не напал, и весь следующий день стекались к нам остатки нашего войска.

Их уже было тысяч пять. Вдали был виден Янтарь.

Мы проспали всю следующую ночь и отправились в марш утром.

К полудню мы проделали около пятнадцати миль. Мы шли вдоль берега, и нигде не было видно никаких признаков Джулиэна.

Боль от моих ожогов начала проходить. Бедро выздоровело, но боль в плече и руке то швыряла меня в преисподнюю, то возвращала обратно.

Мы двигались в быстром марше и скоро оказались в сорока милях от Янтая. Погода оставалась милосердной, а лес слева от нас расстилался покинутыми, почерневшими руинами. Огонь уничтожил в долине почти весь кустарник — хоть что-то оказалось в нашу пользу. Ни Джулиэн, ни кто другой не мог теперь устроить засаду. Мы бы увидели их за милю. До захода солнца мы прошли еще миль десять и расположились отдыхать на берегу.

Следующий день. Я вспомнил, что вскоре должна состояться коронация Эрика, и напомнил об этом Блейсу. Мы почти потеряли счет дням, но, подсчитав, поняли, что несколько дней у нас еще есть.

Мы сделали полудневный марш-бросок, а затем встали отдохнуть. К этому времени мы находились в двадцати пяти милях от подножия Колвира. В сумерки это расстояние сократилось до десяти миль.

И мы продолжали идти. Мы шли до полуночи и вновь сделали привал. Теперь я уже снова чувствовал себя живым. Я поупражнялся немного с клинком и одолел его капризы. На следующий день мне стало еще лучше.

Мы шли, пока не дошли до подножия Колвира, где нас встретило все войско Джулиэна вместе с матросами Кэйна, сражавшимися теперь в сухопутном строю.

Блейс встал там и командовал, как Роберт Е.Ли в Чэнсиллорсвилле^[24], и мы победили их.

У нас осталось примерно три тысячи солдат, когда мы перебили все отряды, которые бросал против нас Джулиэн. Джулиэн, конечно, сбежал.

Но мы победили. В ту ночь мы праздновали это событие. Мы победили.

Но я был испуган этим и известил о своих страхах Блейса. Три тысячи солдат против Колвира.

Я потерял флот, а Блейс потерял более девяноста восьми процентов пехоты. Я не мог рассматривать это как событие, несущее радость.

Мне это не нравилось.

А на следующий день мы начали подъем. Здесь была лестница, позволяющая людям подниматься в ряд по двое. Однако вскоре она сузится, и мы вынуждены будем идти друг за другом гуськом.

Мы прошли вверх на Колвир сто ярдов, потом двести, триста...

Затем с моря налетел ураган, и мы прижались к камням и были исхлестаны ураганным ветром.

Потом мы недосчитались то ли двух, то ли трех сотен людей.

Мы поднимались, но пошел дождь. Путь наверх стал круче, более скользким. Поднявшись на четверть высоты Колвира, мы столкнулись с колонной спускавшихся вооруженных людей. Первый из наступавших обменялся ударами с нашим авангардом, и двое людей упали мертвыми. Мы отыграли две ступеньки, и еще один был убит.

Так продолжалось более часа, и к тому времени мы поднялись на треть высоты Колвира, а наша колонна продолжала укорачиваться, подводя схватку все ближе ко мне и Блейсу. Но наши краснокожие воины были сильнее, чем солдаты Эрика. Раздавался стук оружия, крик, и человек пролетал мимо нас. Иногда это был краснокожий, иногда мохнатик, но чаще всего он носил цвета Эрика, был одет в форму его гвардии.

Мы дошли до половинной отметки, сражаясь за каждую ступеньку. Когда мы дойдем до вершины, перед нами откроется широкая лестница, по отражению которой я спускался в Ратн-Я. Эта лестница приведет нас к Большой Арке — восточным воротам Янтара.

Идущих впереди осталось пятьдесят, потом сорок, тридцать, двадцать, дюжина...

Мы прошли две трети пути, и лестница позади нас уходила вниз зигзагами через лицо Колвира. Восточной лестницей пользуются редко. Она была больше украшением. В наши первоначальные планы входило пройти по выжженной равнине, а затем, сделав круг, обойти горы с запада и войти в Яantarь с тыла. Но огонь и Джулиэн спутали наши планы. Нам бы никогда не удалось то, что мы задумали. Теперь нам осталось либо атаковать в лоб, либо не делать ничего. А не делать ничего мы не собирались.

Еще три воина Эрика пало, и мы взобрались на четыре ступеньки. Затем наш человек совершил затяжной прыжок, и мы потеряли ступеньку.

Ветер с моря был резок и холоден, и у подножия горы стали собираться птицы. Сквозь облака проглянуло солнце — наверное, Эрик оставил погоду в покое, когда мы вступили в бой с его основными силами.

Мы поднялись еще на шесть ступенек и потеряли еще одного человека.

Это было странно, печально и дико...

Блейс шел впереди меня, так что скоро настанет его черед. Затем мой, если он погибнет.

В авангарде оставалось шестеро.

Десять ступенек...

Осталось пятеро...

Мы медленно продвигались вперед, а сзади, насколько я мог видеть, на каждой ступени была кровь. В этом было что-то от дурного символа.

Наш пятый человек убил четверых, прежде чем пал сам, что принесло нам еще один зиг или заг — на выбор.

Вперед и вверх, третий наш человек дрался с клинком в каждой руке. Хорошо, что он бился

в святой войне за святое дело, поэтому каждый удар он наносил с яростью. Прежде чем умереть, он сделал троих.

Следующий не был так усерден или не так хорошо владел клинком. Он был убит сразу же, и теперь их осталось двое.

Блейс вытащил свой длинный клинок с филигранью, и его лезвие сверкнуло на солнце.

— Скоро, брат, — сказал он, — мы посмотрим, что они смогут сделать против принца Янтаря.

— Надеюсь, против одного, — ответил я, и он ухмыльнулся.

Я бы сказал, что мы прошли три четверти пути, когда, наконец, наступила очередь Блейса.

Он ринулся вперед, мгновенно выбив первого человека перед собой. Острие его клинка нашло горло второго, а лезвие его упало на голову третьего, скидывая вниз и его. Несколько мгновений он продолжал свою дуэль с четвертым, но быстро с ним справился.

Мой клинок был у меня в руке, готовый к бою, пока я смотрел и продвигался следом.

Блейс был великолепен, даже лучше, чем я его помнил. Он несся вперед как вихрь, и клинок в его руке был живым в отблесках света. Они падали перед ним — как они падали, друг мой! И что бы ни говорили о Блейсе, в тот день он подтвердил свой ранг. Я прикинул, сколько он продержится.

В левой руке Блейс держал кинжал, используя его с жестокой эффективностью в приеме corps a corps^[25]. Он оставил кинжал в горле одиннадцатой жертвы.

Я не видел конца колонны, выступившей против нас. Я решил, что скорее всего она тянется до верхней площадки. Я надеялся, что моя очередь не настанет. Я почти верил в это.

Еще три воина отвесно рухнули мимо, и тут мы дошли до небольшой лестничной площадки и поворота. Он расчистил площадку и начал подъем. С полчаса я наблюдал за ним, а они умирали и умирали. Я слышал шепот благоговения людей позади меня. Я почти решил, что ему удастся пробиться до самого верха.

Он использовал каждый имеющийся в распоряжении трюк. Он отводил клинки и взгляды плащом. Он делал подножки. Он хватал солдат за кисти рук и со всей силой выворачивал их.

Мы дошли до следующей лестничной площадки. На его рукаве выступила кровь, но он не переставал улыбаться, и солдаты, стоящие вслед за теми, кого он убивал, были бледны. Это тоже ему помогало. И возможно то, что за ним стоял я, готовый заполнить брешь, тоже нагоняло на них страх, действовало на нервы, замедляло движения. Как я позднее узнал, они слышали о нашей битве на море.

Блейс поднялся до следующей площадки, расчистил ее, вновь повернул и вновь начал подниматься. Я не думал, что он сможет зайти так далеко. И я не думаю, что я смог бы зайти так далеко, как он. Это было почти феноменальная демонстрация мастерского искусства владения мечом, я не видел такого с тех пор, как Бенедикт в Лесу Ардена сдерживал Лунных Всадников из Генеша.

Однако Блейс устал, это я тоже видел. Если б была хоть какая-то возможность сменить его, дать ему хоть немного отдохнуть...

Но такой возможности не было. Поэтому я продолжал идти, опасаясь, что каждый удар может оказаться для него последним.

Я знал, что он слабеет. К этому времени мы находились всего в ста футах от вершины.

Внезапно я пожалел его. Он был моим братом, и он здорово меня выручил. Не думаю, что он считал себя способным драться до самой вершины, но он продолжал бой... тем самым давая мне шанс на трон в Янтаре.

Он убил еще троих и с каждым шагом его клинок двигался все медленнее. С четвертым он дрался минут пять, прежде чем убил его. Я был уверен, что следующий его противник окажется

последним.

Однако, не оказался.

Пока Блейс убивал четвертого, я перебросил клинок из правой руки в левую, вытащил кинжал и бросил его.

Он вошел по самую рукоять в горло следующего солдата.

Блейс перепрыгнул через две ступени и покалечил человека перед собой, отправив его вниз.

Затем он сделал выпад, вспоров живот следующему.

Я кинулся вперед, чтобы заполнить брешь, чтобы быть рядом и наизготовку. Но пока я еще не был нужен.

Он сделал двух следующих в новой вспышке энергии. Я крикнул, чтобы мне дали еще один кинжал, и мне его откуда-то передали по цепочке.

Я держал кинжал, ожидая, когда Блейс устанет опять, и использовал его для человека, с которым он дрался.

Но в эту минуту солдат кинулся вперед, и кинжал ударил его рукоятью, а не клинком. Тем не менее, он попал ему в голову; Блейс толкнул солдата в плечо, и тот упал. Следующий солдат бросился в бой и, хотя он напоролся на клинок, но толкнул Блейса в плечо, и они вместе перевалились через край.

Повинуясь рефлексу, я не соображал, что делаю, но тем не менее прекрасно понимал, что решение, принятое в доли секунды, оправдается потом, — моя левая рука рванулась к поясу, выхватила колоду Козырей и швырнула ее Блейсу, когда тот на секунду как бы завис над пропастью — так быстро сработали мои мускулы и нервы, — и я заорал:

— Лови их, идиот!

И он поймал.

У меня не было времени смотреть, что произошло дальше, пришлось отражать атаки и нападать.

И тогда начался последний этап нашего восхождения на Колвир.

Просто скажу, что я сделал это и судорожно пытался отдышаться, пока мои войска переваливали через гребень, чтобы поддержать меня на площадке.

Мы собрались с силами и двинули вперед.

Около часа потребовалось нам на то, чтобы дойти до Великой Арки.

Мы прошли ее. Мы вошли в Янтарь.

Где бы сейчас ни был Эрик, я уверен, он никогда не предполагал, что нам удастся зайти так далеко.

И я задумался о том, где сейчас был Блейс. Хватило ли времени на то, чтобы выхватить карту и воспользоваться ею прежде чем он достиг дна пропасти? Думаю, что никогда этого не узнаю.

Мы недооценили противника, недооценили его по всем статьям. Сейчас его войско намного превосходило наше, и нам не оставалось ничего другого, как только биться до последнего так долго, как только мы могли. Почему я свалил дурака и бросил Блейсу свои Козыри? Я знал, что у него не было своих, и, возможно, поступок этот был эхом тех лет на Тени Земля... Но ведь я мог использовать Козыри, чтобы скрыться, если меня разобьют в труху.

Меня разбили в труху.

Мы дрались до самых сумерек, и к этому времени от нас осталась всего горстка воинов.

Нас окружили на тысячном ярде внутри самого Янтара и все же достаточно далеко от дворца. Мы дрались, защищаясь, и погибали один за другим. Мы потерпели поражение.

Льюилл или Дейрдре предоставили бы мне убежище. Зачем я сделал это?

Я убил еще одного солдата и выбросил вопрос из головы.

Солнце опускалось, тьма заполнила небо. Нас оставалось всего лишь несколько сотен, и мы не стали ближе ко дворцу.

Затем я увидел Эрика и услышал, как он громко выкрикивает приказы. Если б я мог добраться до него.

Но я не мог.

Может быть, я и сдался бы ему в плен, чтобы пощадить жизнь оставшимся моим солдатам, которые сослужили мне хорошую службу.

Но сдаваться было некому и никто не требовал от меня сдачи. Эрик не услышал бы меня, даже если б я кричал во все горло. Он усердствовал, командуя.

Так что мы продолжали биться, и у меня оставалась сотня воинов.

Скажу короче.

Они убили всех, кроме меня.

На меня же набросили сети и сбили стрелами без наконечников.

В конце концов я упал, был оглушен дубинками и связан, как свинья, а потом все кончилось, кроме ночного кошмара, который привязался ко мне потом и не отпускал. Впрочем, неважно, что мучило меня по ночам.

Мы проиграли.

Очнулся я в темнице, глубоко под Янтарем, сожалея, что зашел так далеко.

То, что я оставался в живых, означало, что Эрик строит планы в отношении меня. Перед моими глазами возникли видения дыбы и цепей, огня и щипцов. Я предвидел свою деградацию, пока лежал на сырой соломе.

Как долго я оставался без сознания? Не знаю.

Я обыскал свою маленькую камеру, надеясь найти хоть что-то, чем можно убить себя. Я не нашел ничего, что могло бы послужить этой цели.

Раны мои горели как солнечный ожог, и я очень устал.

Я улегся поудобнее и снова уснул.

Я проснулся, но ко мне так никто и не пришел. Мне некого было подкупить, и никто меня не пытал.

И никто не принес мне поесть.

Я лежал, завернувшись в плащ и вспоминая все, что произошло с тех пор, как я проснулся в Гринвуде и отказался от укола. Лучше бы я не отказывался.

Я познал отчаяние.

Скоро Эрик будет коронован в Янтаре. А может, это уже произошло.

Но сон был так привлекателен, а я так устал.

Впервые за долгое время я получил возможность отдохнуть и позабыть о своих ранах.

Камера была темна, сыра и вонюча.

Сколько раз я просыпался и вновь засыпал — не помню. Дважды я находил воду, хлеб и мясо на подносе у двери. Оба раза я съедал все без остатка. Камера моя была непроглядно темна и очень холодна. Я ждал, и я дождался.

За мной пришли.

Дверь распахнулась и возник слабый свет. Я зажмурился, и в этот момент меня позвали.

Коридор был набит вооруженными солдатами — чтобы я не выкинул какого-нибудь фокуса.

Я потер рукой щетину на подбородке и пошел туда, куда меня повели.

Шли мы долго и, войдя в зал со спиральной лестницей, начали подниматься. Пока мы шли, я не задал ни одного вопроса, и никто ничего не пытался мне объяснять.

Когда поднялись наверх, меня повели по дворцу. Меня привели в теплую чистую комнату и велели раздеться, что я и сделал. Потом я влез в ванную с горячей водой, от которой шел приятный пар, и подошедший слуга соскреб мою грязь, побрил меня и подстриг.

Когда я вытерся насухо, мне дали чистые одежды — черные и серебряные.

Я оделся, и на мои плечи накинули плащ с серебряной застежкой в форме розы.

— Теперь вы готовы, — сказал мне сержант охраны. — Пройдите сюда.

Я пошел за ним, а охрана пошла за мной.

Меня провели в самый дальний угол дворца, где кузнец надел мне наручники и сковал цепями ноги. Цепи были толстыми, чтобы у меня не хватило сил их порвать. Я знал: если бы я начал сопротивляться, меня избили б до бесчувствия, а результат был бы тот же. У меня не было желания быть избитым, и я не сопротивлялся.

Затем несколько стражников приподняли цепи и провели меня обратно к центру дворца. Я не глядел по сторонам на то великолепие, которое окружало меня. Я был пленником. Возможно, скоро я буду либо мертв, либо безумен. И я ничего не мог с этим поделать. Быстрый взгляд в окно сказал мне, что на Колви́ре ранний вечер, но я не испытывал ностальгии, когда меня вели по залам, где мы играли в детстве.

По длинному коридору меня провели в столовую дворца.

Там стояли столы, а за ними сидели люди, многие из которых мне были незнакомы.

Самые прекрасные костюмы и платья Янтаря горели и переливались на телах знати, и была музыка при свете факелов, и еда уже стояла на накрытых столах, хотя никто еще не приступил к пиршеству.

Я увидел знакомые лица — например, Флори — но было и много незнакомых. Я увидел менестреля, лорда Рейна — он был посвящен мной в рыцари — его я не видел много веков. Когда мой взгляд упал на него, он отвернулся.

Меня довели до большого стола в центре зала и усадили.

Стража встала позади меня, прикрепив цепи к кольцам, вбитым в пол, судя по всему, совсем недавно. Кресло во главе моего стола было пустым.

Я не узнал женщину, сидевшую справа от меня, но слева сидел Джулиэн. Я не обратил на него внимания, а уставился на леди — этакий киплингowskiй "пучок волос".

— Добрый вечер, — сказал я. — По-моему, нас не представили друг другу. Меня зовут Кэвин.

Она поглядела на сидящего справа мужчину, ища поддержки, но ее здоровый рыжий сосед с россыпью прыщей на лице отвернулся и сделал вид, что оживленно беседует с дамой, сидящей от него справа.

Женщина выдавила из себя слабое подобие улыбки:

— Меня зовут Камил. Как поживаете, принц Кэвин?

— Какое прекрасное имя, — ответил я. — У меня все в порядке. Скажите, как так получилось, что такая милая, приятная девушка очутилась здесь?

Она быстро сделала глоток воды.

— Кэвин, — Джулиэн сказал это громче, чем следовало. — Я думаю, что леди, к которой ты пристаешь, считает тебя возмутительно несносным.

— Да? По-моему, она не сказала тебе ни слова за весь вечер.

И он не покраснел, он побелел.

— Достаточно. Я не намерен терпеть этого больше.

Тогда я потянулся и намеренно побренчал цепями. Кроме эффекта, который это произвело, я узнал, сколько свободного пространства есть в моем распоряжении. Маловато, конечно. Эрик был осторожен.

— Подойди поближе и прошепчи мне свои возражения на ушко, братец, — сказал я.

Но он почему-то не сделал этого.

Я был последним, усевшимся за стол, и поэтому знал: настало время того, что должно произойти. Так и случилось. Пять раз прозвучали шесть труб, и вошел Эрик.

Все встали.

Кроме меня.

Страже пришлось стащить меня со стула и цепями поддерживать в положении "стоя".

Эрик улыбнулся и спустился по лестнице по правую руку от меня. Я с трудом различил его цвета под горностаевой мантией, в которую он закутался.

Он прошел во главу стола, остановился возле своего кресла. Подошел слуга, вставший позади него, и виночерпий, разливая вино, сделали первый круг.

Когда бокалы наполнились, Эрик поднял свой.

— Пусть вечна будет ваша жизнь в Янтаре, — сказал он, — в вечном городе.

И все подняли бокалы. Кроме меня.

— Подними бокал, — сказал Джулиэн.

— Засунь его себе в... — посоветовал я.

Он этого не сделал, только свирепо взглянул на меня. Тогда я быстро взял бокал в руки и поднял его.

Между нами было сотни две людей, но мой голос разнесся по всему залу. И Эрик не отрывал от меня взгляда, пока я произносил свой тост.

— За Эрика, который сидит у подножия стола!^[26]

Никто не попытался ударить меня, а Джулиэн выплеснул содержимое своего бокала на пол. Остальные последовали его примеру, но мне удалось допить свой почти до дна, прежде чем его выбили у меня из рук.

Когда Эрик сел, придворные последовали его примеру, а меня отпустили, и я упал на свое место.

Начали подавать блюда, а так как я был голоден, то ел не хуже остальных и даже лучше многих.

Музыка не умолкала ни на секунду, и трапеза продолжалась часа два. За все это время никто не сказал мне ни слова, и сам я больше ни к кому не обращался. Но мое присутствие ощущалось всеми, и наш стол был заметно тише остальных.

Кэйн сидел далеко. По правую руку Эрика. Я решил, что Джулиэн далеко не в фаворе. Ни Рэндома, ни Дейрдре на было. В зале находилось множество других придворных, которых я знал и многих считал своими друзьями, но ни один из них не вернул мне взгляда.

Я понял — для того, чтобы Эрику стать королем в Янтаре, осталось выполнить маленькую

простую формальность.

Так и случилось.

После обеда речей не было. Просто Эрик встал из-за стола.

Опять рывкнули трубы, и грубый звук их разнесся по всему залу.

Затем выстроилась процессия, идущая к тронному залу Янтаря.

Я знал, что за этим последует.

Эрик встал перед троном, и все склонили перед ним головы.

Кроме меня. Но об этом не стоит и говорить, потому что все равно меня пригнули так, что я упал на колени.

Сегодняшний день был днем его коронации.

Наступило молчание. Затем Кэйн внес подушку, на которой лежала корона. Корона Янтаря. Он преклонил колена и застыл в этой позе, протягивая Эрику корону.

Рывком цепей меня подняли на ноги и потащили к трону. Я понял, что должно произойти. До меня это дошло мгновенно, и я стал упираться. Но силой и ударами меня вновь поставили на колени у самых ступенек трона.

Звучала мягкая музыка — это были "Зеленые Рукава"^[27] — и за моей спиной Джулиэн сказал:

— Смотрите на коронацию нового короля в Янтаре!

Затем он прошептал мне:

— Возьми корону и протяни ее Эрику. Он коронует себя.

Я посмотрел на корону Янтаря, лежащую на алой подушке, которую держал Кэйн.

Корона была серебряной, с семью высокими пиками^[28], на каждом из которых сверкал драгоценный камень. Она была украшена изумрудами, а по бокам, у каждого виска, был вставлен рубин.

Я не шевелился, думая о тех временах, когда я видел под этой короной лицо нашего Папы.

— Нет, — просто ответил я и почувствовал, как меня ударили по лицу.

— Возьми ее и протяни Эрику, — повторил Джулиэн.

Я попытался ударить его, но цепи были хорошо растянуты. Меня снова ударили.

Я смотрел на острые серебряные пики.

— Ну хорошо, — сказал я в конце концов и потянулся к короне.

Несколько секунд я держал ее в руках, а затем быстро надел себе на голову и провозгласил:

— Я короную себя, Кэвина, короля Янтаря!

Корону сорвали и положили на подушку. Меня несколько раз сильно ударили по спине. По всему залу прокатился шепоток.

— А теперь возьми ее и попробуй еще раз, — сказал Джулиэн. — Протяни ее Эрику.

Последовал еще удар.

— Хорошо, — я чувствовал, как промокает рубашка.

В этот раз я швырнул корону изо всех сил, надеясь выбить Эрику глаз.

Он поймал ее и улыбнулся, как будто заставил меня сделать то, что было ему нужно.

— Благодарю. А теперь слушайте меня, все присутствующие и те, кто слышит меня в Тени. В этот день я принимаю корону и трон. Я беру в свою руку скипетр королевства Янтаря. Я честно завоевал этот трон, и я беру его и сажусь на него по праву моей крови.

— Лжец! — воскликнул я, и тут же чья-то рука зажала мне рот.

— Я короную себя, Эрика Первого, короля Янтаря.

— Да здравствует король! — трижды прокричали придворные.

Затем Эрик наклонился и прошептал мне на ухо:

— Твои глаза видели самое прекрасное зрелище за всю твою жизнь... Стража! Уведите

Кэвина в кузницу, и пусть ему выжгут глаза! И пусть он запомнит все великолепие этого дня как последнее, что он видел. Затем киньте его в самую глубокую темницу, самое заброшенное подземелье Янтаря, и пусть его имя будет забыто!

Я сплюнул и был избит.

Я сопротивлялся на каждом шагу, пока меня волокли из зала. Никто не смотрел на меня, когда меня выводили, и последнее, что я помню, это фигуру Эрика, сидящего на троне и раздающего улыбки и милости окружающим его придворным.

То, что он приказал, было со мной сделано, но милостью богов я потерял сознание, не дождавшись исхода.

Я не имею ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся в полнейшей черноте от страшной боли в голове. Возможно, именно тогда я произнес свое проклятие, но, может, и в тот миг, когда опустилось раскаленное добела железо. Не помню. Но я знал, что никогда Эрику не суждено спокойно сидеть на троне, потому что проклятие принца Янтаря, сказанное в слепой ярости, всегда сбывается.

Я драл солому в полной темноте моей камеры, кричал, но слез не было. Это было самое жуткое. Затем — только вы, боги, и я знаем, как это было нескоро, — ко мне пришел сон.

Когда я пробудился, боль осталась. Я поднялся на ноги. Я попытался установить размеры своей тюрьмы. Четыре шага поперек и пять вдоль. В полу была дыра для нужды, в углу лежал соломенный матрас. Под дверью была небольшая щель, а за щелью — поднос, на котором лежал черствый кусок хлеба и стояла бутылка воды. Я поел и напился, но это не прибавило мне сил.

Страшно болела голова, и на душе было беспокойно.

Я спал столько, сколько мог, и никто не приходил навестить меня. Я просыпался, шел на противоположный конец камеры, находил наощупь поднос и ел, если находил еду. Я спал столько, сколько мог.

После семи снов боль из глазниц ушла. И я ненавидел моего брата, который стал королем в Янтаре. Лучше бы он убил меня.

Я попытался представить, что сказали об этом остальные, но придумать ничего не смог.

Когда же мрак придет и в Янтарь, я знал, что Эрик горько пожалеет. Это я знал твердо, и это утешало меня.

Так начинались мои дни тьмы, и у меня не было способа измерить их течение. Даже если б у меня были глаза, я не смог бы различить день и ночь в этом мрачном подземелье.

Время шло своим путем, не обращая на меня внимания. Иногда меня бил озноб, когда я задумывался над этим, и я весь дрожал. Провел я здесь много месяцев? Или часов? Или недель? А может быть, лет?

Я утерял все, что касалось времени. Я спал, ходил (я точно знал, куда ставить ногу и где повернуть) и думал о том, что сделал в своей жизни и чего не сделал. Иногда я сидел, скрестив ноги, дыша ровно и глубоко, опустошая разум и находясь в таком состоянии так долго, как это у меня получалось. Это помогало не думать ни о чем.

Эрик был умен. Хотя сила была со мной, она была бесполезна. Слепец не может идти сквозь Тени.

Моя борода отросла до груди, и волосы тоже стали длинными. Сначала я все время был голоден, но вскоре аппетит пропал. Иногда я вставал слишком резко и у меня кружилась голова.

Я видел только в своих кошмарных снах, и мне становилось горько, когда я просыпался.

Но потом я стал забывать события, которые ослепили меня, будто случились они не со мной, а с кем-то другим. И это тоже было правдой.

Я много потерял в весе. Я словно видел себя со стороны — изможденного и худого. Я не

мог плакать, хотя несколько раз казалось, что мне хочется этого. Что-то было не в порядке с моими слезными железами. Было страшно от того, что человека можно так изуродовать.

Но однажды в дверь тихонько поскреблись. Я не обратил на это внимания.

Снова раздался тот же звук, и вновь я не отреагировал.

Затем я услышал, как прошептали мое имя.

Я пересек камеру.

— Да? — сказал я.

— Это я, Рейн, — ответили за дверью. — Как вы там?

На это я рассмеялся.

— Прекрасно! О, просто прекрасно. Бифштексы с шампанским еженощно и танцующие девочки! Боги! Ну и вопросы ты задаешь!

— Простите, — произнес Рэйн, — что я ничего не могу сделать для вас, — я почувствовал боль в его голосе.

— Знаю, — ответил я.

— Если б я мог, я бы помог, — сказал он.

— И это я знаю.

— Я тут кое-что принес. Возьмите.

Маленькое окошко в двери скрипнуло, открываясь.

— Что здесь?

— Немного чистой одежды, — сказал он. — И три каравайя свежего хлеба, головка сыра, немного говядины, две бутылки вина, блок сигарет и много спичек.

Голос мой застрял на полпути.

— Спасибо, Рейн. Как тебе это удалось?

— Я знаю стражника, который в эту смену стоит на часах. Он будет молчать. Он слишком многим мне обязан.

— Смотри, как бы он не догадался уплатить долги простым доносом, — предостерег я. — Так что, хоть я и очень тебе благодарен, но больше так не делай. Будь уверен, все, что может тебя выдать, я уничтожу.

— Как бы я хотел, чтобы все было не так, Кэвин.

— Присоединяюсь к этому. Благодарю, что подумал обо мне, когда это делать запретили.

— Ну, это-то как раз несложно.

— Сколько времени я пробыл здесь?

— Четыре месяца и десять дней.

— Что нового в Янтаре?

— Эрик правит, вот и все.

— Где Джулиэн?

— Отправлен вместе с войсками обратно в Лес Ардена.

— Зачем?

— В последнее время что-то странное идет к нам из Тени.

— Ясно. А что Кэйн?

— Он все еще в Янтаре, ублажает себя. В основном пьет и развлекается с женщинами.

— А Джерард?

— Он — адмирал всего флота.

Я вздохнул с облегчением. Признаться, я боялся, что уход флотилии Джерарда в южные воды повлечет немилость Эрика.

— А что стало с Рэндомом?

— Он пленник, но в собственных апартаментах.

— Что? Его взяли в плен?

— Да. Из Образа в Ратн-Я он с арбалетом появился прямо здесь и успел подстрелить Эрика прежде, чем его схватили.

— Правда? И его не убили?

— Ходят слухи, что он женат на придворной из Ратн-Я, а Эрик не хочет ссориться с Ратн-Я. У Мойре целое королевство, и говорят, что Эрик собирается просить Мойре стать его королевой. Это слухи, конечно, но любопытные.

— Да, — сказал я.

— Вы ведь ей нравились, верно?

— В какой-то степени. Откуда ты знаешь?

— Я присутствовал, когда читали приговор Рэндому. Мне удалось поговорить с ним несколько минут. Леди Виалль заявила, что она его жена, и попросила разрешения присоединиться к нему в тюрьме. Эрик все еще не знает, что ответить на это.

Я подумал о слепой девушке, которую никогда не встречал, и удивился происходящему.

— Как давно это случилось?

— М-м. Тридцать четыре дня, — ответил Рэйн. — Это когда появился Рэндом. Виалль подала прошение неделей позже.

— Все же — она странная женщина, если любит Рэндома.

— Я тоже так считаю. Трудно представить более неподходящую пару.

— Если увидишь его еще раз, передай ему мой привет и сожаления.

— Хорошо.

— Как поживают мои сестры?

— Дейрдре и Льюилл остались в Ратн-Я. Леди Флоримель наслаждается милостями Эрика, и — одна из первых дам нашего двора. Где Фиона, я не знаю.

— Что слышно о Блейсе? Хоть я и уверен, что он погиб.

— Наверное, погиб. Но тело его так и не обнаружили.

— А Бенедикт?

— Отсутствует, как всегда.

— Брэнд?

— Тоже ничего.

— Ну, значит, будем считать, что я спросил обо всем фамильном древе. Ты написал новые баллады?

— Нет. Я работаю над "Осадой Янтая", но даже если мне удастся ее написать, в любом случае, это будет поэма для списков.

Я протянул руку через крошечное отверстие под дверью.

— Я хочу пожать тебе руку, — сказал я и почувствовал как его рука коснулась моей.

— Спасибо тебе за все, что ты сделал. Но больше не надо. Глупо рисковать под кулаком Эрика.

Он сжал мою руку, что-то пробормотал и ушел.

Я нашел пакет с едой и набил желудок мясом — самой сытной пищей, которая там была. Мясо я заедал огромным количеством хлеба, и вдруг понял, что почти забыл вкус хорошей еды. Затем разомлел и уснул. Не думаю, что спал я очень долго, и проснувшись, открыл бутылку вина.

При моей слабости для счастья мне много не потребовалось. Я закурил сигарету, уселся на матрас, привалился к стене и задумался.

Я помнил Рейна ребенком. К тому времени я был уже взрослым, а он был кандидатом на место придворного шута. Тощее мудрое дитя. Люди обманывали его слишком часто. В том числе и я. Но я писал музыку, сочинял баллады, а он достал себе где-то лютню и научился на ней

играть. Скоро мы пели на два голоса и всем нравилось, вскоре я полюбил его, и мы стали репетировать вместе, практикуясь и в воинских искусствах. Он был очень неуклюж, но я чувствовал что-то вроде раскаянья за то, как обращался с ним раньше, когда он таскал мои шмотки, поэтому я фальшиво хвалил его, и к тому же научил владеть клинком. Я никогда не жалел об этом, да и он, по-моему, тоже. Вскоре он стал придворным менестрелем Янтара. Я называл его своим пажом, и когда начались войны против темных тварей из Тени, называвшейся Обитель Оборотня, я сделал его своим оруженосцем, и мы поехали на войну вместе. Я посвятил его в рыцари на поле битвы у Водопадов Джоунс, и он заслужил это посвящение. Он продолжал писать и сочинять музыку, пока не превзошел даже меня. Цвет одежд его был кармином, а слова — золотом. Я любил его как своих двух-трех друзей в Янтаре. Хотя никогда не думал, что он пойдет на такой риск ради меня. Я думал, что никто не пойдет. Я сделал еще несколько глотков и раскурил вторую сигарету в его честь. Он был хорошим человеком. Я подумал, долго ли он проживет при этом дворе?

Окурки (и чуть погодя пустую бутылку) я выкинул в дыру нужника. Я не хотел, если вдруг неожиданно нагрянет обыск, кто-нибудь случайно углядел, что я "кутю". Я съел всю еду и почувствовал себя сытым и удовлетворенным впервые за все время заточения. Я оставил последнюю бутылку вина про запас, на случай еще одной гигантской пьянки и забвения.

Время продолжало тащиться, и я опять втянулся в замкнутый круг поиска виноватых.

Я очень надеялся, что Эрик не может оценить те силы, которыми мы обладали. Он был королем в Янтаре, это верно, но он не знал всего. Пока не знал. Не так, как знал Папа. У меня был один шанс на миллион. Такой ничтожный и все же реальный, и он не позволил мне сойти с ума в тот миг, когда я был комком беспросветного отчаянья.

Может, я сошел с ума на какое-то время, не знаю. Многие из тех дней сейчас, когда я стою у порога Хаоса^[29], напоминают мне пустые листы. Лишь боги знают, что было написано на них, а мне не хочется думать об этом.

Бедные доктора, не существует такого врача, который смог бы вылечить нашу семью...

Я лежал там и ходил там, в одурманивающей темноте. Я стал чуток к звукам. Я слышал шорох крысиных лапок в соломе, отдаленные стоны узников, эхо шагов стражника, когда он приближался с подносом еды. По таким звукам я научился точно определять расстояние и направление. Кажется, я стал более чуток и к запахам, но старался думать о них как можно меньше. Кроме естественного тошнотворного запаха камеры, здесь был еще и запах гниющей плоти, в этом я мог бы поклясться. Я задумался. Если б я умер, интересно, сколько времени прошло бы с тех пор, как заметили бы мою смерть? Сколько кусков хлеба и бутылок с помоями унесут обратно, пока стражнику не придет в голову проверить, жив ли его узник?

Ответ на этот вопрос мог быть для меня очень важен.

Запах смерти держался очень долго. Я вновь попытался думать о времени и решил, что пахло так не меньше недели.

Хоть я и сдерживался изо всех сил, сопротивляясь искушению так долго, как мог, в конце концов у меня осталась лишь одна пачка сигарет.

Я вскрыл ее и закурил. У меня был блок "Салема", и я выкурил одиннадцать пачек. Это двести двадцать сигарет. Когда-то я засекал время, сколько тратится на одну сигарету, и у меня получилось семь минут. Значит, в общей сложности получалось одна тысяча пятьсот сорок минут чистого курения, или двадцать пять часов сорок минут. Я был уверен, что перерыв между сигаретами составлял по меньшей мере час, скорее даже полтора. Скажем, полтора. Теперь прикинем: на сон у меня уходит от шести до восьми часов в день. Значит, шестнадцать-восемнадцать часов я бодрствовал, и значит, за день я выкуривал десять-двенадцать сигарет. А

значит, со времени визита Рейна прошло около трех недель. Он сказал, что со дня коронации прошло четыре месяца и десять дней, и, следовательно, уже будет пять месяцев.

Я нянчился с последней пачкой, наслаждаясь каждой сигаретой, как любовным романом. Когда сигареты кончились, у меня наступила депрессия.

Затем опять прошло очень много времени.

Я думал об Эрике. Как теперь обстоят у него дела? С какими проблемами он столкнулся? Что с ним происходит сейчас? Почему он ни разу не спустился вниз, чтобы помучить меня? Могут ли в Янтаре действительно забыть меня по королевскому приказу? Никогда, решил я.

А как братья? Почему ни один из них не установил со мной связь? Ведь так легко было вытащить мой Козырь и прервать приговор Эрика. И ни один этого не сделал.

Я долго думал о Мойре, последней женщине, которую я любил. Что она делала? Думала ли обо мне? Наверное, нет. Может, она стала любовницей Эрика или его королевой? Говорила ли она с ним обо мне? Тоже, наверное, нет.

А как мои сестры? Забудь их. Суки они все.

Я бывал слепым раньше. Случилось это при взрыве пушки в Тени Земля в XVIII веке. Слепота продолжалась месяц, а потом зрение вернулось ко мне. Эрик же, когда отдавал приказ, имел в виду слепоту навсегда. Я по-прежнему леденел в испарине и дрожал, и просыпался с криком, когда воспоминания о раскаленном добела железе возвращалось ко мне — висит над глазами, а затем — касается!..

Я застонал и продолжил мерить шагами камеру.

Я абсолютно ничего не мог сделать. И это было самое ужасное из всего, что со мной произошло. Я был так же беспомощен, как человеческий эмбрион. Родиться вновь со зрением и яростью — за это я продал бы душу. Хоть на час, но с клинком в руке для нового поединка.

Я лег на матрас и заснул. Когда я проснулся, у двери стояла пища, я пожевал, и вновь принялся мерить камеру шагами. Мои ногти на руках и ногах отросли. Борода была очень длинна, а волосы все время падали на глаза. Я чувствовал себя грязным, а все тело непрерывно чесалось. Я не знал, есть ли у меня вши.

То, что принца Янтара можно довести до такого состояния, будило во мне бешенство. Я был воспитан в представлении о нас, как о несокрушимых и вечных созданиях, чистых, холодных, твердых, как бриллиант, таких, какими были наши изображения на Козырях. Как выяснилось, это было не так.

Мы были такими же, как и остальные люди, разве что с большим запасом прочности.

Я играл сам с собой, я рассказывал себе сказки, я вспоминал приятные минуты своей жизни, — их было немало. Я вспоминал стихии: ветер, дождь, снег, летнее тепло и холодные весенние сквозняки. В Тени Земля у меня был небольшой самолет, и я наслаждался ощущением полета. Я вспоминал сверкающую панораму цвета и расстояния, миниатюрные города, широкий голубой размах неба, стада облаков (где они теперь?) и чистый простор океана под плоскостями. Я вспоминал женщин, которых любил, вечеринки, военную муштру. А когда все было перебрано, и мне нечем было больше помочь, я думал о Янтаре.

Однажды, когда я думал о нем, мои слезные железы вдруг заработали, и я заплакал.

После неопишуемого количества времени, времени, заполненного темнотой и сном, я услышал шаги, замершие у двери моей камеры, и услышал, как в замке поворачивается ключ.

Прошло так много времени с последнего визита Рейна, что я забыл вкус сигарет и вина. Я не мог определить, сколько времени прошло, но чувствовал, что очень много.

В коридоре стояли двое. Я понял это по шагам еще до того, как услышал их голоса.

Один голос я узнал.

Дверь распахнулась, и Джулиэн произнес мое имя.

Я не ответил ему сразу, и он повторил:

— Кэвин? Иди сюда.

Большого выбора у меня не было, я выпрямился и вышел. Я остановился, ощутив, что нахожусь совсем рядом с Джулиэном.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

— Пойдем со мной, — и он взял меня за руку.

Мы пошли по коридору, и он шел молча, и будь я проклят, если б задал ему хоть какой-нибудь вопрос.

По эху я определил, что мы вошли в большой зал. Потом он повел меня вверх по лестнице.

Все вверх и вверх, и в конечном итоге мы оказались в самом дворце.

Меня привели в комнату и усадили в кресло. Брадобрей приступил к работе, подрезая мне бороду и волосы. Я не узнал его голоса, когда он спросил, предпочитаю я просто подстричь бороду или побриться.

— Брей, — ответил я и почувствовал, как мастер маникюра принялась работать над моими ногтями.

Затем меня выкупали и кто-то помог облачиться в свежую одежду. Она свободно висела на мне. Я здорово похудел.

Затем меня провели в другое помещение, наполненное музыкой, запахами хорошей еды, звуками голосов и смехом. Я узнал эту комнату: трапезная.

Голоса стали тише, когда Джулиэн ввел и усадил меня.

Я сидел, когда прозвучали трубы, при звуках которых меня силой заставили подняться.

Я услышал, как был провозглашен тост:

— За Эрика Первого, короля Янтаря! Да здравствует король!

Я не стал пить, но этого, кажется, никто не заметил. Тост произнес голос Кэйна, откуда-то из глубины зала.

Я съел столько, сколько смог, потому что это была лучшая трапеза, которую мне предложили со дня коронации. Из застольных бесед я понял, что сегодня исполняется годовщина того дня, а это означало, что я провел в подземелье целый год.

Никто не разговаривал со мной, и я ни к кому не обращался. Я присутствовал, как призрак. Чтобы быть униженным, чтобы служить примером моим братьям, являть образчик платы за неподчинение правителю. И всем было приказано забыть меня.

Пиршество продолжалось далеко за полночь. Кто-то все время подливал мне вина, и я сидел и слушал музыку всех танцев.

К этому времени столы убрали, а меня усадили в уголок.

Я мерзко напился, и когда все закончилось и зал стали убирать, меня полууташили, полуунесли обратно в камеру. Единственное, о чем я жалел, так это о том, что меня не стошнило на пол или на чей-нибудь нарядный костюм.

Так закончился для меня первый год тьмы.

Я не наскучу тебе повторами. Второй год моего заточения был таким же, как и первый, и с тем же финалом. И третий тоже. В тот второй год Рейн ходил ко мне дважды, принося полную корзину прекрасной еды и целые связки новостей. Оба раза я запрещал приходить ему снова. В третий год он спускался ко мне шесть раз, через каждые два месяца, и каждый раз я повторял запрет, съедал все, что он приносил, и слушал новости.

Что-то скверное творилось в Янтаре. Странные ТВАРИ шли из Тени, творили насилие всем и каждому, пытались проникнуть в город. Их, конечно, убивали. Эрик пытался понять причину. Я не вспомнил о своем проклятии, но позже понял, что это оно, и радовался, что проклятие свершилось.

Рэндом, как и я, все еще был пленником. Его жена ВСЕ-ТАКИ присоединилась к нему. Положение остальных моих братьев и сестер оставалось неизменным. Это поддержало меня во время третьей годовщины коронации и наполнило новой жадой жизни.

Это...

Это! Однажды это произошло, и мне стало так хорошо, что я немедленно открыл бутылку вина, принесенного Рейном, и распечатал последнюю пачку сигарет, которую хранил про запас.

Я курил сигареты, прихлебывал вино и наслаждался победой над Эриком. Если б он обнаружил случившееся, я уверен, это стоило бы мне жизни. Но я знал: он ничего не подозревает.

Поэтому я радовался, курил, пил и пировал в свете того, что произошло.

Да в СВЕТЕ. Справа от себя я обнаружил слабую полоску света.

Понимаешь, что это значило для меня? Хорошо, попробуй представить примерно следующее: я проснулся на больничной койке и понял, что выздоровел слишком быстро. Уловил?

Я лечусь быстрее других. Все лорды и леди Янтара обладают этим свойством в большей или меньшей степени. Я пережил Чуму, я пережил поход на Москву...

Я регенерирую быстрее и лучше, чем кто бы то ни было из всех, кого я знал.

Наполеон как-то обращал на это внимание. Равно, как и генерал МакАртур^[30].

С нервными тканями это заняло у меня чуть больше времени, вот и все.

Зрение возвращалось ко мне, вот что значило это чудесное пятно справа от меня.

Чуть погодя я узнал, что это было зарешеченное окошко в двери моей камеры.

Я вырастил себе новые глаза — сказали мне мои пальцы. Это заняло у меня более трех лет, но я сделал это. Это был тот единственный шанс из миллиона, о котором я говорил, та способность, которой достаточно хорошо не владел даже Эрик, потому что сила членов семьи проявляется по-разному. Я превосходил его в этом: я узнал, что могу вырастить новые глазные яблоки. Я всегда знал, что смогу восстановить нервные ткани, дайте время. Я был полностью парализован после перелома позвоночника во время франко-прусской войны. Через два года все прошло. У меня была надежда — дикая, признаюсь, — что и с выжженными глазницами я смогу сделать то, что сделал. И я был прав. Зрение медленно возвращалось, глаза казались нетронутыми.

Сколько же времени осталось до следующей годовщины? Я перестал шагать, и сердце мое забилося сильнее. Как только кто-нибудь заметит, что у меня есть глаза, я тут же их вновь лишусь. Значит, надо бежать из тюрьмы, пока не минет четырехлетие.

Как?

До сих поря не придавал значения побегу, не думал о нем, ведь если бы я и нашел способ

выбраться из камеры, мне не удастся уйти из Янтаря, и даже из дворца — без глаз, без помощи, которой мне не от кого было ждать.

Теперь же...

Дверь в мою камеру была большой, тяжелой и обита медью, с крошечным зарешеченным квадратом на высоте пяти футов для того, чтоб можно было видеть, жив я еще или умер, если кого-нибудь это вдруг заинтересует. Даже если высадить эту решетку, ясно, что я не смогу пропихнуть руку настолько, чтобы добраться до замка. В нижнем же краю двери были маленькие воротца, достаточно большие, чтобы подавать внутрь пищу — и все. Петли были либо снаружи, либо между дверью и косяком, в этом я не был уверен. В любом случае я не мог до них добраться. Ни окон, ни других дверей не было.

Я по-прежнему был почти слепым, потому что слабый свет проникал ко мне только через это зарешеченное оконце. К тому же зрение еще не вернулось ко мне полностью. До этого было далеко. Да и с полным зрением в моей камере было чертовски темно. Я знал это, так как хорошо знал темницы Янтаря.

Я закурил сигарету и побродил еще немного, оценивая свои пожитки, в роли орудия для побега. У меня была одежда, спальный матрас и сколько угодно мокрой, прелой соломы. У меня также были спички, но я быстро отверг мысль о поджоге соломы и устройстве пожара. Я сомневался, что кто-нибудь придет спасти меня, если я это сделаю, и откроет дверь. Скорее всего стражник подойдет к двери и посмеется, если, конечно, соизволит подойти. У меня была ложка, которую я украл на прошлом банкете. На самом-то деле я хотел стянуть нож, но Джулиэн поймал меня на месте преступления и выхватил его из моих рук. Но он не знал, что это была моя вторая попытка. Ложка уже была у меня в сапоге.

Для чего она могла пригодиться?

Я слышал рассказы об узниках, которые прокапывали подземные ходы самыми идиотскими предметами, такими, как, например, поясная пряжка, которой я не имел, и тому подобное. Но у меня не было времени на подвиги графа Монте-Кристо. Я должен сбежать в течение нескольких месяцев, иначе мои новые глаза мне не пригодятся.

Дверь в основном была деревянной. Дуб. Обтянута она была четырьмя металлическими полосами. Одна полоса шла по самому верху, другая

— по низу, над воротцами для пищи, а две остальные шли перпендикулярно сверху вниз, проходя по обе стороны зарешеченного квадрата — оконца в фут размером. Дверь открывалась наружу, и замок ее был слева от меня. Память подсказала, что толщина двери была два дюйма, и я помнил, в каком месте находится замок, что и подтвердил опытным путем, налегая на дверь и чувствуя ее напряжение. Я знал, что снаружи дверь задвигалась на крепкие засовы, но об этом я могу позаботиться и позже. Может быть, мне удастся приподнять засов, пропихнув ручку ложки, между краем двери и косяком.

Я встал на матрас коленями, ручкой ложки очертил квадрат вокруг того места, где находился замок. Я работал до тех пор, пока рука у меня чуть не отвалилась от усталости — наверное, часа два. Затем я потрогал пальцами поверхность дерева. Я добился немногого, но это было только начало. Я взял ложку в левую руку и продолжил работу, пока эта рука тоже не заныла.

Я надеялся, что появится Рейн: я был уверен, что если буду достаточно настойчив, мне удастся уговорить его оставить кинжал. Однако он не появлялся.

Я работал день за днем, пока не вгрызся в дерево на полдюйма. Каждый раз, когда я слышал шаги стражника, я убирал матрас на прежнее место в дальний угол и укладывался на него спиной к двери. Когда стражник проходил, я возобновлял работу. Затем пришлось прервать работу, несмотря на мою злость. Как я ни заворачивал руки в клочья одежды, кожа все равно

покрылась пузырями, которые затем лопнули, и, в конце концов, я стер их в кровь. Пришлось сделать перерыв, пока раны не зажили. Я решил посвятить время отдыха составлению планов того, что я буду делать после побега.

Когда я прорублю дверь, я подниму засов. Шум от его падения, конечно, привлечет стражников. Но к этому времени меня в камере не будет. Пара хороших ударов, и тот квадрат, который я выпиливал, упадет наружу вместе с замком — там он и останется. Я открою дверь и окажусь лицом к лицу со стражником. Он будет вооружен, а я безоружен. Мне придется его убить.

Может, он будет слишком самоуверен, зная, что я слеп. С другой стороны он будет бояться, вспоминая ту битву, когда я вошел в Янтарь. В любом случае он умрет. И тогда я буду вооружен. Я схватил себя левой рукой за правый бицепс, и пальцы мои сомкнулись. Боги! Я весь высох! Но что бы там ни было, во мне текла кровь принцев Янтаря, и я чувствовал, что даже сейчас я смогу убить любого обычного человека. Может, я и тешил себя, но попробовать стоит.

Затем, если это мне удастся, то на пути к Образу ничто не остановит меня, вооруженного клинком. Я пройду Образ, а добравшись до центра, перемещусь в мир любой Тени, который сочту нужным. Там я восстановлю силы, и в следующий раз не буду торопить события. Даже если это займет сотню лет, я подготовлю все как следует, на сто процентов, прежде чем напасть на Янтарь снова. Ведь в конце концов, формально я здесь — правитель. Разве не я короновал себя в присутствии всех, прежде чем это успел сделать Эрик? Я сделал отличную заявку на трон!

Если б была возможность уйти в Тень прямо из Янтаря! Тогда не пришлось бы возиться с Образом. Но мой Янтарь — центр всего сущего, и из него не так-то просто уйти.

Через месяц мои руки полностью зажили, и от усердного ковыряния на них выросли жесткие мозоли. Работая, я услышал шаги стражника и переместился к дальней стене камеры. Раздался слабый скрип, и моя пища пролезла под дверь. Затем опять раздались шаги, на этот раз удаляющиеся.

Я вернулся к двери. Я знал, что будет на подносе: ломоть плесневелого хлеба, кружка воды и, если повезет, кусок сыра. Я устроил матрас поудобнее, встал на колени и ощупал пальцами сделанную дырку. Я уже выдолбил больше половины. Затем я услышал смехок.

Он шел из темноты за моей спиной.

Я повернулся, и мне не нужно было глаз, чтобы знать: в камере был кто-то еще. Слева у стены стоял человек и ухмылялся.

— Кто здесь? — спросил я, и мой голос звучал странно. Я понял, что это первые слова, которые я произнес за много дней молчания.

— Удрать, — произнес кто-то, — хочет удрать.

И опять — смехок.

— Как вы сюда попали?

— Прошел.

— Откуда? Как? — я зажег спичку, и глазам стало больно, но я не погасил ее.

Это был человек небольшого роста. Можно сказать, крошечный. Меньше пяти футов и с горбом. Борода и волосы его были столь же длинные, как и у меня. Единственное, что резко выделялось в этой гуще волос — длинный крючковатый нос, да еще почти черные глаза, блестящие в свете спички.

— Двэкин! — сказал я.

— Это имя мое, — снова ухмыльнулся он. — А твое?

— Неужели вы не узнали меня, Двэкин? — я зажег еще одну спичку и поднес ее к своему лицу. — Смотрите. Забудьте волосы и бороду. Добавьте сотню фунтов. Вы рисовали меня для нескольких карточных колод.

— Кэвин, — сказал он после недолгого раздумья. — Я тебя помню. Да.

— Я думал, что вас нет в живых.

— А я жив. Вот видишь? — и с этими словами он сделал пируэт. — А как твой отец? Давно ты видел его? Это он засадил тебя сюда?

— Оберона больше нет, — ответил я. — В Янтаре правит мой брат Эрик, и я — его узник.

— Тогда я — главное, — сказал Двэкин, — потому что я узник самого Оберона.

— Вот как? Никто не знает, что Папа заключил вас в темницу.

Я услышал, как он заплакал.

— Да, — сказал Двэкин немного погодя, — он мне не доверял.

— Почему?

— Я рассказал ему, что придумал, как уничтожить Янтарь. Я описал ему мой способ, и он запер меня здесь.

— Это было не то чтобы хорошо.

— Верно, — согласился Двэкин, — хоть он и дал мне миленькую комнатку и кучу всего для исследований. Но потом он перестал навещать меня. Обычно он приводил людей, которые показывали мне чернильные кляксы и заставляли рассказывать всякие истории. Это было забавно, пока я не рассказал историю, которая мне не понравилась, и я, обидевшись, обратился человека в лягушку. Король разозлился, когда я отказался перепревернуть его обратно, но прошло так много времени, когда я хоть с кем-то говорил, что я согласен перепревернуть его обратно в человека, если, конечно, король еще хочет этого. Однажды...

— Как вы попали сюда, в мою темницу? — снова спросил я.

— Я ведь сказал тебе: прошел.

— Сквозь стену?

— Ну, конечно, нет. Сквозь Тень стены.

— Никто не может ходить сквозь Тень в Янтаре. В Янтаре нет Теней.

— Видишь ли... я сжульничал, — признался он.

— Как?

— Я нарисовал новый Козырь и прошел сквозь него, чтобы взглянуть, что новенького по эту сторону стены. О!.. Я вспомнил! Без Козыря я не смогу попасть обратно. Придется рисовать новый. У тебя есть что-нибудь перекусить? И чем можно рисовать? И на чем?

— Возьмите кусок хлеба, — сказал я ему, протягивая свой обед. — А заодно и кусок сыра.

— Спасибо тебе, Кэвин.

И он сожрал хлеб и сыр, а потом выпил всю мою воду.

— А теперь, если ты дашь мне перо и кусок пергамента, я вернусь к себе. Я хочу дочитать книгу. Приятно было поболтать с тобой. Жаль, что так вышло с Эриком. Может, я еще наведаюсь к тебе, и мы поговорим. Если ты увидишь своего отца, попроси, пожалуйста, чтобы он не сердился за то, что я превратил его человека в...

— У меня нет ни пера, ни пергамента, — сказал я.

— Боги, — сказал Двэкин. — Ну, это уж совсем невежливо.

— Знаю. Ну, тогда и Эрик не слишком вежлив.

— Ну, хорошо, а что у тебя есть? Моя комната нравится мне больше, чем это место. Там, по крайней мере, — светлее.

— Вы пообедали со мной, и я хочу просить вас об услуге. Если вы выполните мою просьбу, я обещаю, что сделаю все, чтобы помирить вас с отцом.

— И чего же тебе надо?

— Я часто наслаждался вашим искусством, и есть картина, которую мне очень хочется иметь именно в вашем исполнении. Помните ли вы маяк на Кабре?

— Ну, конечно. Я бывал там много раз. Я знаю его хранителя Джоупина. Я часто играл с ним в шахматы.

— Больше всего на свете, о чем я только могу мечтать... — сказал я ему. — Почти всю жизнь я страстно желал увидеть один из ваших волшебных набросков той громадной серой башни.

— Очень простой рисунок, и довольно приятный, не могу не согласиться. В прошлом я, действительно, делал наброски этого места, но как-то никогда не доводил их до конца. Слишком много было другой работы. Но если хочешь, я схожу за одним.

— Нет, — сказал я. — Мне бы хотелось чего-нибудь более постоянного: чтобы этот рисунок был здесь в камере у меня перед глазами, чтобы он утешал и меня, и всех прочих узников, которые попадут сюда потом.

— Похвально, — сказал Двэкин. — Но на чем же мне рисовать?

— У меня есть стило, — сказал я (ручка ложки здорово поистерлась и заострилась), — и мне хотелось бы, чтобы картина была на дальней стене: хочу смотреть на нее, когда прилягу.

Он долго молчал, наконец заметил:

— Здесь очень плохое освещение.

— У меня есть несколько коробков спичек, и я буду зажигать их по одной. Если не хватит спичек, можно будет спалить солому.

— Не могу сказать, что это идеальные условия для работы...

— Знаю, и заранее прошу прощения за это, великий Двэкин, но это лучшее из того, что я могу предложить. Картина, написанная вашей рукой, рукой мастера, осветит мою жалкую жизнь и согреет меня в темнице.

Он опять ухмыльнулся.

— Очень хорошо. Но ты должен мне обещать, что посветишь мне потом: я нарисую картину для себя и попаду домой.

— Согласен, — сказал я и сунул руку в карман.

У меня было три полных коробка и часть четвертого. Я сунул ложку ему в руку и подвел к стене.

— Появилось ли у вас чувство инструмента? — спросил я его.

— Да, это заостренная ложка, разве нет?

— Верно. Я зажгу спичку, как только вы скажете, что готовы. Вам придется рисовать быстро, потому что мой запас спичек ограничен. Половину спичек я израсходую на рисунок маяка, а вторую половину — на ваше усмотрение.

— Хорошо, — сказал он, и я зажег спичку, а Двэкин начал чертить линии на сырой серой стене.

Первым делом он очертил большой прямоугольник, как раму для своего наброска. Затем быстрыми четкими штрихами начал набрасывать маяк. Было просто удивительно, но этот полубезумный человек сохранил все прежнее мастерство. Я держал каждую спичку за ее голое основание, плевал на большой и указательный пальцы левой руки, и когда уже не мог держать спичку больше в правой, брался за обгоревший конец и переворачивал ее, заставляя сгорать полностью, прежде чем зажечь следующую.

Когда первый коробок кончился, Двэкин закончил башню и работал над морем и небом. Я вдохновлял его, издавая восхищенные возгласы при каждом штрихе.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал я, когда он почти закончил. Затем он заставил меня потратить еще одну спичку, пока подписывал картину. К тому времени я потратил почти всю вторую коробку.

— А сейчас давай восхищаться, — сказал Двэкин.

— Если вы хотите вернуться домой, то придется оставить все восхищения мне, — сказал я ему. — У нас слишком мало спичек, чтобы заниматься критикой.

Он побурчал, но все же подошел к другой стенке и начал набрасывать, как только я зажег спичку.

Он набросал крошечный кабинет, стол, череп на столе, глобус рядом, стены, заставленные книгами до самого потолка.

— Теперь хорошо, — сказал Двэкин, когда я кончил третью коробку моих спичек и начал остатки четвертой.

Ему понадобилось еще шесть спичек, чтобы закончить, и одну, чтобы подписаться.

Он уставился на рисунок, пока горела восьмая спичка — и у меня оставалось всего две, — а затем сделал шаг вперед и исчез.

Этой спичкой я обжегся и уронил ее, и она зашипела, когда упала на сырую солому и погасла.

Я стоял, дрожа, полный смутных чувств, но вдруг вновь услышал голос и почувствовал присутствие рядом. Двэкин вернулся.

— Знаешь, что мне пришло в голову? — спросил он. — Как же ты будешь любоваться моей картиной, когда здесь так темно?

— О, я вижу в темноте, — сказал я. — Мы жили с ней вместе так долго, что стали друзьями.

— Понимаю. Мне просто стало любопытно. Посвети-ка мне, чтобы я снова мог попасть к себе.

— Хорошо, — согласился я, беря в руки свою предпоследнюю спичку. — Но в следующий раз, если захотите навестить меня, то приходите со своими спичками, потому что светить мне будет нечем. Спички кончились.

— Хорошо.

Я зажег спичку, он уставился на свой рисунок, подошел ближе и еще раз исчез.

Я быстро повернулся и посмотрел на маяк Кабры прежде чем спичка погасла. Да, в этом рисунке чувствовалась сила.

Хватит ли мне моей последней спички?

Я был уверен, что нет. Слишком долго приходилось концентрироваться даже для побега через Козырь.

Что бы мне поджечь? Солома была слишком сыра и могла не загореться. Это ужасно — иметь выход, дорогу к свободе, здесь, со мной, и не иметь возможности ей воспользоваться.

Мне нужен был огонь, который продержится некоторое время.

Мой матрас! Это был льняной тюфяк, набитый соломой. Солома из тюфяка, наверняка, будет суше, да и лен горит неплохо.

Я разгреб солому на полу, добравшись до камня. Затем поискал ложку, чтобы вспороть матрас. Тут я выругался. Двэкин унес ее.

Я бил и рвал матрас.

Наконец он развалился, и я вытащил из его нутра сухую солому. Я свалил ее небольшой кучкой, а рядом положил ткань для подтопки, если понадобится. Чем меньше дыма, тем лучше. Он только привлечет внимание, если вдруг мимо пройдет стражник. Однако это было маловероятно: пищу мне уже принесли, а кормили здесь один раз в день.

Я зажег последнюю спичку, потом подпалил ею спичечный коробок. Когда коробок загорелся, я положил его в солому.

У меня почти ничего не получилось. Солома оказалась более сырой, чем я предполагал, хотя я и достал ее из самой сердцевины матраса. Но в конце концов появился маленький огонек. Для этого мне пришлось сжечь два пустых короба, и я был рад, что не выбросил их.

Когда я кинул в огонь третий коробок, я выпрямился, держа в руках полотно, и повернулся к рисунку.

Стена осветилась. Когда пламя поднялось выше, я сконцентрировался на башне и начал вспоминать ее. Мне показалось, что я слышал крик чайки. Потянуло чем-то похожим на соленый бриз, и по мере того, как я всматривался, берег становилось все реальнее.

Я бросил полотно в костер, и пламя на мгновение стихло, а затем взлетело к потолку. Я ни на миг не отрывал глаз от рисунка.

Волшебная сила по-прежнему была в руке Двэкина, и вскоре маяк показался мне столь же реальным, как и камера. Затем он стал единственной реальностью, а камера — всего лишь Тенью за моей спиной. Я слышал плеск волн, почувствовал тепло солнца.

Я сделал шаг вперед, но нога моя не коснулась огня.

Я стоял на песчаном скалистом уступе маленького островка под названием Кабра, где располагался большой серый маяк, освещавший по ночам водный путь для кораблей Янтаря. Стая перепуганных чаек с криками кружила надо мной, и мой смех слился в одно с гулом прибоя и свободной песней ветра. Янтарь находился в сорока милях за моим левым плечом.

Я сбежал.

Я прошел к маяку и взобрался по каменным ступеням, ведущим к двери его западного входа. Дверь была высокой, мощной и водонепроницаемой. К тому же она была заперта. Позади меня, ярдах в трехстах, находилась небольшая пристань. Там были пришвартованы две лодки. Одна — обычная, весельная. Другая — легкий парусник с каютой. Они мягко покачивались на волнах, и вода вокруг блестела на солнце, как слюда. Я остановился ненадолго, чтобы рассмотреть их. Прошло так много времени с тех пор, как я видел хоть что-нибудь подобное, и на мгновение они показались мне более, чем реальными, и я с трудом удержал рыдание, проглотил его.

Я отвернулся и постучал в дверь.
Когда терпение кончилось, я снова постучал.

В конце концов я услышал внутри какую-то возню, а потом дверь распахнулась, скрипнув ржавыми петлями.

Джоупин — хранитель маяка — смотрел на меня налитыми кровью глазами, словно изучая, и я унюхал запах виски в его выдохе. Он был ростом около пяти с половиной футов, но такой сгорбленный, что напоминал мне Двэкина. Борода у него была такой же длины, как и моя, поэтому, естественно, казалась длинней, и была она пепельного серого цвета, если не считать нескольких желтых пятен возле пересохших губ. Кожа у него была пористая, как у кожуры апельсина, а стихии придали ей темный цвет, так что-то в ней было от красивой от старинной мебели. Сосредотачиваясь, он скосил темные глаза. Как и большинство людей, которые плохо слышат, он говорил громко.

— Кто вы? Что вам нужно? — спросил он.

Если я был столь неузнаваем в моем нынешнем волосатом варианте, то я решил сохранить свое инкогнито.

— Я — путешественник, с юга, и потерпел кораблекрушение, — сказал я. — Я ухватился за большой обломок дерева, и меня вынесло сюда, на этот берег. Я проспал все утро. И сейчас я, наконец, нашел в себе силы, чтобы встать и дойти до маяка.

Он сделал шаг вперед и взял меня за руку. Второй рукой он обнял меня за плечи.

— Входи, входи же, — сказал он. — И обопрись на меня. Ну, ничего, ничего, все обойдется. Пойдем.

Он привел меня в свои комнаты, которые были жутко захламлены, завалены старыми книгами, морскими картами и корабельными снастями. Он не очень-то твердо держался на ногах, поэтому я старался не наваливаться на него сильно, и лишь для того, чтобы поддержать его убеждение, что я полностью истощен. С этой же целью я с трудом оперся о косяк двери.

Он подвел меня к своей койке, предложил прилечь и ушел запирать дверь и поискать что-нибудь съестного.

Я снял ботинки, но ноги у меня были настолько грязны, что я натянул обувь обратно. Если б я действительно долго плавал в море, я никогда не был бы таким грязным. Мне не хотелось, чтобы он так быстро уличил меня во лжи, поэтому я натянул одеяло и откинулся на постели, и в самом деле отдыхая.

Джоупин быстро вернулся с кувшином воды и кувшином пива, большим куском говядины и половиной каравай хлеба на деревянном подносе. Он смахнул с маленького столика все, что там лежало, и ногой придвинул его к кровати. Потом поставил на него поднос и велел мне угощаться.

Я так и сделал. Я нафаршировал себя, как ту индейку. Я глотал. Я сожрал все, что попало мне на глаза. Я опустошил оба кувшина.

Затем я почувствовал, что смертельно устал. Джоупин кивнул, когда увидел, что у меня смыкаются веки и сказал, чтобы я засыпал. Раньше, чем я это понял, я уснул.

Когда я проснулся, стояла ночь, и я почувствовал себя значительно лучше, чем за много-много ушедших недель. Я встал, повторил свой маршрут, и вышел наружу. Было холодно, небо было кристально чистым, и на нем, казалось, горели миллионы звезд. Фонарь на вершине башни вспыхнул за моей спиной, потом потух, вспыхнул, потух. Вода была холодной, но я должен был искупаться. Я вымылся, постирал одежду и выжал ее. Я занимался этим около часа. Затем я вернулся на маяк, повесил одежду на спинку старого стула, чтобы она высохла, забрался под одеяло и опять уснул.

Наутро, когда я проснулся, Джоупин уже был на ногах. Он приготовил мне обильный завтрак, и я поступил с ним так же, как и с ужином. Затем я одолжил у него бритву, зеркало, ножницы, как сумел побрился и сделал что-то вроде стрижки. Затем я опять выкупался, и когда надел на себя чистую, крепкую от соли одежду, я почувствовал себя почти человеком.

Когда я вернулся с моря, Джоупин взглянул на меня и сказал:

— Сдается, парнишка, я тебя знаю.

Я пожал плечами.

— Расскажи-ка мне о своем крушении.

Я рассказал. Да, но как! Какое бедствие я детальнейше описал. Даже шлепнувшуюся грот-мачту.

Он потрепал меня по плечу и налил выпить. Он зажег мне сигару.

— Отдыхай спокойно, — сказал Джоупин мне. — Я свезу тебя на берег, когда захочешь, или посигналю проходящему кораблю, если он будет тебе знаком.

Я воспользовался его гостеприимством. Пока я не мог поступить иначе. Я ел его пищу и пил его виски, и взял у него чистую рубашку, которая была ему слишком велика. Она принадлежала его другу, который утонул в море.

Я оставался с ним три месяца и постепенно набирался сил. Я, конечно, помогал ему, чем мог — следил по ночам за маяком, когда он лежал, словно избитый, убирал все комнаты в доме, даже выкрасил две из них и заменил пять сломанных оконных переплетов

— и вместе с ним смотрел на море, когда налетал шторм.

Как я выяснил, Джоупин совсем не интересовался политикой. Ему было безразлично, кто правит в Янтаре. По его мнению, вся наша проклятая компания была испорчена. Пока он мог обслуживать свой маяк, есть хорошую еду и пить славный самогон, а также в полном покое составлять навигационные карты, чихать ему было на то, что происходило на берегу. Он нравился мне все больше и больше, а так как я тоже кое-что знал о старых морских картах, мы провели много приятных вечеров, внося в них исправления. Много лет тому назад я отправился в путешествие на корабле далеко на север, и я составил для него новую карту, основанную на том, что я лично помнил. Это, казалось, доставило ему огромное удовольствие, равно как и мое описание тех вод.

— Кори (так я ему представился), мне бы хотелось отплыть с тобой куда-нибудь, — сказал Джоупин. — Я не понял сразу, что ты был шкипером.

— Кто знает, — ответил я. — Ведь ты тоже когда-то был капитаном, верно?

— Откуда ты знаешь?

Я, действительно, знал, но в ответ обвел рукой вокруг.

— Все эти вещи, которые ты собираешь, и твоя любовь к составлению карт, да и ведешь ты себя так, как человек, привыкший командовать, — ответил я.

Он улыбнулся.

— Да, — сказал он мне, — это так. Когда-то я командовал... Лет сто. Но это было так давно... Давай, лучше выпьем.

Я сделал маленький глоток и отставил рюмку в сторону. За те месяцы, что провел у него, я прибавил в весе фунтов сорок. Каждый день я ждал, что он признает во мне члена семьи. Может, когда узнает, он выдаст меня Эрику, а может, и — нет. Теперь, когда между нами возникли товарищеские отношения, я чувствовал, что он не сможет так поступить. Но я не хотел проверять.

Иногда, сидя у огня маяка, я размышлял:

"Долго ли я останусь здесь?"

Недолго, — решил я, добавляя в лампу каплю жира — нет, совсем недолго. Приближается время, когда я отправлюсь в путь и вновь пойду сквозь Тень.

И однажды я почувствовал давление, мягкое, запрашивающее поначалу. Я не мог сказать уверенно, кто это был.

В ту же секунду я остановился как вкопанный, закрыл глаза и заставил разум очиститься, замерзнуть. Прошло по меньшей мере пять минут, пока давление не прошло. Тогда я принялся ходить и размышлять, и тут же улыбнулся, глядя КАК я хожу. Я подсознательно ходил по тому небольшому пространству, которое мне позволяла камера там, в Янтаре.

Кто-то только что попытался связаться со мной через мой Козырь. Был ли это Эрик? Стало ли ему, наконец, известно, что я бежал, и не он ли пытается так обнаружить меня? Я не был уверен. Я чувствовал, что он боится ментального контакта со мной. Тогда Джулиэн? Или Джерард? Кэйн? Кто бы это ни был, я закрылся от него полностью, это я знал. И я откажусь от связи с любым членом моей семьи. Может, я и пропущу важные новости или чью-нибудь дружескую помощь, но я не мог рисковать. Попытка контакта и моя блокировка бросили меня в дрожь, словно от холода. Меня трясло. Я думал весь день и решил, что пришла пора пускаться в путь. Мало было хорошего в том, что я оставался так близко от Янтара — ведь я был еще очень уязвим. Я поправился вполне достаточно для того, чтобы идти сквозь Тени, чтобы найти тот мир, куда мне следовало прийти, если я хотел, чтобы Янтарь когда-нибудь стал моим. С помощью старого Джоупина я был убаюкан покоем. Мне будет тяжело расстаться с ним — я успел полюбить старика. Поэтому вечером, после нашей традиционной партии в шахматы, я сказал ему о намерении уйти.

Он налил нам выпить и поднял свой стакан, сказав:

— Счастливого тебе пути, Кэвин. Надеюсь, что мы еще когда-нибудь увидимся.

Я не отреагировал внимания на имя, и он улыбнулся, поскольку понял, что это от меня не ускользнуло.

— Мне было хорошо здесь с тобой, Джоупин. Если мне удастся то, что я задумал, я не забуду, что ты сделал для меня.

— Мне ничего не нужно, — он покачал головой. — Я счастлив тем, что имею, делая то, что делаю. Я радуюсь, обслуживая этот проклятый маяк. Это — вся моя жизнь. И если тебе удастся то, что ты задумал, нет, не говори мне об этом, пожалуйста! Я ничего не хочу знать! Я просто буду надеяться, что ты иногда заглянешь ко мне на огонек сыграть со мной партию-другую в шахматы.

— Непременно, — пообещал я.

— Если хочешь, утром можешь взять "Бабочку".

"Бабочка" — это его парусное судно.

— Но прежде чем ты уйдешь, я хочу, чтобы ты взял подзорную трубу, взобрался на башню и посмотрел назад, на Гарнатскую Долину.

— И что я увижу?

— Об этом лучше судить тебе самому, без помощников, — пожал он плечами.

— Хорошо, я сделаю это, — кивнул я.

Затем мы долго пили, пока не почувствовали себя совсем хорошо, а потом принялись устраиваться на ночь. Мне будет не хватать старика Джоупина. Вместе с Рейном, они оказались теми немногочисленными друзьями, которых я нашел по возвращении. Засыпая, я подумал о долине, которая стала огненным котлом в тот последний день нашего похода. Что необычного может произойти там сейчас, четыре года спустя?

Я спал, встревоженный снами об оборотнях и шабашах, а над миром поднималась полная луна.

Когда я встал, только-только начало светать. Джоупин еще спал, и я был рад этому: не люблю прощаний, и к тому же было у меня странное предчувствие того, что вижу его в последний раз.

Захватив с собой подзорную трубу, я взобрался на башню, в комнату, где зажигался огонь маяка. Я подошел к окну, выходящему на берег, и посмотрел в долину.

Над лесом висел туман. Это был холодный, мокрый туман, который, казалось, прилипал к вершинам низкорослых кривых деревьев. Деревья были черными, и ветви их сплетались, как скрюченные пальцы паралитика. Среди них мелькали какие-то неясные черные твари, и по их полету я понял, что это — не птицы. Может, летучие мыши? Чье-то злобное присутствие чувствовалось в этом лесу, и вдруг я понял, что это. Это был я.

Все это сделал я своим проклятием. Я превратил мирную Гарнатскую Долину в то, что я увидел; это был символ моей ненависти к Эрику и всем тем, кто сражаясь, позволил ему захватить власть, ослепить меня. Мне не нравилось, как выглядит этот лес, и, когда я смотрел на него, я понял, во что воплотилась моя ненависть. Я знал это, это было частью меня.

Я создал новый путь в реальный мир. Гарнат — стал дорогой сквозь Тени, Тени мрачные и темные. Только зловещее могло идти по этой тропинке. Это и было источником тех тварей, о которых говорил Рейн, тварей, которые беспокоили Эрика. Хорошо — в каком-то смысле — если эта борьба отвлечет его от всего остального. Но когда я опустил подзорную трубу, я никак не мог избавиться от чувства, что я освободил что-то мерзкое. В миг проклятия я не знал, увижу ли когда-нибудь ясное дневное небо. Но сейчас, когда я видел, я понял, что спустил с привязи тварь, которого нелегко будет уничтожить. Даже сейчас я видел, какие странные тела двигались в выжженном лесу. Я сделал то, чего никто и никогда не делал со времен Оберона: открыл новый путь в Янтарь. И открыл его только для зла. Придет день, когда правитель Янтара — кем бы он ни был — столкнется со страшной задачей, как закрыть путь. Я знал это, вглядываясь туда, все понимая, потому что это было моим творением, детищем моей боли, гнева и ненависти. Если когда-нибудь я выиграю битву за Янтарь, мне придется сразиться с делом рук своих, что всегда дьявольски трудно. Я вздохнул.

Да будет так, — решил я. А тем временем Эрику будет чем заняться, чтобы не страдать бессонницей.

Я быстро перекусил, снарядил, как мог, "Бабочку", поднял паруса, оттолкнулся от берега и сел за руль. Джоупин обычно вставал к этому времени, но, может, он тоже не любил долгих прощаний.

Я направил лодку в море, зная, куда иду, но не ведая, как туда добраться. Я поплыву сквозь Тень и странные воды, но так будет лучше, чем сухим путем, который моими стараниями рассек королевство.

Я направил лодку к ближайшей земле, такой же сияющей, как Янтарь, — месту почти бессмертному, месту, которого больше нет. Его пожрал Хаос много веков назад, но где-то все же

должна была остаться Тень от него. Мне требовалось только найти ее, узнать и снова сделать своей, как это было в давние времена. Затем, когда со мной будет войско, я сделаю еще одну вещь, которой не знал Янтарь. Я не знал, как это сделать, но обещал себе, что в день моего возвращения в бессмертном городе будет греметь канонада.

Когда я отплыл в Тень, белая птица моей удачи прилетела и опустилась мне на правое плечо, и я написал записку, привязал к птичьей лапе и послал птицу в путь. Записка гласила: "Я иду", и дальше — моя подпись.

Я не успокоюсь, пока месть и трон не окажутся у меня в руках, и доброй ночи, милый принц, всему, что стоит между мной и моей целью.

Солнце висело низко, над моим левым плечом, а ветры надували паруса и несли меня вперед. Я выругался, а потом засмеялся.

Я был свободен, и я бежал, и пока что мне удавалось все. И у меня появился тот шанс, о котором я мечтал.

Черная птица моей удачи прилетела и опустилась мне на левое плечо, и я написал записку, привязал к птичьей лапе и послал птицу на запад.

Записка гласила:

"Эрик, я вернусь".

И дальше — моя подпись:

"Кэвин — повелитель Янтаря".

Демон-ветер нес меня к востоку от солнца^{[\[31\]](#)}.

Любой перевод книги требует решения довольно неприятной, страшно неоднозначной задачи. Хорошо бы, если слова, события, имена, сюжеты и цитаты в переведенном тексте несли столько же информации и вызывали столь же обширные ассоциации для русского читателя, как, например, и для английского. Но при этом оставались исключительно словами, событиями, именами, сюжетами и цитатами англоязычных культур. Фактически в рамках русскоязычной культуры можно выделить субкультуры других языков, как некоторое отображение существующих языковых структур. Отображение естественно неполное, неправильное, вернее, искаженное примитивными традициями и сглаживающими принципами "серого перевода". Одной из самых диких традиций, вероятно, является латинизированная транскрипция непереводаемых имен. Здесь царит полная неразбериха. Если Невтон все-таки стал Ньютоном (хотя почему-то остался Исааком), то имя астронома Галли по-прежнему скрывается под псевдонимом "Галлей", а Айнштайн до сих пор — Эйнштейн. Удивительно, как Бернс не стал Бурнсом, и непонятно, как возникают дикие метисные сочетания типа "Дип Перпл". Конечно, хочется произнести словечко или по-гармоничней, или по-привычней. Действительно, есть смысл в том, чтобы подкрашивать имена в благозвучные тона русского языка, но и в этом должно быть чувство меры. Принцип фонетической транскрипции для человека или героя, чье имя перевели на чужой язык.

Непростой проблемой является сленг. Что сочно и очаровательно по-английски не всегда работает в русском. Верно и обратное. Еще более неприятны случаи легкого искажения слова в рамках словесной игры и — что еще хуже — выпендражного словотворчества. При попытках построения адекватной русской фразы возникают конструкции, которые валят с ног редакторов и ввергают в неистовство корректоров. Ужасно, но чтобы пробить косность нашего восприятия иногда приходилось уровень "легкости искажения" менять и не в сторону еще большего изящества. Поэтому некоторые элементы творчества переводчика и изменения оригинального текста в книге все-таки есть.

История, которую рассказывает принц Кэвин своему сыну Мерлину на пороге Хаоса, излагается лаконичным рубленым языком без длиннот и украшений. Юмор принца линейный, граничащий с хамством, хотя и ограненный придворным воспитанием. Впрочем, то же самое можно сказать и об остальных манерах и речах героя. Кроме того повелители теней безудержно смеются "Салем" и общаются на американском сленге середины шестидесятых. На такую языковую среду накладывается некоторые мелкие несшитости и несвязности первой книги цикла, написанной — как кажется — бурно, на едином стайерском дыхании, но в три приема (по структуре, темпу, языку первая книга романа разваливается на три фрагмента). А значит и русский вариант книги обладает всеми прелестями и недочетами оригинала. Ну, а что натворил с текстом переводчик — судить господину читателю.

Хочется предупредить напоследок, что, равно как и в книге Роджера Желязны, все цитаты из Шекспира и Библии приведены без кавычек.

Кэвин (Corvin) — от *corvinus*, то есть имеющий свойства ворона, принадлежащий к воронам, вороненок. В ирландской традиции вороны — боевые птицы. Облик воронов принимают богини войны и разрушения Бадб и Морриган. И как говорят на Британских островах: "Пока вороны живут в Тауэре, Англия может спать спокойно".

Флори, Флоримель — медонос; в "Королеве Эльфов" Спенсера характер, иллюстрирующий женскую прелесть, утонченность и легкомысленность.

Джулиэн — от *julius*, сноп сена.

Эрик — так называлась у древних ирландцев плата родственникам за убитого члена семьи.

Кэйн (Caine) — к Каину не имеет ни малейшего отношения. В Ирландии и Шотландии так называлась плата за землю в виде продуктов, а так же штраф, взятый натурой.

Блейс — предположительно от *blaze* — вспышка, сияние; в тексте постоянно подчеркивается рыжий цвет волос Блейса, напоминающих пламя.

Рэндом — *random* — выбранный или сделанный наугад, случайно; случайный; *at random* — наобум, наудачу.

Бенедикт — благословенный. Орден св. Бенедикта, первый монашеский орден на Западе, представлял из себя военный отряд монахов, проповедовавших аскезу, что в самом основном значении есть "военная подготовка". В кельтском эпосе существует аналог этого персонажа — непобедимый воин Нуаду ("собиратель облаков"), который, потеряв в бою руку, не мог больше править Племенами и отказался от трона; в последствии врачеватель Диан Кехт заменил ему руку протезом из серебра и хрусталя, который двигался, как живой.

Брэнд — выжженное место, головня, факел, участок горящего леса, а так же клеймо, выжигаемое на коже преступника.

Дейрдре — "трепетная", в кельтском эпосе есть аналог: воспитанница короля уладов Конхобара, которая сбежала со своим возлюбленным Найси, но вернулась после обещания помиловать их. Конхобар нарушил слово, казнив Найси. Дейрдре была обязана провести год в качестве наложницы у самого ненавистного ей человека среди уладов (в последствии — с самим Конхобаром). Бросилась с колесницы на камни и разбилась.

Фиона — у кельтов существует Фионнуалла, Фионола, дочь бога морей Лера, старшая из его четырех дочерей, обращенных в лебедей ревливой мачехой.

Льюилл — вероятно, от *lew* — луг, луговая трава. В Англии существует мужское имя Льюиллин, возможно, имя принцессы — женская форма от него.

Мойре — "мокрый шелк".

Мэджэнтс — в оригинале используется ирландская форма Morganath имени феи Морганы, главной из девяти сестер, хозяйек яблоневого сада (характерный признак кельтских представлений о загробном мире). Имя означает "рожденная морем", в Бретани так назывались морские девы, увлекающие в свои дворцы на дне моря смертных.

Мартин — ласточка.

Оберон — правитель эльфов, по одной легенде живущий во дворце за широкой рекой, по другой, более ранней — в холме эдьфов. Имя происходит от Альберих, что в дословном переводе и означает "король эльфов". В поздней английской литературной традиции Оберон обязан своим маленьким ростом проклятию, наложенному на него за любвеобильность.

Двэкин (Dworkin) — В корне имени присутствует явный намек на dwarth — гном. В окончании — kin — уменьшительно-ласкательный суффикс. Что-то вроде "Гномика". Гномы были известны большим мастерством не только в работе по металлу, но и в искусстве.

notes

Примечания

"И Айхманн выполнял."

Айхманн (Эйхманн) — Карл Айхманн (1906–1962 гг.), немецкий фашистский военный преступник. С 1933 г. служил в СС, с 1937 г. возглавлял подотдел "По делам евреев" в имперском управлении безопасности; после разгрома фашистской Германии бежал в Аргентину, откуда был вывезен в 1960 г. израильской разведкой. Казнен.

"...чувствую себя совсем как в Янтаре."

Янтарь — представление Янтаря, как символа власти, достаточно необычно для книги, построенной на кельтских и ирландских мифах. В такой роли Янтарь или "белый нефрит" больше известны в древней культуре Поднебесной империи.

"рисунок белого единорога, вставшего на дыбы..."

Единорог — легендарное животное, имеющее голову, шею, тело лошади, задние ноги оленя, хвост льва и длинный, свитый в спираль рог на лбу. Более раннее представление о единороге — как о звере с телом быка или козла. Известен практически во всех культурах. Символ неистовости, чистоты и любви. Рогу единорога приписывались целебные свойства при лечении различных болезней, укусов змеи и т. п.

"...колода карт, похожих на карты Таро..."

Карты Таро — специальные карты для гадания большего размера, чем игральные. Изобретены во Франции гадалкой мадам Таро (Tarot), от чьего имени и получили свое название. Имеют четыре масти: пентакли (монеты или диски), жезлы, чаши и мечи, которые обычным мастям не соответствуют. Основной особенностью являются так называемые Главные Козыри — не имеющие масти карты с картинками, представляющими рыцаря, даму, епископа, смерть, виселицу и прочее. Карты раскладывались особым образом и читались, так как каждой карте соответствовало особое значение. Картинки могли трактоваться по-разному, в зависимости от того, как ложились окружающие карты. Чем-то подобным занимается принц Кэвин, пользуясь как Главными Козырями картами с изображением родственников.

"...окантованы красным"

Красный цвет у кельтов постоянно связан с потусторонним миром. Связанный же с принцем Кэвином зеленый цвет (глаза, камень на рукоятке меча) так же обозначает связь с "тем светом", но не демоническую, зловещую, а относящуюся к Островам Блаженных.

"ZUNOCO"

ZUNOCO — фирма, занимающаяся нефтедобычей (США).

"Лес Ардена"

Легендарный древний лес в Англии. Занятно, что в староанглийском было слово *ardens*, означающее "пылающий, горящий".

"...на Моргенштерне, самом быстром коне..."

Моргенштерн — род германского копья, заканчивающегося широким клинком, у основания которого располагались острые, длинные шипы в виде игл, образующие кольцо вокруг древка.

"...мертвым цветом глаз веймарской... собаки"

Веймарская собака — германская порода крупных охотничьих собак с короткой серой шерстью и голубыми глазами.

"Маяк Кабры"
Кабра — пригород Белфаста, Ирландия.

"Вэйры"

Вэйры — разновидность оборотней.

"... не достигнем цели — Файела-бионин..."

Из следующих книг серии становится известно имя матери Кэвина — Файела. Так же называлась Лестница Фей в шотландских легендах; эта лестница вела от дверей замка в море.

"К этому кайрну, — сказала Дейдре."

Кайрн — кельтское сооружение в виде пирамиды из камней, предназначенное для обозначения места или чьего-нибудь погребения.

"...если не считать Тир-на Ног`т, куда нам не попасть."

Тир-на Ног`т — один из Благослвленных Островов, иначе Счастливых, лежащих в западном море по ту сторону места, куда опускается солнце. Название означает Остров Молодости, это самый красивый из всех островов. Именно с него пришли в Ирландию Племена богини Дану (Туатха де Дананн). Те, кто убит в сражении на этом острове, на следующий день поднимаются исцеленными. Остров известен своими музыкантами-филидами, поэтому многие мечтают попасть на него, чтобы научиться музыке и стихосложению.

"...один Лер знает"

Лер — имя означает "море", в кельтской мифологии бог морской стихии, хотя обычно упоминается только как отец бога волн Мананнана.

"...кости мертвых Аушвица... видел "Мамашу Кураж"..."

Аушвиц — один из немецких концлагерей.

"Мамаша Кураж" — чуть ли не самая известная пьеса Бертольда Брехта, долго запрещалась к постановке.

"...превратилась в "Aupre de ma Blonde"..."

"Aupre de ma Blonde" — французская народная песня.

"...на ее пальце я увидел Пятно Смерти."

Пятно Смерти — у больных бубонной чумой на коже возникали синюшные пятна, на месте которых образовывались очаги гниения и язвы, в России такие пятна назывались бубнами, отсюда название данной разновидности чумы.

"...в год чумы..."

1501 год, начало в Англии эпидемии быстротечной чумы, распространявшейся черными крысами.

"...потом финте in quarte, финте in sixte..."

in quarte — т. н. "четвертая защита" в фехтовании от ударов, наносимых в корпус сбоку слева, при этом рука с клинком перекрывает корпус защищающегося.

in sixte — т. н. "шестая защита" от удара сверху в лицо или по голове, клинок расположен горизонтально над головой, рука перекрывает лицо.

"...было известно как Авернус..."

Авернус — реально существующая местность, ныне называется Оверн. По представлениям греков там находился вход в Аид.

"...года неудавшейся кампании в России"
1812 г., поход Наполеона.

"...приведет нас к реке Ойсин..."

Ойсин — в кельтской мифологии сын Финна, один из легендарных поэтов Фенниев. Был перевезен на Тир-на Ног`т внучкой Лера Ниамх.

"...командовал, как Роберт Э.Ли в Чэнсиллорсвилле"

Ли, Роберт Эдвард — величайший генерал армии южных штатов и один из великих генералов в мире. Родился в Вирджинии в 1807 г. Выпускник Вестпойнта. В начале войны Севера и Юга отказался от предложенного ему командования армией Севера, мотивируя отказ, что не может повести солдат против людей своего штата. После войны стал президентом Университета Вашингтона-Ли.

Чэнсиллорсвилль — деревня в штате Вирджиния, где генерал Ли нанес поражение Хукеру в мае 1863 года.

"...в приеме corps a corps"

Прием, при котором выпад делается и мечом и кинжалом одновременно.

"За Эрика, который сидит у подножия стола!"

Гости рассаживались по званию и значимости. У подножия стола сидели самые незнатные. Кэвин, сидящий напротив Эрика как раз у подножия, говорит, что на королевском месте во главе стола сидит он сам, а Эрик — наоборот.

"это были "Зеленые Рукава"

Очень популярная народная ирландская песня, которую играют в самых торжественных случаях и на похоронах.

"корона была серебряной с семью высокими пиками"

Описывается корона Туатха де Дананн, легендарных племен, от которых согласно легендам произошли ирландцы.

"когда я стою у порога Хаоса"

Хаос — от греческого chaos, что означает "зев, разверстое пространство, поглощение, первооснова". Из сочинения Секста Эмпирика: "...Хаос есть место, вмещающее в себя целое. Именно, если бы не лежал он в основании, то ни земля, ни вода, ни прочие элементы, ни весь космос не могли бы возникнуть. Даже, если мы по примышлению устраним все, то не устранился место, в котором все было". В Хаосе сходятся все пути, совпадают начало и финал. Хаос всемогущ и безлик, он все оформляет, но сам бесформен. Мировое чудовище, сущность которого бесконечность и ноль одновременно.

"...как и генерал МакАртур"

МакАртур Дуглас (1880–1964) — генерал американской армии. Во время Второй мировой войны командовал войсками США на Дальнем Востоке, а затем союзными войсками в юго-западной части Тихого океана и оккупационными войсками в Японии. В 50-е годы руководил союзными войсками в Корейской войне.

"Демон-ветер нес меня к востоку от солнца"

Цитируется название сборника скандинавских легенд "К востоку от солнца, к западу от луны". В сказке с таким же названием в месте к востоку от солнца и к западу от луны стоял заколдованный замок.